

**Новосибирский государственный
педагогический университет**

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

НАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2 2019

Новосибирск

Учредитель: ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Электронная версия журнала размещена на платформе
Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

О. А. Шамшикова, кандидат психологических наук, профессор, Новосибирск

Заместитель главного редактора

Д. В. Иванов, кандидат педагогических наук, доцент, Новосибирск

Члены редакционной коллегии

Е. И. Кузьмина, доктор психологических наук, профессор, Москва

Е. Ю. Коржова, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург

Е. В. Бакшутова, доктор философских наук, кандидат психологических наук,
профессор, Самара

С. Ю. Жданова, доктор психологических наук, профессор, Пермь

Н. Я. Большунова, доктор психологических наук, профессор, Новосибирск

Е. О. Ермолова, кандидат психологических наук, профессор, Новосибирск

Ю. М. Перевозкина, кандидат психологических наук, профессор, Новосибирск

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

О. О. Андронникова, кандидат психологических наук, профессор, Новосибирск

Члены совета

С. К. Нартова-Бочавер, доктор психологических наук, профессор, Москва

М. К. Кабардов, доктор психологических наук, профессор, Москва

М. М. Решетников, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург

А. В. Зобков, доктор психологических наук, профессор, Владимир

Т. И. Миронова, доктор психологических наук, профессор, Кострома

Н. С. Глуханюк, доктор психологических наук, профессор, Екатеринбург

Ф. Прюс, доктор педагогики, профессор, Грайфсвальд (Германия)

С. А. Стельмах, кандидат психологических наук, доцент,
Усть-Каменогорск (Казахстан)

В. В. Собольников, доктор психологических наук, профессор, Новосибирск

М. Г. Чухрова, доктор медицинских наук, профессор, Новосибирск

Журнал основан в 2017 г.
Выходит 4 раза в год
Компьютерная верстка И. Т. Ильюк
В авторской редакции
630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28,
т. 8(383)244-06-62

© ФГБОУ ВО «НГПУ», 2019
Все права защищены

Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 9,0
Тираж 600 экз. Заказ № 54.
Формат 70x108/16.
Цена свободная
Подписано в печать: 03.07.2019
Отпечатано в Издательстве НГПУ

**Novosibirsk State
Pedagogical University**

HUMAN DEVELOPMENT IN THE MODERN WORLD

SCIENTIFIC PERIODICAL JOURNAL

№ 2 2019

Novosibirsk

The founders of the journal:

Federal state budgetary educational institution of higher education
Novosibirsk State Pedagogical University

EDITORIAL BOARD

Editor in chief

O. A. Shamshikova, Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk

Assistant of the Editor-in-chief

D. V. Ivanov, Cand. of Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Novosibirsk

Editors

E. I. Kuzmina, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow

E. Yu. Korzhova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg

E. V. Bakshutova, Doctor of Sci. (Philos.), Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Samara

S. Yu. Zhdanova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Perm

N. Ya. Bolshunova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk

E. O. Ermolova, Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk

Yu. M. Perevozkina, Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk

EDITORIAL COUNCIL

Chairperson

O. O. Andronnikova, Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk

Council members

S. K. Nartova-Bochaver, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow

M. K. Kabardov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow

M. M. Reshetnikov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg

A. V. Zobkov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Vladimir

T. I. Mironova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Kostroma

N. S. Glukhanyuk, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Ekaterinburg

F. Prusse, Doctor of Pedagogy, Professor, Greifswald (Germany)

S. A. Stelmakh, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor,
Ust-Kamenogorsk (Kazakhstan)

V. V. Sobolnikov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk

M. G. Chuhrova, Doctor of Sci. (Medicine), Professor, Novosibirsk

The journal is based in 2017

Leaves 4 yearly

Electronic make-up operator I. T. Iliuk

Editors address:

630126, Novosibirsk,

Vilyuiskaya, 28, т. (383) 244-06-62

Printing digital. Offset paper

Printer's sheets: 9,5. Publisher's sheets: 9,0.

Circulation 600 issues. Order № 54.

Format 70×108/16

Signed for printing 03.07.2019

Printed by Publishing House of the NSPU

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ

Кузьмина Е. И. (Москва, Россия) Учение И. Фихте о свободе человека – одно из методологических оснований рефлексивно-деятельностного подхода 7

ПРОБЛЕМЫ И ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ, ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Белашина Т. В. (Новосибирск, Россия) Исследование проявлений гнева как предикторов агрессивного поведения личности в разновозрастных группах 17

Зыбина Л. Н., Мантурова Н. М. (Новосибирск, Россия) Исследование особенностей агрессивности у мужчин и женщин в зрелом возрасте 26

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ермолова Е. О. (Новосибирск, Россия) Характерологические особенности лиц с разными типами психологических границ 38

Вершинина Н. А. (Санкт-Петербург, Россия), *Перевозкин С. Б.* (Новосибирск, Россия) Личностные корреляты архетипических образов 48

Подойнищина М. А., Грибенников С. С. (Томск, Россия) Психологическая устойчивость инновационного потенциала у школьников с разной готовностью к предпринимательской деятельности 58

Чухрова М. Г., Пронин С. В., Чухров А. С. (Новосибирск, Россия), *Тошмирзаева Г. Э.* (Ташкент, Узбекистан) Развитие зависимости от спорта на примере аддикции упражнений 68

Андронникова О. О. (Новосибирск, Россия) Безопасность образовательной среды как условие сохранения физического и психологического здоровья участников образовательного процесса 79

Мальшев В. С. (Москва, Россия) Психологические основания конструктивизма как образовательной концепции в подготовке кадров высшей квалификации 88

ИЗ ПОРТФЕЛЯ РЕДАКЦИИ

Большунов А. Я., Тюриков А. Г. (Москва, Россия) «Онтологическая двусмысленность» бытия человеком в современном мире 95

CONTENTS

GENERAL QUESTIONS OF PSYCHOLOGY

<i>Kuzmina E. I.</i> (Moscow, Russia) Fichte's doctrine of freedom is one of the methodological bases of reflexive-active approach	7
--	---

PROBLEMS AND ISSUES OF DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY, AGE PSYCHOLOGY

<i>Belashina T. V.</i> (Novosibirsk, Russia) Research of appearances of anger as predictors of aggressive behavior of personality in diversified groups	17
<i>Zybina L. N., Manturova N. M.</i> (Novosibirsk, Russia) Study of the peculiarities of aggressiveness in men and women at the age of matter	26

APPLIED PSYCHOLOGY STUDIES

<i>Yermolova E. O.</i> (Novosibirsk, Russia) Characteristic features of person with different types of psychological boundaries	38
<i>Vershinina N. A.</i> (St. Petersburg, Russia), <i>Perevozkin S. B.</i> (Novosibirsk, Russia) Personal Correlates of Archetypal Images	48
<i>Podoinitsina M. A., Gribennikov S. S.</i> (Tomsk, Russia) Psychological stability of innovation potential in high-school students with different readiness to entrepreneurial activity	58
<i>Chukhrova M. G., Pronin S. V., Chukhrov A. S.</i> (Novosibirsk, Russia), <i>Toshmirzaeva G. E.</i> (Tashkent, Uzbekistan) Development of dependence on sport on the example of addiction of exercises	68
<i>Andronnikova O. O.</i> (Novosibirsk, Russia) Safety of the educational environment as a condition for the preservation of the physical and psychological health of participants in the educational process	79
<i>Malyshev V. S.</i> (Moscow, Russia) The psychological foundations of constructivism as an educational concept in the training of highly qualified personnel	88

FROM THE EDITORIAL PORTFOLIO

<i>Bolsunov A. Ya., Tyurikov A. G.</i> (Moscow, Russia) «Ontological dual sense» of being by people in the epoch of global transformation	95
---	----

УДК 159.92

Кузьмина Елена Ивановна

УЧЕНИЕ ФИХТЕ О СВОБОДЕ ЧЕЛОВЕКА – ОДНО ИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ РЕФЛЕКСИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

Аннотация. Раскрывается сущность рефлексивно-деятельностного подхода к пониманию феномена свободы личности, разработанного нами на основе субъектно-деятельностной теории С. Л. Рубинштейна, концепции рефлексии В. Лефевра, представлении об активном характере отражения И. М. Сеченова, содержания ряда философских и психологических работ о сознании, личности и свободе человека. Приводятся идеи И. Г. Фихте, методологически значимые для психологического изучения свободы с позиций рефлексивно-деятельностного подхода. Особое внимание уделено пониманию противоречия «Я» – «не Я» и его трансформации в «Я-ограниченное» – «Я-безграничное», разрешение которого приводит человека к достижению свободы и выступает условием развития личности.

Ключевые слова: рефлексивно-деятельностный подход, свобода, философия свободы Фихте, противоречие «Я» – «не Я», «Я-ограниченное» – «Я-безграничное».

Kuzmina Elena Ivanovna

FICHTE'S DOCTRINE OF FREEDOM IS ONE OF THE METHODOLOGICAL BASES OF REFLEXIVE-ACTIVE APPROACH

Abstract. The essence of the reflexive-activity approach to the understanding of the phenomenon of personal freedom, developed by us on the basis of the subject-activity theory of S. L. Rubinstein, the concept of reflection of V. Lefevr, the idea of the active nature of reflection of I. M. Sechenov, the content of a number of philosophical and psychological works on consciousness, personality and freedom of man, is revealed. The are presented ideas Of I. G. Fichte, methodologically significant for the psychological study of freedom from the standpoint of reflexive activity approach. Particular attention is paid to the understanding of the contradiction «I» – «not I» and its transformation into «I-limited» – «I-unlimited», the resolution of which leads to the achievement of human freedom and is a condition for the development of personality.

Keywords: reflexive-activity approach; freedom; philosophy of freedom Fichte, contradiction «I» – «not I», «I-limited» – «I-unlimited».

Кузьмина Елена Ивановна – профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства Обороны Российской Федерации, kuzminaell@yandex.ru, Москва, Россия

Kuzmina Elena Ivanovna – doctor of psychology, Professor, Professor of psychology Department, Military University of the Ministry of Defense of the Russian, kuzminaell@yandex.ru, Moscow, Russia

Учения многих философов о свободе, как нам это удалось убедиться в результате анализа множества работ западных и русских философов XVII–XX вв. (Кузьмина, 2000, 2007), представляют интерес для психологического ее познания. Настоящая статья посвящена одному из них – И. Г. Фихте, чьи идеи существенно обогатили методологию исследования свободы человека.

Иоанн Готлиб Фихте (1762–1814) – яркий представитель немецкой классической философии, в которой свобода стала рассматриваться в качестве сущностной определенности человека – волеизъявляющего субъекта, носителя и субъективной, и всеобщей воли – в контексте истории освобождения человечества в реальности общественно-исторического процесса. В трудах И. Канта, И. Г. Фихте, Г. Гегеля были развиты такие категории, как «сознание», «рефлексия», «личность», «самоопределение», «моральный выбор», «граница», «возможности». В отличие от предшествовавших философов, и, очевидно, не без влияния естественно-научных исканий сущности процессов мышления, по-новому был заявлен вопрос о значении разума и роли диалектического противоречия в достижении свободы.

Учение Фихте, наряду с другими философскими концепциями, выступило одним из методологических оснований рефлексивно-деятельностного подхода, разработанного нами для изучения феномена свободы личности и в настоящее время применяемого в образовании, психотерапии, управлении [2–4; 6–8].

Сущность рефлексивно-деятельностного подхода

Рефлексивно-деятельностный подход, разработанный нами (Кузьмина, 1994, 2000, 2007) на основе субъектно-деятельностной теории С. Л. Рубинштейна [10; 11], концепции рефлексии В. Лефевра [9], положений И. М. Сеченова об активном характере психического отражения [12], а также множества философских учений и психологических концепций сознания, личности и свободы, постулирует единство и взаимодействие процессов деятельности и рефлексии во всем богатстве их связей. Степень единства деятельности и рефлексии (как рациональной, так и интуитивной) определяется глубиной осознания субъектом своей «Я-концепции» и деятельности – возможностями «высвечивания» и «схватывания» рефлексией (с различных рангов ее иерархической организации, своего рода, духовной вертикали – от элементарного наблюдения за своими движениями до взгляда с личной позиции, идеала, смысла, божественного предназначения – того, что называют «мудрый взор», «интуитивное постижение», «всевидящее око») компонентов деятельности на различных ее уровнях (мотивационно-потребностном, целеполагании, целереализации, оценки). В рефлексии на деятельность, столкнувшуюся с препятствием, обозначаются, становятся осознаваемыми границы активности, в результате чего человек может переживать фрустрацию на экзистенциальном уровне, с ощущением себя ограниченным в своих возможностях (несвободным) и стремлением расширить границы своего Я (быть свободным, подтвердить свое право на свободу). Единство рефлексии и деятельности активизирует мыслительный процесс в проблемной ситуации, усиливает мотивацию – «волю к смыслу» [15], открывает перспективу движения к смыслу и сам этот смысл, что способствует решению предметных и экзистенциальных задач. С. Л. Рубинштейн в предисловии ко второму изданию «Основ общей психологии» писал: «От человека – сейчас это очевиднее, чем когда либо, – требуется, чтобы он не только умел находить всяческие, самые изобретательные средства для любых задач и целей, но и мог, прежде всего, определить надлежащим образом цели и задачи подлинно человеческой жизни и деятельности» [11, с. 7]. В своих размышлениях об образовании похожие идеи

высказал В. Франкл: «Образование должно снабдить человека средствами находить смыслы» [15, с. 104]. Есть все основания утверждать, что человек с высокой самооценкой, стремящийся к смыслу и владеющий средствами движения к нему, в ходе рефлексии на возникшую у него трудную жизненную ситуацию способен выйти из нее достойно.

Основанием связи рефлексии и деятельности выступает субъект деятельности. В этом положении находит свое конкретное воплощение разработанные С. Л. Рубинштейном личностный и общепсихологические принципы: детерминизма, единства сознания и деятельности, развития психики в деятельности, а также ряд идей предложенной им субъектно-деятельностной теории – о сути личности и социальной природе самосознания, способности человека к рефлексии, природе сознательно-го действия, сущности субъекта. В «Основах общей психологии» при определении субъекта деятельности С. Л. Рубинштейн дает расшифровку принципа единства сознания и деятельности, методологически значимого для разработки рефлексивно-деятельностного подхода – приводит суждение о том, что сознание и деятельность человека, познающего мир, в результате чего его внутренний мир и внешний мир обогащаются, связаны друг с другом по принципу дополнительности: «Связь между действительностью и сознанием человека, <...> они взаимопроникают друг в друга. Само сознание человека несет в себе печать действительности; само действие человека становится сознательным актом, который направляясь на осознанную цель, исходит из осознанных мотивов и подвергается сознательному регулированию» [11, с. 164]. Основной идеей субъектно-деятельностной теории выступает положение о личности: «...ничто в ее развитии не выводимо из внешних воздействий, <...> внешнее воздействие дает тот или иной психический эффект, лишь преломляясь через психическое состояние, через сложившийся у нее строй мыслей и чувств, <...> в этом суть активности личности» [10, с. 209, 269, 275]. Представления С. Л. Рубинштейна об активности и свободе личности в детерминированном мире изложены в его концепции свободы [5], под которой понимается возможность человека «самому определять линию своего поведения, отвергнув все решения, несовместимые с ней» [10, с. 280]. Им также утверждается положение о том, что самоопределение предполагает ответственность за себя и других людей, с которыми человек взаимодействует.

Самоопределение человека с постоянной работой «Я» по определению границ своих возможностей, и в ситуации экзистенциального выбора не застрахованное от выхода в точку бифуркации, в качестве одного из своих механизмов предполагает переживание человеком противоречия «Я» – «не Я». С позиций предложенного нами подхода именно это противоречие представляет собой онтологическую основу свободы как переживания и преодоления человеком ограничений своих виртуальных возможностей. Оно может трансформироваться в другие производные от него формы в ходе переживания человеком препятствия, возникшего на пути достижения цели в значимой деятельности, непосредственно связанной с проектированием своего «Я» и процессом трансцендирования – выходом за пределы своего единичного и особенного «Я» к всеобщему смыслу (В. Франкл), объемлющему (К. Ясперс), всеохватывающему (Н. А. Бердяев). В ходе рефлексии на границы своих возможностей, переживания противоречия между представлениями «Я-ограниченное» в ситуации и «Я-безграничное» в принципе (в силу характера, в стремлении к идеалу) человек достигает свободы.

Необходимым условием достижения свободы является обращение человека к себе – *рефлексия на противоречие*, – возникающее в ситуации осознания препятствия в собственной деятельности в качестве мешающего самоактуализации, в трактовке А. Маслоу, означающей «желание человека самоосуществиться, а именно его стремление стать тем, кем он может быть» [15, с. 91]. При этом восприятие и осознание границы пространства возможностей (актуальных и виртуальных) на каком-либо уровне деятельности может приводить человека к осознанию и переживанию одного или нескольких противоречий (например, «Я хочу это сделать, но не могу», «Я могу, но не хочу»), каждое из которых восходит к диалектическому противоречию «Я-ограниченное» – «Я-безграничное». Оно особенно остро переживается в ситуации принятия решения и необходимости действовать. Прежде чем принять решение, человек самоопределяется – определяет для себя смысл деятельности, а также смысл ограничения в ней; соотносит «Я-концепцию», свои права и ценности свободы с образом ситуативно-ограниченного «Я»; осознает последствия своих поступков для себя и других.

С позиций рефлексивно-деятельностного подхода *свобода* – осознание, переживание и изменение человеком границ пространства своих виртуальных возможностей. Осознание свободы возникает в процессе самоопределения (проектирования) – построения такого отношения к границам пространства своих виртуальных возможностей или изменения этих границ, при котором преодолеваются препятствия самореализации. Обладающий внутренней свободой человек при столкновении с препятствием в значимой деятельности осознает противоречие и поступает (по внутреннему убеждению) в соотношении с принятыми в обществе нормами, правами, законами – в соответствии с личными ценностными ориентациями, долгом, ответственностью.

И. Г. Фихте раскрыл психологическое содержание этого противоречия и открыл механизм достижения свободы человеком, осуществляющим рефлексия на свои ограничения и преодолевающим их в непосредственном действии. Он выделил и наполнил глубоким содержанием категорию «граница», без которой невозможно понять феномен свободы. Позже К. Ясперс скажет о границах, что только в человеке они особым образом «пропитаны» тем, что мы именуем свободой. Предложенный Фихте принцип единства сознания и активности, его идеи о самоопределении, надситуативном характере стремления «Я» к идеалу получают в психологии XX в. свое продолжение в трудах С. Л. Рубинштейна, В. Франкла, работах экзистенциальных философов и психологов. Его представление о множестве уровней рефлексии будет развито в концепции рефлексии В. Лефевра [9]. Противоречие между «Я» и «не-Я» в его диалектическом содержании получит психологическое обоснование в докторской диссертации Павла Флоренского «Столп и утверждение истины», в которой убедительно доказано, что, если «Я=Я», то оно не развивается: «...оказывается ничем более, как криком обнаженного эгоизма... мертвую пустыню “здесь” и “теперь”» [14, с. 51]. Идея о том, что понятие освобождает человека, найдет свое отражение в концептуальных положениях о свободе Л. С. Выготского [1].

Учение И. Г. Фихте о свободе

И. Г. Фихте называл свое учение философией свободы, под которой понимал «непосредственное действие Я, <...> способность человеческого духа определять себя безусловно, без принуждения и понуждения к действию вообще» [13, Т. 1, с. 41]. Ему удалось существенно продвинуться в постижении сущности рефлексии и перевести на операциональный язык системного анализа глубину

и богатство ее структурных и функциональных особенностей при достижении человеком свободы. Новым, по сравнению с предшествующей философией, было то, что он выявил специфику рефлексии на противоречие «Я» – «не-Я», на границу деятельности; определил роль мышления, воображения, осознания в достижении свободы; раскрыл содержание самоопределения по отношению к границе; обосновал необходимость следования нравственному закону, преобразующему индивида в субъект общественного прогресса. Многие идеи Фихте явились предтечей развития психологических представлений о наиболее значительных категориях психологической науки: деятельности, сознании, рефлексии, познавательных процессах.

Остановимся подробнее на ведущих положениях Фихте о свободе, изложенные им в работах «Основы наукоучения», «Факты сознания», «Назначение человека».

1. Исходя из содержания принципа *единства сознания и активности* как базового условия существования свободы следует, что все противоречия объединяются – в одном и том же сознании возможны противоположные состояния «Я» и «не-Я», в том числе и состояния свободы и несвободы. Сознание активно – оно «не есть простое безжизненное и страдательное зеркало, отражающее внешние предметы, но... оно само в себе обладает жизнью и силой» [13, Т. 2, с. 626]. Противоречие между «Я» и «не-Я» в континууме сознания живет особой жизнью и развивается последовательно в соответствии с переходами на новые уровни рефлексии, пока не будет разрешено окончательно при условии осознания человеком нравственного закона и следования ему в своей жизни. Без единства сознания и его активности вряд ли можно было бы развить идею о системном функционировании множества уровней рефлексии. Рефлексия определяется Фихте как «действие свободы, через которое форма делается своим собственным содержанием и возвращается к себе самой. Никакое отвлечение невозможно без рефлексии и никакая рефлексия – без отвлечения. Оба действия, мыслимые отдельными друг от друга и рассматриваемые каждое для себя, суть действия свободы» [13, Т. 1, с. 46].

2. *Существует множество уровней рефлексии.* Каждый новый уровень соответствует более сложному функционированию отражающей способности духа над самим собой. Помимо простой рефлексии над явлением – «рефлексии наблюдателя», человек может подняться на более сложный уровень «философского наблюдения», тогда предметом рефлексии выступит его собственная рефлексия. Эта способность рефлексии «Я» над собой существует уже в начале действия – в этом проявляется способность человека быть одновременно и объектом, и субъектом наблюдения (познания, самоопределения). Фихте советовал своим ученикам – будущим ученым: «Подмечай *твое подмечание* твоего самополагания; подмечай, что ты делаешь сам... Сделай то, что доселе было субъективным, в свою очередь объектом нового исследования... Всякий объект доходит до сознания исключительно при том условии, что я имею сознание о себе самом, сознающем субъект» [Там же, с. 554].

Рефлексия, по мнению Фихте, может осуществляться на уровне мышления и созерцания, что предполагает существование ее двух видов – рационального и интуитивного.

Фихте впервые в философии провел анализ свободы на основе *единства процессов сознания, чувствования и деятельности*. По его мнению, созерцающее деятельно, а деятельность созерцаема, поэтому субъект не является ограниченным. В рефлексии объединяются «Я-ограниченное» и «Я-ограничивающее». Страдание, т. е. чувство ограничения, выступает лишь этапом, необходимым для возникновения желания выйти за границы «Я».

3. *Соотношение сознания, чувствования и действия раскрывается Фихте в непосредственной связи с представлением о границе, в которой одновременно содержится понятие реальности и отрицания. В философию вводится диалектическое понимание границы, определение в качестве субъекта ее познания абсолютное, неограниченное в своих возможностях «Я»: граница лежит там, где «Я» ее полагаю. С началом рефлексии на ограничение деятельности возникает процесс мышления: «бытие должно быть ограничено для того, чтобы стало возможно мышление» [13, Т. 1, с. 129]. Ограничение в деятельности отменяет ее направление на внешнее, а не направление вовнутрь – первоначальная сила деятельности разделяется, и остающаяся сила, возвращающаяся в само «Я», есть сила идеальная, представляющая. В этом случае «идеальное Я с абсолютной свободой парит и над границей и внутри границы. Его граница совершенно не определена» [Там же, с. 325].*

Возникающее в «Я» стремление не является конечным, оно носит *надситуативный характер* – «...идет за пределы такого объектом предписанного определения границ и должно непрерывно идти за его пределы, раз только подобное определение границ должно иметь место. Оно определяет не действительный мир, зависящий от некоторой деятельности «не-Я», находящейся во взаимодействии с деятельностью Я, а такой мир, какой существовал бы, если бы вся реальность полагалась бы одним только Я, следовательно, – некоторый идеальный мир...» [Там же, с. 269]. Через желание «Я» выталкивается в себе самом – из самого себя, и в самом «Я» открывается некоторый внешний мир.

4. Процесс освобождения Фихте связывает с *преодолением границ «Я»*. Выше индивидуального «Я» человек поднимается в процессах постижения своего назначения в истории человеческого рода. Выход за актуальные границы (и, соответственно, освобождение) происходит при условии взаимодействия процессов сознания, чувствования и действия. Если побуждение человека не удовлетворяется, то в процессе созерцания границы появляется чувство ограничения. Следует заметить, что в философии Фихте полагание себя за границы «Я» анализируется как деятельность, а точнее – как творческая самодеятельность. В ходе реагирования на препятствие ярко прослеживается синтез рефлексии, деятельности и чувства. На основании предложенного Фихте принципа единства сознания, который является «предтечей» разработанного С. Л. Рубинштейном принципа единства сознания и деятельности, выводится суждение: «Я положено в чувстве как страдающее, поэтому противоположное ему “не-Я” необходимо должно быть положено как деятельное». Побуждение должно быть почувствовано, что предполагает новый уровень рефлексирования над «Я». В результате множества последовательных рефлексивных действий с фиксацией на границу «Я» чувства дифференцируются на чувство силы и чувство принуждения (немощи). «Я» становится действенным при работе с этими противоречивыми чувствами в себе. «Я» и должно избавиться от чувства ограничения, которое противоречит его характеру, а значит, поставить себя в такое положение, чтобы быть в силах, хотя бы только в будущей рефлексии, положить себя свободно и безгранично. Такое восстановление деятельности происходит самопроизвольно в воображении. Деятельность, противоположная деятельности с чувством принуждения, фиксируемой в рассудке в качестве необходимости, понимается как возможность. Свободная деятельность – «...созерцаемая в воображении как некоторое колебание самой силы воображения между совершением и несовершением одного и того же действия, между схватыванием и несхватыванием одного и того же объекта в рассудке – и понятая в рассудке как возможность» [13, Т. 1, с. 234].

Обе деятельности – ограниченная и свободная – выступают элементами противоречия и объединяются между собой в созерцании, в результате чего происходит определение самодеятельности, превращение ее в определенное действие. Таким образом, результаты рефлексии на противоречие «Я-ограничено = страдающее» и «Я-безгранично = деятельное» мотивируют на продолжение деятельности.

5. Фихте отводит *особую роль воображению и мышлению в достижении свободы*. По его мнению, воображение относится к более высокому уровню рефлексии, по сравнению с созерцанием (чувственным восприятием). Основное отличие воображения от созерцания заключается в том, что «сила воображения творит реальность». Воображение приводит к созданию образа: «мы создаем самопроизвольно некоторый образ, признаем его за наш продукт». Человек присваивает себе не только продукт деятельности воображения, но и причинность, которая, по мнению Фихте, является достаточным условием самоопределения – освобождения человека от чувственно-воспринимаемой действительности, от влияния произвольно осуществляющегося процесса созерцания.

В качестве необходимого условия достижения свободы выступает создание продуктивным воображением образа сопротивления. Способность действовать и сопротивление сопоставляются друг с другом, взаимно оцениваются для того, чтобы человек мог определить направление своего действия. В ходе и результате этого сопоставления «Я», освободившееся от непосредственной причинности, заключенной в бытии влечения, созерцает во времени через ряд условий свою способность идти к цели, оценивает эту способность соответственно сопротивлению, начертанному в образе, и таким способом составляет план своей деятельности [12]. Это положение представляется особенно важным, так как в рефлексивно-деятельностном анализе феномена свободы самостоятельное составление абстрагированного от ситуационных побуждений плана деятельности эксплицирует свободу в целеполагании. Умение составлять план своей деятельности делает человека ответственным и целеустремленным; он полагает себя как свободного в предстоящей деятельности: «Эта свобода воображения действительно есть реальное освобождение духовной жизни. <...> Одно только воображение уносит нас прочь от этого возбуждения внешнего чувства и делает нас способными становиться нечувствительными к этим возбуждениям; мы отвлекаем от них наше восприятие, чтобы отдаться вполне творчеству воображения и тем самым создаем совсем иной порядок времени, совершенно свободный от порядка времени, в котором совершается чувственное развитие» [Там же, с. 634].

Если чувствующее «Я» не свободно (принуждено), то мыслящее, осознающее «Я» – свободно, так как «понятие освобождает и может стать основанием действительной способности. В этом одном заключается преимущество сознания над бессознательной природой, которая действует всегда слепо; сознание же может умерять свое действие благодаря понятию и направлять его, руководствуясь правилом» [Там же, с. 665]. Фихте указывает на управляющую, *самоорганизующую функцию мышления* поднимающего человека над законами природы. Благодаря этому понятию человек освобождается от внешней причинности и может начать развивать с заключенного в понятии начального пункта самостоятельно намеченную причинность, и оно [понятие] ни в чем больше не нуждается для этой причинности, кроме самого себя. Становясь не только мыслящим, но и мыслимым (благодаря рефлексии на деятельность мышления), субъект приобретает преимущество, свойственное только человеку, которое состоит в способности по собственной свободной воле да-

вать потоку своих идей определенное направление, и чем больше человек осуществляет это преимущество, тем более он человек [12]. Кто совершает акт свободы, осознает ряд понятий, тот открывает новую область в своем сознании. Проявление свободы в мышлении, как и свободы воли, Фихте считает особенностью мыслящего человека, «внутренней составной частью его личности» – необходимым условием, при наличии которого «он может сказать: я есмь, я самостоятельное существо».

б. Процесс самоопределения предполагает возникновение и разрешение диалектического по своей природе *противоречия*. По Фихте, «Я» определяет себя самого, т. е. само заключает в себе противоположности: объект и субъект, реальное и идеальное, «Я» и «не-Я», одновременно выступает деятельным и страдающим, бесконечным и конечным, объединяя в себе три уровня восприятия «Я» – во внутреннем созерцании, внешнем созерцании и в мышлении. В ходе определения в деятельности возникают границы «Я». Каждый возможный предикат выполняет функцию ограничения. Таким образом, ограничение «Я» обязано своим происхождением всецело и исключительно лишь деятельности. Впрочем, и своему освобождению оно обязано тоже деятельности.

Самоопределение – действие из себя и представление себя как причины (*causa sui*) происходит в мышлении и в поступках. Как происходит *освобождение в мышлении*? Когда «Я» рефлексировывает на свое ограничение, то в сознании возникает противоречие, которое составляют два взаимоисключающих «образа Я»: «Я-конечно», так как деятельность «Я» объективна, и «Я-бесконечно» по своему стремлению быть бесконечным. В рефлексии над собой «Я» обретает способность подниматься над этим противоречием – выходить за границы самого себя: созерцает себя в деятельности, живет в ней, осознает себя самодеятельным, самостоятельным, независимым от вещей.

Фихте полагает, что в сознании себя абсолютно деятельным «обосновано созерцание самодеятельности и свободы; я дан себе через самого себя как нечто, что должно быть деятельно некоторым определенным образом, поэтому я дан себе через самого себя как деятельный вообще; я ношу жизнь в самом себе и черпаю ее из самого себя. Лишь через посредство этого нравственного закона я замечаю себя; и раз я замечаю себя таким образом, я замечаю себя необходимо как самодеятельного; и, тем самым, у меня возникает... элемент реального воздействия моей самости в том сознании, которое без этого было бы лишь сознанием ряда моих представлений» [13, Т. 1, с. 493].

Таким образом, Фихте выводит нравственный закон, в первом приближении означающий *долженствование идеи у человека о самостоятельности мысли*, стремлении сделать своей собственностью внутренний мир сознания – «иметь надзор» над представлениями, связывая их в поток твердых форм (понятий), самостоятельно давать направление и содержание своему сознанию. Человек должен в своем мышлении исходить из чистого «Я» и мыслить его как абсолютно самодеятельное, не как определенное через вещи, а как определяющее вещи: Человек – есть цель – он должен сам определять себя и никогда не позволять определять себя посредством чего-нибудь постороннего [12]. Как размышляет человек, осознающий себя самостоятельным? «Я нахожу себя *самостоятельным существом*. На этом же именно основании кажусь я себе свободным в отдельных событиях своей жизни, если эти события являются проявлениями самостоятельной силы, сделавшейся неотъемлемой и безраздельной моей собственностью; я кажусь себе *связанным и ограниченным*, если благодаря сцеплению внешних обстоятельств, возникающих с течением времени, а не заключающихся в первоначальных границах моей личности, я не

могу делать даже того, что я вполне мог бы по моей индивидуальной силе; я кажусь себе *принужденным*, если эта индивидуальная сила благодаря перевесу другой, ей противодействующей, проявляется несогласно со своими собственными законами» [13, Т. 2, с. 5]. Нравственный закон, согласно философии Фихте, предполагает должностное знание не только собственной свободы, но и совершения поступка на основе долга. Свободный человек понимает, что существует не для того, чтобы только созерцать, рефлексировать, но и для того, чтобы действовать, причем действовать как личность, субъект человеческого рода, т. е. на благо всего человечества: шаг вперед, сделанный отдельной личностью, сделан также всем человечеством [12]. Свобода человека нравственного заключается в слушании голоса совести и собственной мысли.

7. Назначение человека как *личности* состоит в приближении к цели исторического прогресса – преобразованию природы и общества, подчинению природы человеку. Он должен сделать природу и общество идентичными с собою, своим самосознанием, благодаря которому преодолеваются условия (необходимость) своих побуждений, инстинктов и природа лишается своих функций определять поведение человека. Это становится возможным по мере развития знания о знании, знания принципов: «...именно Я, знающее, есть в то же время освобожденный от непосредственной причинности принцип» [13, Т. 2, с. 636].

Свобода может осуществиться только в исторической жизни рода в результате развития взаимности, согласования личного и общественного побуждения. Свобода, впервые в философии рассматриваемая Фихте в плоскости историзма, состоит в том, что личность, осознающая себя как принцип на основе познания основания своего бытия в человеческом роде (т. е. познания себя как личности), добровольно и осознанно делает необходимый закон бытия рода законом своей собственной деятельности. Степень возможной для каждого индивида свободы во многом определяется тем, в какой фазе исторического развития находится общество.

Человек мыслится ответственным перед другими за результаты влияния на них. В работе «Несколько лекций о назначении ученого» Фихте рассуждает о социальной природе феномена свободы и утверждает, что только тот свободен, кто хочет все сделать вокруг себя свободным и действительно делает свободным благодаря влиянию, причину которого не всегда замечают: под его взором мы дышим свободнее, мы чувствуем себя ничем не придавленными, не задержанными, не стиснутыми, мы чувствуем необычайную охоту быть всем и делать все, чего не запрещает уважение к самим себе [12]. Утверждается положение о том, что недопустимо манипулировать человеком – использовать его как средство для достижения своих, пусть даже самых благородных, целей: «Человек может пользоваться неразумными вещами как средствами для своих целей, но не разумными существами; он не смеет даже пользоваться ими как средством для их собственных целей; он не смеет на них действовать как на мертвую материю или на животное, чтобы только при помощи их достигнуть своей цели, не считаясь с их свободой. Он не смеет сделать добродетельным, или мудрым, или счастливым ни одно разумное существо против его воли. Не говоря уже о том, что это усилие было бы тщетным и что никто не может стать добродетельным, или мудрым, или счастливым иначе, как только благодаря своей собственной работе и усилиям, не говоря, следовательно, о том, что это не в силах человека, он даже не должен этого хотеть, хотя бы он это мог или считал, что может, – потому что это несправедливо, и тем самым он попадает в противоречие с самим собой» [13, Т. 2, с. 28]. Такое гуманное отношение к человеку предполагает высокий уровень культуры, ответственность, осуществление рефлексии на

себя и другого как свободного. Фихте предлагает формулу развития «Я» и развития свободы человека в системе взаимодействия с другими – совершенствование самого себя осуществляется посредством свободно использованного влияния на нас других и совершенствования других путем обратного воздействия на них как свободных [12].

Выводы. Обращение к работам И. Г. Фихте о свободе способствует более глубокому ее познанию. Его философия свободы выступила одним из методологических оснований построения рефлексивно-деятельностного подхода в силу того, что в ней предложен принцип единства сознания и активности, высказана идея о связи рефлексии, чувствовании на границе и построении плана деятельности на основе самоопределения «Я», показана функция границы и обозначена роль другого (других) в достижении свободы, раскрыто содержание переживания и разрешения человеком противоречия «Я» – «не-Я». Это диалектическое (по своей природе) и экзистенциальное (по связи человека с миром) противоречие переживается и осознается в ситуации ограничения активности в значимой деятельности как «Я-ограниченное» – «Я-безграничное»: его преодоление приводит человека к достижению свободы и выступает условием развития личности.

Список литературы

1. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 4.
2. *Кузьмина Е. И.* Психология свободы. М.: Московский государственный университет, 1994. 195 с.
3. *Кузьмина Е. И.* Рефлексивно-деятельностный анализ феномена свободы личности: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2000. 459 с.
4. *Кузьмина Е. И.* Психология свободы: теория и практика. СПб.: Питер, 2007. 336 с.
5. *Кузьмина Е. И.* Проблема свободы в научном творчестве С. Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 5–16.
6. *Кузьмина Е. И.* Возможности применения техники «Совмещение логических уровней» для осознания свободы как экзистирования // Психология когнитивных процессов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. Г. Егорова, В. В. Селиванова. Смоленск: Универсум, 2008. С. 254–259.
7. *Кузьмина Е. И.* Развитие свободного ума и ответственности учащихся в современной высшей школе // Психология образования: психологическое обеспечение «Новой школы»: материалы V Всероссийской научно-практической конференции. М.: Федерация психологов образования России, 2010. С. 37–39.
8. *Кузьмина Е. И., Кузьмина З. В., Холмогоров В. А.* Ядро коллектива и методы его изучения // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, вып. 4(12). С. 326–330.
9. *Левфевр В. А.* Конфликтующие структуры. 2-е изд. М.: Радио и связь, 1973.
10. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с. (Серия «Мастера психологии»).
11. *Сеченов И. М.* Рефлексы головного мозга. Изд. 6-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 128 с.
12. *Фихте И. Г.* Сочинения в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993.
13. *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины: опыт православной триодицеи. М.: АСТ, 2005. 633 с.
14. *Франкл В.* Воля к смыслу / пер. с англ. М.: Альпина нонфикшн, 2018. 228.
15. *Maslow A. N.* Motivation and personality. 3-rd ed. N. Y.: Harper and Row, 1987.

ПРОБЛЕМЫ И ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ, ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.95

Белашина Татьяна Валентиновна

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЯВЛЕНИЙ ГНЕВА КАК ПРЕДИКТОРОВ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В РАЗНОВОЗРАСТНЫХ ГРУППАХ

Аннотация. В работе представлен анализ проблемы проявлений гнева как предиктора агрессивного поведения личности. Приведены результаты эмпирического исследования на выборке 300 человек, дифференцированных на четыре эмпирические группы в соответствии с периодизацией психического развития Г. С. Абрамовой: первая (ЭГ-1, n = 65) – испытуемые юношеского возраста; вторая (ЭГ-2, n = 69) – испытуемые взрослого возраста; третья (ЭГ-3, n = 80) – испытуемые переходного возрастного периода; четвертая (ЭГ-4, n = 86) – испытуемые зрелого возраста. Методы: при помощи регрессионного анализа были определены проявления гнева, выступающие в качестве предикторов агрессивного поведения в разновозрастных группах. Результаты: показано, что для испытуемых ЭГ-1 одним из наиболее определяющих предикторов агрессии является гнев как способ реагирования. В ЭГ-2 наблюдается существенное увеличение проявлений гнева в качестве предикторов агрессии. В ЭГ-3 наибольшее значение приобретает подавление гнева. В ЭГ-4 проявляется устойчивая тенденция к реагированию гневом в широком спектре ситуаций. Выводы: полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в практической деятельности психологов подразделений МВД при разработке лекционных и практических занятий по проблеме эмоциональной регуляции сотрудников.

Ключевые слова: эмоции, гнев, агрессия, сотрудники правоохранительных органов, регрессионный анализ.

Belashina Tatyana Valentinovna

RESEARCH OF APPEARANCES OF ANGER AS PREDICTORS OF AGGRESSIVE BEHAVIOR OF PERSONALITY IN DIVERSIFIED GROUPS

Abstract. In work the analysis of a problem of manifestations of anger as predictor of aggressive behavior of the personality is submitted. Results of an empirical research are given in selection of 300 people differentiated on four empirical groups according to a periodization of mental development of G.S. Abramova: the first (EG-1, n = 65) – examinees of youthful age, the second (EG-2, n = 69) – examinees of adult age, the third (EG-3, n = 80) – examinees of the transition age period, the fourth (EG-4, n = 86) – examinees of mature age. Methods: by means of the regression analysis the manifestations of anger acting as predictors of aggressive behavior in uneven-age groups were defined. Results:

Белашина Татьяна Валентиновна – доцент кафедры общей психологии и истории психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», tatynabelashina@mail.ru, Новосибирск, Россия

Belashina Tatyana Valentinovna – Associate Professor, Department of General Psychology and History of Psychology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, tatynabelashina@mail.ru, Novosibirsk, Russia

it is shown that for examinees of EG-1 one the most defining predictors of aggression the anger as a way of reaction is their. In EG-2 significant increase in manifestations of anger as aggression predictors is observed. In EG-3 the greatest value gets suppression of anger. In EG-4 the steady tendency to reaction by anger in a wide range of situations is shown. Conclusions: the results received during the research can be used in practical activities of psychologists of divisions of the Ministry of Internal Affairs when developing a lecture and practical training on a problem of emotional regulation of employees.

Keywords: emotions, anger, aggression, law enforcement officers, regression analysis.

Анализ публикационной активности последних лет свидетельствует о том, что проблема агрессивного поведения личности по-прежнему остается крайне актуальной в рамках психологической науки [1; 6; 9–13; 15]. Как отмечают исследователи, агрессия является серьезной социальной проблемой, которая ведет к росту травматических нарушений, психологическим и поведенческим проблемам [10; 11]. Существующие в настоящее время многочисленные определения агрессии в целом отражают такой аспект поведения, который связан с непосредственным намерением причинить вред другому [12]. Учитывая серьезные негативные последствия проявления агрессии, существенное значение имеет выявление преобладающих причин, обуславливающих усиление ее проявления. Одной из таких причин является *гнев*, который, по мнению ряда исследователей, рассматривают как «один из основополагающих предикторов агрессии» [10–13].

Ч. Д. Спилбергер, изучая проблему проявлений гнева, описал его как состояние и как черту (гневливость), а также дал содержательную характеристику основных форм его проявления [14]. Гневливость рассматривалась как личностная черта, предполагающая устойчивую склонность к переживанию гнева и реагированию гневом в широком спектре ситуаций [12; 13]. Гневливые люди чаще реагируют на различные стимулы и склонны к проявлению физической, вербальной и косвенной агрессии [13]. Кроме того, среди исследователей растет убежденность в том, что люди с высокими значениями по параметрам проявления гнева чаще реагируют агрессией в различных ситуациях [10; 12], а гневливость является более значимым предиктором агрессии, чем состояние гнева [11].

Так, в ряде исследований показано, что в основе агрессии лежат, прежде всего, гневные размышления (мысли) и выраженная тенденция испытуемых сосредоточиваться на переживаниях, провоцирующих гнев, а также анализировать их причины и последствия [13].

Проведенный теоретический анализ по проблеме соотношения понятий «гнев» и «агрессия» показал, что зачастую гнев сопутствует проявлению агрессии и является побудителем агрессивного поведения в провоцирующих ситуациях [1]. В рамках статьи представлен фрагмент исследования проблемы взаимообусловленности понятий «гнев» и «агрессия» и предпринята попытка выделить проявления гнева, обуславливающие различные виды и формы агрессии, а также охарактеризовать их представленность в разновозрастных группах испытуемых.

Целью исследования явилось определение проявлений гнева, являющихся предикторами агрессивного поведения в разновозрастных группах.

Методы. В исследовании, проведенном на базе ГУ МВД России по г. Новосибирску и Новосибирской области, приняли участие 300 человек в возрасте от 20 до 50 лет. В дальнейшем они были дифференцированы на четыре эмпирические группы: ЭГ-1 (n = 65) – курсанты, в возрасте от 18 до 22 лет; сотрудники правоохра-

нительных органов: ЭГ-2 (n = 69) – респонденты взрослого возраста от 23 до 30 лет; ЭГ-3 (n = 80) – респонденты переходного возраста от 30–35 лет; ЭГ-4 (n = 86) – респонденты зрелого возраста от 36 до 50 лет. В основу дифференциации выборки положена периодизация психического развития Г. С. Абрамовой.

Проявления агрессии определялись при помощи Фрайбургского опросника исследования факторов агрессии (FAF) Р. Гампеля, Р. Зелга в адаптации О. А. Шамшиковой, Т. В. Белашиной [7]. Опросник позволяет определить тип агрессии, преобладающий у испытуемого на момент обследования. Предложенные авторами типы агрессии выделены в отдельные факторы, имеющие следующую структуру: спонтанная агрессия, реактивная агрессия, возбудимость (с признаками раздражительности и ярости), самоагрессия, торможение агрессии (совестливость, сдержанность). Первые три фактора сведены в общее значение и составляют суммарную шкалу – «готовность к агрессии».

Проявления гнева оценивались при помощи методики «Оценка проявлений гнева» (STAXI-2) Ч. Спилбергера в адаптации О. А. Шамшиковой, Т. В. Белашиной [8]. Опросник включает 57 суждений, которые позволяют выявлять *гнев как состояние* (три шкалы – *рассерженность*, *вербальное проявление гнева*, *физическое проявление гнева*); *гнев как черта* (две шкалы – *гневливость*, *гнев как способ реагирования*); *контроль гнева внутри* (*самоконтроль* и *контроль проявлений гнева вовне*); *подавление гнева*; *выражение гнева*.

Предикторы проявлений гнева в каждой группе определялись при помощи регрессионного анализа. Достоверность полученных результатов – не ниже 5 % уровня значимости (p).

Результаты. В результате статистической обработки данных были построены регрессионные модели, в которых в качестве предикторов выступали проявления гнева, а в качестве зависимых переменных – проявления агрессии. Результаты регрессионного анализа по ЭГ-1 представлены в табл. 1.

Таблица 1

Обусловленность агрессии проявлениями гнева для ЭГ-1 (юношеский возраст)

Зависимая переменная	R2	F	p	Значимые предикторы*	β
Спонтанная агрессия	0,24	2,7	0,03	Гнев как способ реагирования	0,28
Реактивная агрессия	0,52	4,2	0,001	Гнев как способ реагирования Подавление гнева	1,5 -0,42
Возбудимость	0,36	2,1	0,04	Гнев как способ реагирования	1,4
Самоагрессия	0,42	2,7	0,01	Гнев как способ реагирования	1,8

* Для анализа выделены предикторы с наиболее высокими значениями β-коэффициентов, обуславливающих вклад каждой переменной в регрессионную модель.

Полученные результаты показали, что в юношеском возрасте различные формы агрессивного поведения – *спонтанная агрессия*, *реактивная агрессия*, *возбудимость*, *самоагрессия* – обусловлены переменной гнев как способ реагирования. Переменная *реактивная агрессия* обусловлена, также проявлением *подавления гнева*. Полученные регрессионные модели являются статистически значимыми.

Результаты регрессионного анализа по ЭГ-2 представлены в табл. 2.

Обусловленность агрессии проявлениями гнева для ЭГ-2 (взрослый возраст)

Зависимая переменная	R2	F	p	Значимые предикторы*	β
Спонтанная агрессия	0,36	3,2	0,002	Гнев как способ реагирования Контроль гнева внутри	0,45 -0,41
Реактивная агрессия	0,30	2,4	0,01	Рассерженность Гнев как способ реагирования	-1,5 0,35
Возбудимость	0,22	2,3	0,02	Физическое проявление гнева Гнев как способ реагирования Рассерженность	0,62 0,30 -0,44
Самоагрессия	0,30	2,4	0,01	Гнев как способ реагирования Выражение гнева вовне	0,49 -0,36
Торможение агрессии	0,24	2,0	0,05	Гнев как состояние Рассерженность Вербальное проявление гнева Физическое проявление гнева Контроль проявлений гнева вовне	5,1 -1,6 -2,04 -1,6 0,42
Готовность к агрессии	0,38	3,4	0,001	Гнев как способ реагирования	0,51

* Для анализа выделены предикторы с наиболее высокими значениями β -коэффициентов, обуславливающих вклад каждой переменной в регрессионную модель.

На переменную *спонтанная агрессия* оказывают влияние *гнев как способ реагирования, контроль гнева внутри* ($R^2 = 0,36$ при $p = 0,002$). Детерминация распространяется на 36 % выборки. При этом *гнев как способ реагирования* ($\beta = 0,45$ при $p = 0,00$) влияет положительно, а *контроль гнева внутри* – отрицательно ($\beta = -0,41$ при $p = 0,00$). Переменная *реактивная агрессия* обусловлена *рассерженностью и гневом как способом реагирования* ($R^2 = 0,30$ при $p = 0,01$), при этом *гнев как способ реагирования* ($\beta = 0,35$ при $p = 0,00$) способствует агрессивному реагированию в различных ситуациях, а *рассерженность* ($\beta = -1,5$ при $p = 0,01$) препятствует. На переменную *возбудимость* оказывают влияние *физическое проявление гнева, гнев как способ реагирования, рассерженность* ($R^2 = 0,22$ при $p = 0,02$). Эта модель объясняет 22 % выборки. Переменная *самоагрессия* определяется *гневом как способом реагирования и выражением гнева вовне* ($R^2 = 0,30$ при $p = 0,01$). Детерминация распространяется на 30 % выборки. На переменную *торможение агрессии* оказывают влияние *гнев как состояние, рассерженность, вербальное проявление гнева, физическое проявление гнева, контроль проявлений гнева вовне* ($R^2 = 0,24$ при $p = 0,05$). Модель обуславливает 24 % выборки.

Результаты регрессионного анализа по ЭГ-3 представлены в табл. 3.

Таблица 3

Обусловленность агрессии проявлениями гнева для ЭГ-3 (переходный возраст)

Зависимая переменная	R2	F	p	Значимые предикторы*	β
1	2	3	4	5	6
Спонтанная агрессия	0,33	3,2	0,002	Физическое проявление гнева Подавление гнева	0,48 0,58
Реактивная агрессия	0,37	8,8	0,005	Гнев как черта	0,52
Возбудимость	0,33	3,1	0,002	Подавление гнева Контроль гнева внутри	0,32 -0,49

1	2	3	4	5	6
Самоагрессия	0,40	4,3	0,000	Гнев как способ реагирования Подавление гнева Контроль гнева внутри	0,62 0,39 -0,44
Торможение агрессии	0,25	2,1	0,03	Выражение гнева вовне	-0,45
Готовность к агрессии	0,32	3,1	0,003	Подавление гнева	0,46

* Для анализа выделены предикторы с наиболее высокими значениями β -коэффициентов, обуславливающих вклад каждой переменной в регрессионную модель.

На переменную *спонтанная агрессия* оказывают влияние *физическое проявление гнева* и *подавление гнева* ($R^2 = 0,33$ при $p = 0,002$). Такая детерминация распространяется на 33 % выборки. Обе переменные оказывают положительное влияние. Переменная *реактивная агрессия* определяется *гневом как чертой* ($R^2 = 0,37$ при $p = 0,005$). Такая детерминация характеризует 37 % выборки. На переменную *возбудимость* оказывают влияние *подавление гнева, контроль гнева внутри* ($R^2 = 0,33$ при $p = 0,002$). Такая модель характерна для 33 % выборки. На переменную *самоагрессия* влияют *гнев как способ реагирования, подавление гнева, контроль гнева внутри* ($R^2 = 0,40$ при $p = 0,000$). Детерминация распространяется на 40 % выборки. Переменная *торможение агрессии* определяется выражением гнева вовне ($R^2 = 0,25$ при $p = 0,03$). Модель характерна для 25 % выборки. На переменную *готовность к агрессии* оказывает влияние *подавление гнева* ($R^2 = 0,32$ при $p = 0,03$). Детерминация распространяется на 32 % выборки.

Результаты регрессионного анализа по ЭГ-4 представлены в табл. 4.

Таблица 4

Обусловленность агрессии проявлениями гнева для ЭГ-4 (зрелый возраст)

Зависимая переменная	R ²	F	p	Значимые предикторы*	β
Спонтанная агрессия	0,24	2,0	0,04	Рассерженность Вербальное проявление гнева	-0,52 0,76
Реактивная агрессия	0,23	2,2	0,05	Гневливость Контроль проявлений гнева вовне	-1,05 -0,59
Возбудимость	0,24	2,0	0,04	Контроль проявлений гнева вовне Подавление гнева	-0,57 0,28
Торможение агрессии	0,17	2,3	0,05	Физическое проявление гнева Вербальное проявление гнева Выражение гнева вовне Контроль гнева внутри Гневливость	-0,44 0,37 -0,38 -0,57 -0,66
Готовность к агрессии	0,26	2,01	0,03	Гнев как черта Гневливость	1,5 0,86

* Для анализа выделены предикторы с наиболее высокими значениями β -коэффициентов, обуславливающих вклад каждой переменной в регрессионную модель.

На переменную *спонтанная агрессия* оказывают влияние *рассерженность* и *вербальное проявление гнева* ($R^2 = 0,24$ при $p = 0,04$). Детерминация распространяется на 24 % выборки. Переменная *реактивная агрессия* обусловлена *гневливостью*

и контролем проявлений гнева вовне ($R^2 = 0,23$ при $p = 0,05$). Модель определяет 23 % выборки. На переменную возбудимость оказывают влияние контроль проявлений гнева вовне и подавление гнева ($R^2 = 0,24$ при $p = 0,04$). Детерминация обуславливает 24 % выборки. На переменную торможение агрессии влияют физическое проявление гнева, вербальное проявление гнева, выражение гнева вовне, контроль гнева внутри, гневливость ($R^2 = 0,17$ при $p = 0,05$). Детерминация распространяется на 17 % выборки. На переменную готовность к агрессии оказывают влияние гнев как черта, гневливость ($R^2 = 0,26$ при $p = 0,03$). Модель объясняет 26 % выборки.

Обсуждение результатов. Результаты регрессионного анализа по ЭГ-1 свидетельствуют о повышенной чувствительности испытуемых и проявлении гнева в ответ на провокации в форме оскорблений или негативной оценки. В этом случае можно предположить наличие систематически переживаемой фрустрации в жизни испытуемых и продолжающегося гнева. В провоцирующих ситуациях они склонны к немедленному отреагированию гневных переживаний в форме реактивной агрессии или подавлению гнева и отказу от агрессивной реакции. В этом случае большое значение имеют ситуационные переменные. Так, юношеский возраст предполагает встраивание в систему межличностных и профессиональных отношений, которые определяют успешность взаимодействий между людьми. Это во многом определяет выбор наиболее эффективной стратегии реагирования в той или иной ситуации. Учитывая специфику выборки исследования, можно предположить, что для сотрудников правоохранительных органов важно соблюдение субординации в общении с коллегами и руководящим составом, что обуславливает недопустимость агрессивных реакций в адрес тех, кто выше рангом.

Обращает на себя внимание тот факт, что в юношеском возрасте основным предиктором, обуславливающим проявление различных видов и форм агрессии, является *гнев как способ реагирования*, что, вероятно, связано с переживанием достаточного числа ситуаций, как фрустрирующих и блокирующих достижение поставленных целей.

В ЭГ-2, согласно результатам регрессионного анализа, спонтанные немотивированные агрессивные вспышки обусловлены состоянием внутренней готовности реагировать гневом в различных ситуациях, при этом выражена тенденция к использованию механизмов самоконтроля. Ситуативное переживание состояния гнева, не ведет напрямую к реализации агрессивных намерений, т. е. ситуативное переживание гнева, когда человек чувствует себя рассерженным, не обязательно будет проявляться в форме агрессивного поведения.

При этом, состояние повышенной возбудимости подкрепляется *переживанием гнева* ($\beta = 0,30$ при $p = 0,03$) и потребностью его *физического выражения* ($\beta = 0,62$ при $p = 0,02$) в различных формах воздействия на объект в ситуациях, воспринимаемых как фрустрирующие. Может проявляться в недостаточности управления аффектом. При этом состояние *рассерженности*, которое может проявляться в раздражительности, негодовании не провоцирует повышение возбудимости и утраты контроля над ситуацией. Переменная *гнев как способ реагирования* усиливает проявление агрессии, направленной на самого себя. Вероятно, это связано с ситуациями, когда прямое выражение гнева невозможно либо может провоцировать нежелательные санкции.

Эпизодически переживаемое состояние гнева и развитый механизм контроля его внешних проявлений обеспечивают возможность сдерживать проявление агрессии. При этом, переживания, связанные с потребностью физического или вербального

(например, в форме крика, угроз и т. д.) воздействия на объект, а также систематическое пребывание в состоянии раздражительности, препятствуют сдерживанию агрессии в провоцирующих ситуациях.

Анализ результатов регрессионного анализа по ЭГ-3 указывает на то, что внезапное, спонтанное проявление агрессивного поведения обусловлено переживанием потребности физического воздействия на объект, вызывающий фрустрацию. При этом переменная *подавление гнева* оказывает положительное воздействие, что свидетельствует о том, что чем больше испытуемые стремятся блокировать проявление гневных чувств, тем больше вероятность, что испытываемый ими гнев проявится самопроизвольно и неконтролируемо. Систематическое и длительное переживание гнева повышает вероятность агрессивного реагирования в ситуациях, провоцирующих агрессию. Недостаточный контроль гнева определяет повышенную возбудимость и вероятность выбора агрессивного стиля реагирования. Отказ от выражения гнева, т. е. его подавление, способствует усилению внутреннего возбуждения и перехода его в демонстрацию агрессии.

Проявление саморазрушающего поведения обусловлено постоянно переживаемым гневом и тенденцией к гневному реагированию в различных ситуациях, а также попыткой сдерживать испытываемый гнев и не давать ему выхода. Можно сказать, что переживаемый гнев часто не находит адекватного выражения вовне и направляется внутрь, обуславливая аутодеструктивное поведение, которое может проявляться через злоупотребление психоактивными веществами, повышенным риском травматизации, соматизацией и др.

Отрицательное влияние переменной *выражение гнева вовне* ($\beta = -0,45$ при $p = 0,01$) обуславливает возможность сдерживания агрессии и выбора наиболее оптимальной стратегии реагирования. Это указывает на то, что чем больше испытуемые стремятся сдерживать гнев и не перерабатывать гневные переживания, тем больше вероятность агрессивного реагирования даже в незначительных ситуациях, которые при прочих, более благоприятных условиях, могли не иметь провокационного смысла.

Анализ результатов по ЭГ-4 показал, что внезапная немотивированная агрессия испытуемых часто проявляется в форме крика, угроз, оскорблений, иронии и других формах, предпринимаемых для того, чтобы справиться с ситуацией. Тенденция испытуемых испытывать гнев без особых провокаций (например, посредством фантазирования или воспоминаний о каких-то ситуациях), а также включение механизмов контроля внешних проявлений снижают вероятность агрессивного реагирования. Недостаточное проявление контроля гнева и тенденция к его подавлению влияют на повышение общей возбудимости, что впоследствии может проявиться в форме агрессии.

При этом *физическое проявление, выражение гнева вовне, контроль гнева внутри и гневливость* препятствуют возможности торможения агрессии и в соответствующих ситуациях выбору альтернативной, не агрессивной стратегии реагирования. В то же время *вербальное проявление гнева* способствует сдерживанию проявлений агрессии, что, вероятно, связано с тем, что испытуемые склонны сбрасывать возникающее напряжение посредством вербализации (например, через повышение голоса), но при этом не воздействовать на объект другими способами. Установка на реагирование агрессией обусловлена наличием устойчивой личностной черты – *гневливости*, предполагающей систематическое переживание гнева даже в ситуациях без особой провокации.

Выводы. Таким образом, в период юности проявления агрессии обусловлены гневом как способом реагирования, который возникает как реакция в ответ на ситуации фрустрации и неудовлетворения.

В период взрослости представленность различных проявлений гнева в качестве предикторов агрессивного поведения существенно возрастает, а спектр гневных переживаний увеличивается.

В переходный период одним из наиболее значимых предикторов, обуславливающих агрессивное поведения, является *подавление гнева*, что может указывать на наличие большого числа ситуаций, провоцирующих гнев и отсутствие адекватных способов его переработки и выражения. Учитывая специфику переходного периода, это в значительной степени осложняет психоэмоциональное состояние испытуемых и влияет на их состояние здоровья, а также на взаимоотношения с другими людьми как в личном, так и профессиональном плане.

В зрелом возрасте одним из наиболее характерных предикторов, обуславливающих агрессивное поведение, является *гневливость*. Что указывает на тенденцию к переходу гнева в устойчивую личную черту, которая может оказывать влияние на выбор стратегии реагирования в различных ситуациях жизнедеятельности, а также на психоэмоциональное состояние испытуемых и характер их отношений с окружающими.

Список литературы

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия, контроль. СПб., 2010. 289 с.
2. Ермолова Е. О., Щемель А. О. Взаимосвязь доминантных способов совладающего поведения и оценки социально-психологического климата в структурных подразделениях ОВД // Развитие человека в современном мире. 2017. № 2. С. 127–136.
3. Ичитовкина Е. Г., Злоказова М. В., Соловьев А. Г. Влияние личностных и психосоциальных характеристик на развитие пограничных психических расстройств у комбатантов Министерства внутренних дел // Вестник психотерапии. 2011. Т. 42, № 37. С. 56–68.
4. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. СПб., 2011. 338 с.
5. Родыгина Ю. К., Дерягина Л. Е., Соловьев А. Г. Психофизиологические маркеры профессиональной успешности сотрудников подразделений органов внутренних дел // Экология человека. 2005. № 10. С. 33–38.
6. Сидоров П. И., Соловьев А. Г., Барачевский Ю. Е., Маруняк С. В. Психолого-психиатрические аспекты чрезвычайных ситуаций // Медицина катастроф. 2008. № 3. С. 54–57.
7. Шамшикова О. А., Белашина Т. В. Адаптация Фрайбургского опросника исследования факторов агрессии (FAF) // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (25). С. 212–217.
8. Шамшикова О. А., Белашина Т. В. Психометрический анализ опросника «Оценка проявлений гнева» (STAXI-2) Ч. Д. Спилбергера // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). С. 269–273.
9. Шамшикова О. А., Белашина Т. В. К вопросу о факторах актуализации гнева у сотрудников правоохранительных органов // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 6 (61). С. 331–334.
10. Anestis M. D., Anestis J. C. Anger rumination across forms of aggression // Personality and Individual Differences. 2009. Vol. 46, Iss. 2. P. 192–196.
11. Bettencourt B. A., Talley A., Benjamin A. J. Personality and aggressive behavior under provoking and neutral conditions: A meta-analytic review // Psychological Bulletin. 2006. Vol. 132(5). P. 751–777.

12. *Bushman B. J., Bonacci A. M.* Effects of Rumination on Triggered Displaced Aggression // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88 (6). P. 969–983.

13. *García-Sancho E., Salguero J. M.* Angry rumination as a mediator of the relationship between ability emotional intelligence and various types of aggression // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 89. P. 143–147.

14. *Spilberger Ch. D.* STAXI-2: State-Trait Anger Expression Inventory-2. N.Y.: Hemisphere, 1999.

15. *Shamshikova O. A., Ermolova E. O., Belashina T. V.* Expression of individual psychological personality traits depending on the level of anger repression (a case study of a sample group of law enforcement officers) // *Third International Conference on Humanity and Social Science (ICHSS2017) conference proceedings*. 2017. P. 188–192.

Зыбина Людмила Николаевна

Мантурова Наталья Михайловна

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ АГРЕССИВНОСТИ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ проблемы психологической природы агрессивности, раскрыты основные подходы к определению понятия агрессивности и агрессивного поведения личности. На основе изучения литературных источников по вопросам пола выявлены особенности проявления агрессивности и форм агрессии у мужчин и женщин. Основной целью эмпирического исследования являлось изучение половых особенностей агрессивности и форм агрессии в зрелом возрасте. К исследованию привлечены жители города Новосибирска в количестве 84 человек – из них 49 женщин и 35 мужчин в возрасте от 45 до 60 лет.

Для исследования показателей агрессивности и форм агрессии в зрелом возрасте использовались методики: методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки в адаптации А. К. Осницкого, тест руки Вагнера (Hand Test), авторы Э. Вагнер, Б. Брайклин, З. Пиотровский. Основной целью эмпирического исследования являлось изучение половых особенностей агрессивности и форм агрессии в зрелом возрасте. Для оценки достоверности различий показателей агрессивности и форм агрессии между выборками мужчин и женщин мы использовали U-критерий Манна-Уитни. В результате применения критерия по показателям исследуемого признака между выборками мужчин и женщин были выявлены четыре достоверные различия. Проведенное практическое исследование позволило констатировать, что имеются различия в проявлении форм агрессии между мужчинами и женщинами в зрелом возрасте.

Ключевые слова: агрессивность, агрессивное поведение, формы проявления агрессии, период зрелого возраста.

Zybina Lyudmila Nikolaevna

Manturova Natalia Mikhailovna

STUDY OF THE PECULIARITIES OF AGGRESSIVENESS IN MEN AND WOMEN AT THE AGE OF MATTER

Abstract. The article presents a theoretical analysis of the problem of the psychological nature of aggressiveness, reveals the main approaches to the definition of the concept of

Зыбина Людмила Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», lyzybina@yandex.ru, Новосибирск, Россия

Мантурова Наталья Михайловна – старший преподаватель кафедры практической и специальной психологии, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», pinori1973@mail.ru, Новосибирск, Россия

Zybina Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General Psychology and History of Psychology Novosibirsk State Pedagogical University, lyzybina@yandex.ru, Novosibirsk, Russia

Manturova Natalia Mikhailovna –Senior Lecturer, Department of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, pinori1973@mail.ru, Novosibirsk, Russia

aggressiveness and aggressive behavior of an individual. On the basis of a study of literary sources on the issues of gender, features of the manifestation of aggressiveness and forms of aggression in men and women are revealed. The main purpose of the empirical research was to study the sexual characteristics of aggressiveness and forms of aggression in adulthood. The study involved residents of the city of Novosibirsk in the amount of 84 people, including 49 women and 35 men aged 45 to 60 years.

To study the indicators of aggressiveness and forms of aggression in adulthood, the following methods were used: methods of diagnosing indicators and forms of aggression by A. Bass and A. Darki in the adaptation of A.K. Osnitsky, Wagner Hand Test (Hand Test), authors E. Wagner, B. Breiklin, Z. Piotrovsky. The main purpose of the empirical research was to study the sexual characteristics of aggressiveness and forms of aggression in adulthood. To assess the reliability of differences in the indicators of aggressiveness and forms of aggression between samples of men and women, we used the Mann-Whitney U test. As a result of the application of the criterion for the indicators of the investigated trait between samples of men and women, four significant differences were identified. A practical study allowed us to state that there are differences in the manifestation of forms of aggression between men and women in adulthood.

Keywords: aggressiveness, aggressive behavior, forms of manifestation of aggression, the period of mature age.

Проблема агрессивности занимала ученых на протяжении многих веков, но только в последние десятилетия стала предметом систематического научного исследования. Интерес к изучению агрессивности отражает социальный запрос общества, испытывающего на себе возросшее воздействие насилия и жестокости. Трудно назвать другую психологическую проблему, имеющую большее значение для развития отдельной личности и общества в целом. Агрессивность людей является причиной всех конфликтов между людьми и государствами, всех преступлений и войн.

Проблему половых различий начали изучать в конце XIX – начале XX в. Российским пионером в изучении этой проблемы был П. Е. Астафьев (1899), в Голландии ей посвящал свои исследования Г. Гейманс (1911) и др. Внес свою лепту в рассмотрение вопроса о половых различиях и З. Фрейд, который в работе «Женственность» описывал мужчин как активных, стремящихся к власти и контролю над миром, а женщин как пассивных, зависимых, склонных к мазохизму и завидующих мужской анатомии. Однако интенсивное изучение проблемы половых различий началось лишь в середине XX в. после опубликования в 1957 г. обзорной статьи Дж. Макки и А. Шериффс (J. McKee, A. Sherriffs), и с этого времени эта проблема занимает большое место в зарубежной психологии. Главной темой в посвященной проблеме половых различий, агрессивности и агрессивных форм поведения в литературе является изучение гендерной роли женщины в разных социумах, чему посвятили свои исследования ученые разных стран: Б. Банкарт (B. Bankart, 1985) – в Японии; Т. Дамжи и К. Ли (T. Damji, C. Lee, 1995) – в мусульманских странах; Р. Хаббарт с соавторами (R. Hubbard et al., 1982) – в Дании; Дж. Парри (J. Parry, 1983) – в Англии; Р. Лу и П. Логан (R. Loo, P. Logan, 1977) – в Канаде и т. д. Но ведущее положение в изучении этой проблемы принадлежит американским исследователям, издающим в большом количестве монографии и учебники по гендерной психологии и социологии. В США издаются журналы по этой тематике: «Psychology of Women Quarterly», «Sex Roles», «Journal of Gender», «Culture and Health», «Gender and History» [6].

Проблема агрессивности личности является биполярным явлением. С одной стороны, агрессивность как качество личности является неотъемлемой динамической

характеристикой активности и адаптивности человека. В норме она может оказываться качеством социально приемлемым и даже необходимым. Отрицательные последствия имеет чрезмерное или недостаточное ее проявление. Гиперагрессивность может проявляться в драках, ссорах, оскорблениях, психологическом насилии, провокации конфликтов, разрушительных действиях, патологическом фантазировании. Гипоагрессивность приводит к податливости, конформности, пассивности поведения [10]. Проявление агрессивности можно наблюдать уже с самого раннего возраста в виде импульсивных приступов, упрямства, сопровождаемых криком, «брыканием», кусанием, драчливостью. Причиной такого поведения является блокирование желаний или намеченной программы действий в результате применения воспитательных воздействий [21].

Актуальность темы объясняется значимостью агрессивности в структуре личности человека, ее влиянием на формирование конструктивных, социально одобряемых форм поведения либо, напротив, разрушительных, придающих поступкам асоциальный характер. Статья посвящена рассмотрению и выявлению особенностей агрессивности как свойства личности и как формы поведения у мужчин и у женщин в зрелом возрасте.

Обзор литературы. При описании феномена агрессии используется различная терминология: различают агрессию, агрессивность, агрессивное поведение. Наряду с «агрессивностью» используется термин «враждебность», понятие «агрессия» в отдельных случаях практически отождествляется с понятием «жестокость». Однако в современной литературе намечается отчетливая тенденция к разделению понятий «агрессии» и «агрессивности», «агрессивности» и «враждебности», «агрессивности» и «жестокости».

Под *агрессией* мы понимаем сильные физические, словесные или «символические» действия, которые могут быть самозащитными или «неприемлемыми» (деструктивное поведение и проявления ненависти) (А. Е. Личко, Н. Я. Иванов, 1992). В то же время не следует забывать, что агрессия обусловлена и оправдана самой природой жизни, является нормальной реакцией на определенные раздражители, в конечном итоге, она способствует сохранению вида. Э. Фромм выделяет у человека два вида агрессии – «доброкачественную» и «злокачественную». Вторая характерна только для человека и не имеет филогенетической программы и цели. Это лишенная биологического смысла деструктивность и жестокость, которая представляет настоящую угрозу и опасность выживанию человеческого рода [цит. по: 4].

С правовой точки зрения центральным в феномене агрессии является применение силы. Действительно, практический жизненный опыт показывает нам, что в большинстве случаев навык интенсивного реагирования в отношениях между людьми оценивается как агрессия. Другой важный признак – признак инициативы. В частности, А. Басс определяет агрессивность как закрепленный «навык нападения». В 1939 г. в монографии «Фрустрация и агрессия», оказавшей большое влияние на психологические исследования, авторы отвели центральное место в определении агрессии намерению повредить другому человеку своими действиями: акт, целевой реакцией которого является нанесение вреда организму [2].

Помимо термина «агрессия», важное место в психологической литературе отводится понятию «агрессивное поведение».

Отличительный признак агрессивного поведения заключается в нанесении, попытке и нанести или угрозе нанести повреждение другому субъекту. В психологическом словаре агрессивное поведение рассматривается как враждебные действия,

целью которых является нанесение страдания, ущерба другим [9]. В другом издании словаря агрессивное поведение рассматривается как специфичная форма действий человека, характеризующаяся демонстрацией превосходства в силе или применением силы по отношению к другому человеку или группе лиц, которым субъект стремится причинить ущерб [18].

Агрессивное поведение отличается от экспрессивных реакций, заключающихся в ненаправленной разрядке эмоционального напряжения в резких, полных экспрессии движениях поведенческих актов [5]. Разнообразные определения агрессивного поведения, наиболее характерные из которых приведены выше, показывают, что понятия агрессии и агрессивного поведения описывают один и тот же феномен, заключающийся в нанесении ущерба, причинении вреда другому человеку, в применении силы по отношению к нему. Различие между терминами связано, скорее, с акцентом, который ставится либо в плане общепсихологической квалификации событий («агрессия»), либо в плане оценки конкретных действий индивида («агрессивное поведение») [7].

Итак, об агрессии или об агрессивном поведении, по данным литературных источников [19; 21; 22], говорят, имея в виду конкретные действия (вербальные или физические) при наличии следующих условий:

- в контексте социальных взаимоотношений, т. е. в ситуации общения между собой двух или более людей; вне субъект-субъектного или субъект-объектного взаимодействия агрессии не существует; в этом смысле агрессия может рассматриваться как своеобразный способ контакта с окружающим миром;

- при наличии признака инициативы и направленности действий против конкретного человека или группы людей; постулируется наличие цели или результата агрессивных действий;

- при демонстрации превосходства в силе или применении силы по отношению к этому человеку или группе людей; способом достижения цели в акте агрессии является применение силы;

- когда целью или результатом таких действий является причинение вреда.

Однако анализ конкретных форм агрессивного поведения людей показывает, что указанные факторы не являются ни необходимыми, ни достаточными условиями определения агрессии. Опираясь на приведенные выше критерии, можно отнести к агрессии достижение творческого успеха, связанное с проявлением инициативы, демонстрацией превосходства или применением силы, косвенным нанесением ущерба окружающим людям с возможным ограничением или подавлением их активности. С другой стороны, такие противоправные действия, как кража или сексуальные преступления, не попадают под определение агрессии, поскольку в первом случае целью деятельности также является обогащение, а также, возможно, самоутверждение, подражание, а во втором – получение удовольствия. Результатом подобных действий может не быть причинение ущерба, так как кража может совершаться в отношении вещей, не представляющих ценности, а жертва сексуальной агрессии может получить удовольствие [3].

Понимание агрессивного поведения как формы реализации свойства агрессивности лежит в основе большинства приведенных в литературе определений агрессивности. Готовность субъекта к агрессивному поведению рассматривается как относительная черта личности – агрессивность. Агрессивность, по определению К. К. Платонова [15], это психическое явление, выражающееся в стремлении к насильственным действиям в межличностных отношениях. Согласно В. П. Пошивало-

ву, под агрессивностью принято понимать индивидуальную предрасположенность к агрессивному поведению, готовность совершить агрессивный акт. Как полагает А. Басс, агрессивность проявляется в склонности к нападению на других, в косвенных агрессивных реакциях и вербальной агрессии, а также негативизмом [5].

Особая значимость периода зрелости заключается в том, что, включаясь во все многообразие общественных отношений, человек становится их субъектом, сознательно формируя свое отношение к окружающему миру. В период зрелости происходит интеграция отношений и формирование характера как системы (сам процесс характерообразования начинается в детстве). Именно в период взрослости, особенно на начальном его этапе (45 лет), одной из центральных характеристик человека является генеративность – желание повлиять на следующее поколение через собственных детей, через практический или теоретический вклад в развитие общества. Генеративность определяет способность человека оглянуться вокруг, интересоваться другими людьми, быть продуктивным, что, в свою очередь, делает его счастливым. В этом возрасте, считает Э. Эриксон, человек формулирует свою точку зрения о внешнем мире, его будущем и о своем участии в нем. Важнейшая характеристика в становлении личности как субъекта жизни – это результативный, продуктивный момент ее деятельности [17].

И. Броверман с коллегами изучил описания мужчин и женщин, данные клиническими практиками, психиатрами и социальными работниками. Обнаружилась общая для них установка, что компетентность больше присуща мужчине, чем женщине. Женщины же характеризовались как более послушные, менее объективные и подверженные внешнему влиянию, менее агрессивные и состязательные, легко раздражающиеся по незначительным поводам. В исследованиях Ф. Гейс (F. Geis, 1993) показано, что во многих случаях психологи игнорировали или преуменьшали проявление агрессии женщинами и заботливости мужчинами [цит. по: 6].

Дж. Макки и А. Шерифс (McKee, Sheriffs, 1957) пришли к выводу, что типично мужской образ – это набор черт, связанный с социально не ограничивающим стилем поведения, компетенцией и рациональными способностями, активностью и эффективностью. Типично женский образ, напротив, включает социальные и коммуникативные умения, теплоту и эмоциональную поддержку. В целом мужчинам приписывается больше положительных качеств, чем женщинам. При этом авторы считают, что чрезмерная акцентуация как типично маскулинных, так и типично фемининных черт приобретает уже негативную оценочную окраску: типично отрицательными качествами мужчин признаются грубость, авторитаризм, излишний рационализм; женщин – формализм, пассивность, излишняя эмоциональность и т. п. [Там же].

Мужчины ведут себя агрессивнее женщин. До сих пор нет ни одного серьезного исследования источников мужской агрессии. То, что действия и образ мыслей мужчин более агрессивны, чем у женщин, представляется бесспорным и может быть прослежено даже у наших животных предков. Но нет точного представления о том, имеется ли врожденная потребность в агрессии, которая сильнее проявляется у мужчин и которая является причиной агрессивных действий. «Мужчины по своей природе агрессивнее женщин» – утверждение, пока что не доказанное. С таким же успехом можно утверждать: «Мужчины по своей природе боятся больше, чем женщины» и «Мужчины реагируют на свой больший страх большей агрессией». Тогда получится, что большая подверженность страхам – причина большей агрессивности мужчин. Имеются и более весомые аргументы в пользу этого предположения. С другой стороны, вопрос: «Как мужчины становятся агрессивными?» – это также

вопрос о раздражителях, стимулах и их взаимодействии. Конечно же, это утверждение, противоположное высказанному ранее, также не является полностью доказанным и общепринятым. Предположение о том, что агрессию создает страх, поддерживают три следующих довода.

1. У агрессии много функций: самоутверждение, добывание пропитания, охрана своей территории, социальное доминирование. Господство в какой-либо иерархической социальной структуре представляет собой с биологической точки зрения очень большое значение.

2. Почти все, что мы считаем поведением, унаследованным от животных, – это реакция на определенный раздражитель. Что может быть внешним стимулом, ответом на который является генетически запрограммированная реакция агрессии? Представляется обоснованным, что агрессию следует рассматривать как реакцию на угрозу. Любая угроза вызывает страх, а страх – бегство или агрессию. На это обстоятельство редко обращают внимание. Без очень тесного сопряжения готовности к бегству и агрессии многие действия кончались бы смертельным исходом. В природе смертельные поединки у животных одного вида или близких видов происходят очень редко.

3. Мужчины реагируют более восприимчиво на вызывающие страх раздражители, если они к нему более чувствительны. Ответная агрессия должна быть быстрой и интенсивной, только тогда она будет действенной в биологическом смысле. Если ее проявлению предшествует «длинный разбег», надежной защиты не будет обеспечено. Если существует угроза, на которую генетически запрограммирована агрессивная реакция, то именно эта угроза должна восприниматься как наиболее сильный стимул, поскольку его восприятие обеспечивает проявление агрессивной реакции в полной мере. Вернемся к страху. То, что мужчины, ощущая страх, придерживаются других стратегий, нежели женщины, видно почти так же ясно, как и то, что их потенциал агрессии более высок. Их методы избегания страха диаметрально отличаются от применяемых женщинами.

То, что людей воспитывают именно такими, какими они становятся, есть безусловная истина. Если результат не всегда соответствует желаниям, то часто бывает возможным проследить, каким образом происходит взаимодействие между воздействием родителей и реакцией на него детей. Часто, когда собака попрошайничает около стола, то ее бранят, но с ласковыми интонациями в голосе, а затем она все же получает свой лакомый кусочек.

Сформировавшиеся в детстве образы в дальнейшей жизни почти не меняются, как бы на это ни надеялись и как бы мальчику этого ни желали. Такие образы обычно надежно спрятаны глубоко внутри. Ребенок как чистый лист бумаги, все в нем готово к осознанию им его первых ролевых отношений. Каждый новый ролевой образ, который может вытеснить старый, должен быть осознанно признан как противоречащий старому и имеющий перед ним преимущество. Только тогда он займет место старого образа.

Есть определенная связь между половыми гормонами и математическими способностями: высокие математические способности отмечены у мужчин с низким уровнем тестостерона, у женщин корреляций выявлено не было. Женщины точнее вспоминают расположение вещей. Мужчины обладают лучшими навыками в тестах с прицеливанием. Женщины точнее идентифицируют сходные предметы, что отражает качество восприятия, имеют более быстрые двигательные реакции и лучше развитые речевые навыки. Мужчины эффективнее проявляют себя в математиче-

ских рассуждениях, женщины – в арифметическом счете. Врожденность этих различий доказывается тем, что они проявляются уже с трехлетнего возраста [8].

Методы исследования. Основной целью эмпирического исследования являлось изучение половых особенностей агрессивности в зрелом возрасте. К исследованию привлечены жители города Новосибирска в количестве 84 человек; из них 49 женщин и 35 мужчин в возрасте 45–60 лет.

Для исследования показателей агрессивности в зрелом возрасте использовались следующие методики: методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки в адаптации А. К. Осницкого, тест руки Э. Вагнера, Б. Брайклина, З. Пиотровского (Hand Test).

Результаты и интерпретация. На аналитическом этапе мы осуществили дифференциацию результатов по уровню выраженности диагностических показателей. Показатели дифференцировались в контексте традиционного в психодиагностике подхода к уровневому распределению исследуемых показателей: высокий, средний, низкий (выраженность признака: низкий – от 0 до 30 %, средний – от 31 до 50 %, высокий – от 51 % и выше).

Обработка диагностируемых показателей по методике диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки позволила получить величины по восьми типам реакций, а также осуществить подсчет индексов агрессивности и враждебности.

Средние статические показатели по каждой шкале для женщин и мужчин отражены на рис. 1. Данные процентного соотношения удельной доли типов агрессивности и форм агрессии у мужчин и женщин представлены на рис. 2–4.

Анализ средних величин индекса агрессивности и у мужчин, и у женщин показал их выраженность в пределах нормативных значений. Однако, показатели общей агрессии (ОА) достаточно высоки: женщин – 29, мужчин – 28 при норме от 17 до 25 баллов.

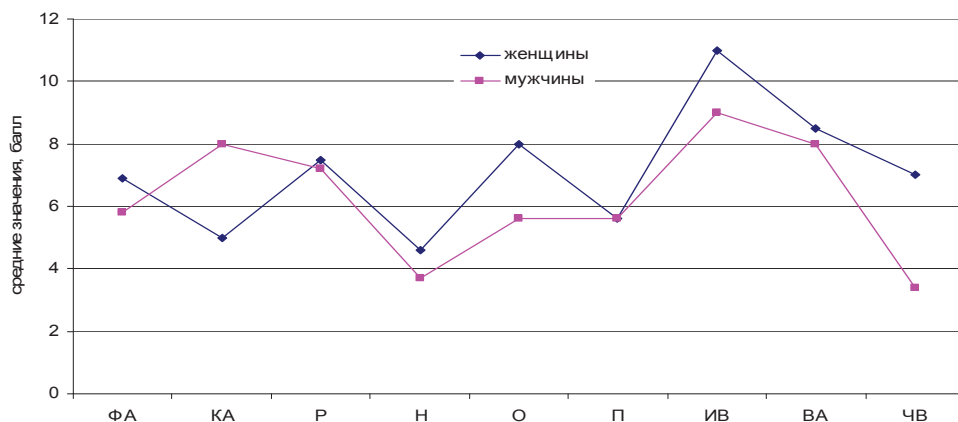

Рис. 1. Диаграмма, иллюстрирующая сравнение средних значений по шкалам методики диагностики показателей и форм агрессии А. Басса – А. Дарки:

ФА – физическая агрессия, КА – косвенная агрессия, Р – раздражение, Н – негативизм, О – обида, П – подозрительность, ИВ – индекс враждебности, ВА – вербальная агрессия, ИА – индекс агрессивности, ЧВ – чувство вины, ОА – уровень общей агрессивности

Сравнение средних величин данных тестирования мужчин и женщин свидетельствует о значительных различиях. Так, индекс враждебности у мужчин составляет $M = 11,2$, а у женщин $M = 11$; индекс агрессивности мужчин $M = 21,5$, женщин $M = 22,8$.

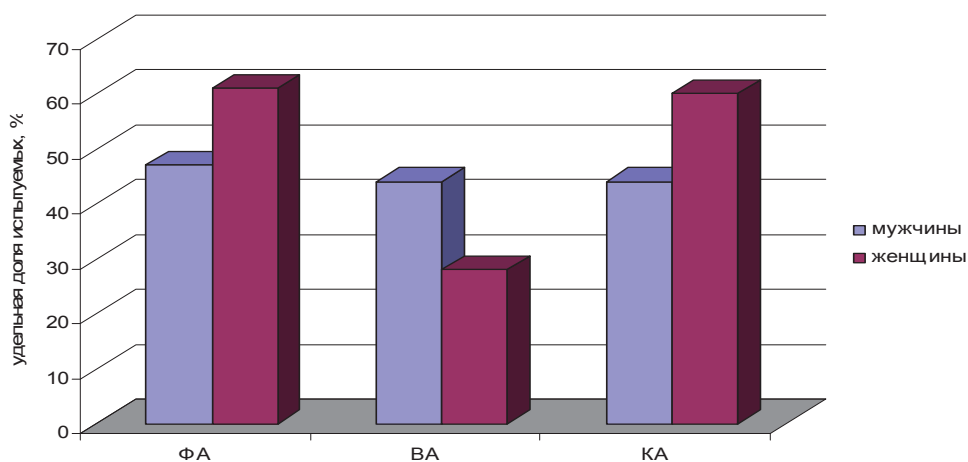

Рис. 2. Диаграмма, иллюстрирующая процентное распределение удельной доли типов агрессивности с высоким уровнем:
 ФА – физическая агрессия, КА – косвенная агрессия,
 ВА – вербальная агрессия

Как было показано выше, существуют некоторые различия в проявлении агрессивности мужчин и женщин, что подтверждается исследованиями Л. Берковица, Р. Бэрона и Д. Ричардсон и др. [11; 12]. Мужчины более склонны к агрессии, что обусловлено социально и биологически. Полученные нами данные по выборкам доказывают, что по уровню проявления агрессивности женщины зрелого возраста превосходят мужчин. Мужчины, как правило, в меньшей степени испытывают чувство вины и тревоги, нежели женщины. Женщины рассматривают агрессию как *экспрессию* – как средство выражения гнева и снятия стресса путем высвобождения агрессивной энергии, чаще прибегая косвенной или вербальной агрессии. Мужчины же, напротив, относятся к агрессии как к *инструменту*, считая ее моделью поведения, к которому прибегают для получения разнообразного социального и материального вознаграждения.

Анализ данных, полученных по методике «Hand-тест» Вагнера, свидетельствует, что количественный показатель ответов испытуемых варьируется в диапазоне от 14 до 26 и указывает на средний уровень психологической активности испытуемых. На рис. 3 отражено распределение средних величин по каждой категории ответов.

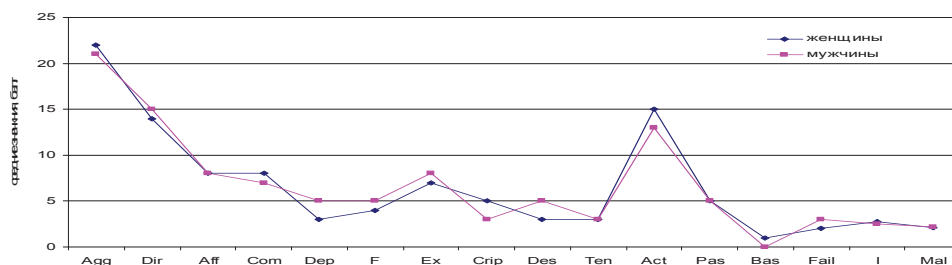

Рис. 3. Диаграмма, иллюстрирующая сопоставление средних значений по шкалам методики «Hand-тест» Вагнера:

Агрессия (Agg), директивность (Dir), аффектация (Aff), коммуникация (Com), зависимость (Dep), страх (F), эксгибиционизм (Ex), калечность (Crip), описание (Des), напряжение (Ten), активные безличные ответы (Act), пассивные безличные ответы (Pas), галлюцинации (Bas), отказ от ответа (Fail), склонность к открытому агрессивному поведению (I), личностная дезадаптация (MAL)

Обнаружено, что показатели индексов агрессивности (I) и личностной дезадаптации (MAL) у мужчин и женщин не имеют достоверных различий, т. е. характеризуются равнозначностью: I мужчин = 2,4; I женщин = 2,7. MAL мужчин = 2,1; MAL женщин = 2,1.

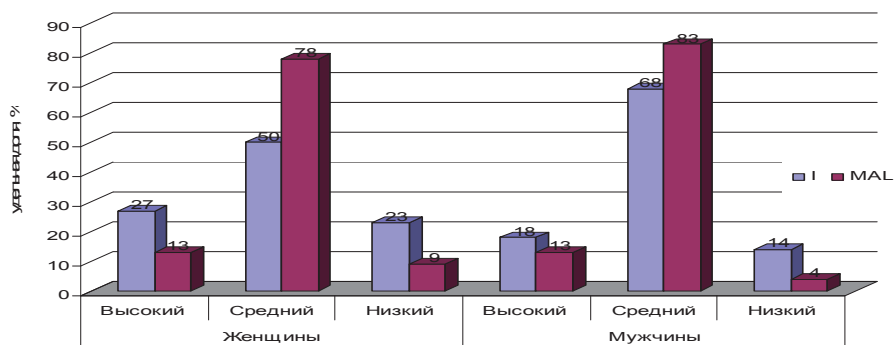

Рис. 4. Соотношение удельной доли испытуемых склонности к открытому агрессивному поведению и личностной дезадаптации у мужчин и женщин: склонность к открытому агрессивному поведению (I), личностная дезадаптация (MAL)

Анализ данных позволяет сделать вывод о том, что личностные профили мужчин и женщин имеют схожесть показателей по некоторым личностным параметрам. Группы испытуемых по методике «Hand-тест» можно охарактеризовать как склонных к агрессивному поведению, так как у них достаточно высоки показатели агрессивности и директивности. Соотношение более высокого процента безличных ответов с более низким процентом ответов категории «коммуникация» свидетельствует о том, что основной опыт переживаний испытуемых связан с физической средой и с окружающими (что, в общем, не противоречит специфике зрелого возраста). Причем, преобладание ответов по категории «аффектация» указывает на наличие у испытуемых проявлений эмоциональной отзывчивости. В целом испытуемых, принявших участие в нашем исследовании, отличает достаточная адаптивность,

высокий энергетический потенциал, наличие интереса к себе и способность к само-раскрытию.

Оценка достоверности различий показателей. Для оценки достоверности различий показателей агрессивности и форм агрессии между выборками мужчин и женщин мы использовали U-критерий Манна-Уитни. Критерий предназначен для оценки различий между двумя независимыми выборками по уровню какого-либо признака, количественно измеренного.

В таблице представлены статистические показатели в результате применения критерия Манна-Уитни между выборками мужчин и женщин.

Таблица

Оценка достоверности различий в значениях исследуемых признаков между выборками мужчин и женщин

Психологическая переменная	Статистические показатели при применении критерия Манна-Уитни				
	Σг 1 женщины	Σг 2 мужчины	Uэмп	p-уровень значимости	Принимаемая гипотеза
Физическая агрессия	213	197	184	0,545350	H ₀
Косвенная агрессия	197	213	198,5	0,547720	H ₀
Вербальная агрессия	171,5	238,5	118*	0,041330	H ₁
Раздражительность	217,5	192,5	214,5	0,344705	H ₀
Негативизм	181	229	113*	0,049643	H ₁
Обида	222	188	113*	0,0498766	H ₁
Подозрительность	226,5	183,5	238,5	0,104111	H ₀
Индекс агрессивности	248,5	161,5	228	0,001000	H ₀
Индивид. враждебность	209,5	200,5	227	0,733730	H ₀
Чувство вины	221,5	188,5	140*	0,050000	H ₁
Открытая агрессия	187	223	233,5	0,173618	H ₀
Личностная дезадаптация	206	204	237,5	0,939743	H ₀

Примечание: *** – высокий уровень достоверности ($p \leq 0,001$);

** – средний уровень достоверности ($p \leq 0,01$);

* – низкий уровень достоверности ($p \leq 0,05$).

Σг женщины – сумма рангов выборки женщин;

Σг мужчины – сумма рангов выборки мужчин;

Uэмп – эмпирическое значение критерия Манна-Уитни.

В результате применения критерия Манна-Уитни по показателям исследуемого признака между сопоставляемыми выборками выявлено четыре достоверных различия.

По параметру «Негативизм» получили Uэмп = 113 при уровне $p = 0,05$, а так как Σг мужчин > Σг женщин, следовательно принимаем гипотезу H₁: уровень негативизма достоверно выше у мужчин, чем у женщин. Высокий уровень негативизма характеризует оппозиционную манеру в поведении мужчин от пассивного сопротивления до активной борьбы против установившихся обычаев и законов.

По параметру «Обида» получили Uэмп = 113 при уровне $p = 0,05$, а так как Σг женщин > Σг мужчин, следовательно принимаем гипотезу H₁: уровень обиды достоверно выше в выборке женщин, чем у мужчин. Зависть и ненависть у женщин к окружающим за действительные и вымышленные действия преобладает в отличии от мужской выборки.

По параметру «Чувство вины» получили $U_{\text{эмп}} = 140$ при уровне $p = 0,05$, а так как Σg женщин $>$ Σg мужчин, следовательно принимаем гипотезу H_1 : чувство вины достоверно выше в выборке женщин, чем у мужчин. Чувство вины это аутоагрессия, которая выражает возможное убеждение женщин в том, что она является плохим человеком, что поступает зло, а также ощущаемые им угрызения совести.

По параметру «Вербальная агрессия» получили $U_{\text{эмп}} = 6,5$ при уровне $p = 0,001$, а так как Σg женщин $<$ Σg мужчин, следовательно принимаем гипотезу H_1 : уровень вербальной агрессии достоверно выше в выборке мужчин, чем у женщин зрелого возраста. Выражение негативных чувств как через вербальную форму (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы) преобладают в мужской выборке зрелого возраста в сравнении с женской.

Выявленные достоверные различия в параметрах агрессивности между мужчинами и женщинами доказывают специфику различий в проявлении форм агрессии у мужчин и женщин.

Заключение. В целом проведенное практическое исследование позволяет констатировать, что имеются различия в проявлении форм агрессии между мужчинами и женщинами в зрелом возрасте. В выборке мужчин зрелого возраста доминирует уровень вербальной агрессии и уровень негативизма. В группе женщин зрелого возраста доминируют следующие формы проявления агрессии: уровень обиды и чувство вины.

Список литературы

1. *Антология гендерной теории* / А. Дворкин [и др.]; сост., коммент. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск: ПроPILEI, 2000. 384 с.
2. *Богомолова С. Н.* О внутриличностных детерминантах криминальной агрессии // *Насилие, агрессия, жестокость*. М., 1990. С. 75–88.
3. *Братусь Б. С.* Нравственное сознание личности. М.: Знание, 1985. 64 с.
4. *Гомонов Н. Д.* Генезис и особенности криминальной агрессии женщин // *Вестник МГТУ*. 2006. Т. 9, № 1. С. 148–153.
5. *Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В.* Агрессия в обыденной жизни. М.: РОССПЭН, 2014. 493 с.
6. *Ильин Е. П.* Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010. 688 с.
7. *Калистратова М. С.* Взаимосвязь открытого агрессивного поведения, особенностей самовосприятия и ценностных ориентаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pomorsu.ru/ScientificLive/Library/Sbornic/Article73.htm> (дата обращения: 12.03.2019).
8. *Купер К.* Индивидуальные различия / пер. с англ. Т. М. Марютиной; под ред. И. В. Равич-Щербо. М.: Аспект Пресс, 2000. 527 с.
9. *Свенцицкий А. Л.* Краткий психологический словарь. М.: Проспект, 2011. 512 с.
10. *Курбатова Т. Н.* Структурный анализ агрессии // Б. Г. Ананьев и Ленинградская школа в развитии современной психологии. СПб., 1995. С. 27–28.
11. *Курбатова Т. Н., Муляр О. И.* Проективная методика исследования личности «Hand-test» (руководство по использованию): методическое руководство. СПб.: ИМАТОН, 2001. 64 с.
12. *Кэрролл Э., Изард К.* Психология эмоций. СПб., 2000. 464 с.
13. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло») = Das sogenannte Böse (Zur Naturgeschichte der Aggression) / пер. с нем. Г.Ф. Швейника. М.: Прогресс: Универс, 1994. 270 с.
14. *Мак-Кей М., Мак-Кей Ю., Роджерс Л.* Укрощение гнева / пер. С. Меленевская, Д. Викторова, А. Голубев. СПб., 1997. 352 с.

15. *Платонов К. К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1984.
16. *Психологические тесты*: в 2 т. / под ред. А. А. Карелина. М., 2001. Т. 2.
17. *Психология человека: от рождения до смерти* / под ред. А. А. Реана. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. 656 с.
18. *Реан А. А.* Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 5. С. 3.
19. *Скотт С.* Агрессивное поведение [Электронный ресурс]. URL: <http://www/osp/unibel/by/obzor/1998/1/6-1.htm> (дата обращения: 12.03.2019).
20. *Толстых Н. Н.* Социальная ситуация развития и проблема возраста // Формирование личности в онтогенезе / под ред. И. В. Дубровиной. М., 1992. С. 43–50.
21. *Шамшикова О. А., Белашина Т. В.* Особенности проявления агрессии и гнева в юношеском возрасте (на материале выборки студентов-психологов и курсантов военного вуза) // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 6. С. 106–111.
22. *Shamshikova O. A., Ermolova E. O., Belashina T. V.* Expression of individual psychological personality traits depending on the level of anger repression (a case study of a sample group of law enforcement officers) // Third International Conference on Humanity and Social Science (ICHSS2017) conference proceedings. 2017. P. 188–192.

УДК 159.9

Ермолова Екатерина Олеговна

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ

Аннотация. В работе приведен краткий теоретико-методологический анализ понятия «характер». Описана проблема изучения характера в психологической науке. Представлены взгляды отечественных и зарубежных авторов на проблему его природы, структуры, свойств и функций. Рассмотрен феномен «психологических границ» как личностного психического образования. Выделены типы и виды психологических границ, описанные в основных теориях и концепциях. В качестве базовых типов выделены суверенные / депривированные; жесткие / гибкие границы. На основе проведенного теоретико-методологического анализа обоснована необходимость изучения психологических границ во взаимосвязи с типом характера. Методология исследования построена на основных принципах психологии: детерминизма, целостности, системности. В эмпирическом исследовании использовались следующие методики: 1) характерологический опросник (К. Леонгарда, Г. Шмишека); 2) суверенность психологического пространства (С. К. Нартовой-Бочавер); 3) границы «Я» (Н. Браун в адаптации Е. О. Шамшиковой). В процессе исследования было диагностировано 72 респондента в возрасте от 20 до 25 лет. Исследование состояло из двух этапов. Первый направлен на установление наличия взаимосвязи между типом психологических границ и типом характера (математическая обработка данных проводилась с применением рангового коэффициента корреляции rs-Спирмена), второй – на выявление характерологических особенностей лиц с разными типами психологических границ (критерий значимости различий U-Манна-Уитни). В результате эмпирического исследования получены новые данные о характерологических особенностях лиц с разными типами психологических границ. Для каждого характерологического типа характерны определенные личностные образования границ. В зависимости от типа психологических границ (суверенные / депривированные; жесткие / гибкие) характерологические особенности различаются.

Ключевые слова: характер, тип характера, границы «Я», психологические границы, суверенность, депривированность, границы психологического пространства.

Ermolova Ekaterina Olegovna

CHARACTERISTIC FEATURES OF PERSON WITH DIFFERENT TYPES OF PSYCHOLOGICAL BOUNDARIES

Abstract. This paper presents a brief theoretical and methodological analysis of the concept of «character». It describes the problem of studying character in psychological science.

Ермолова Екатерина Олеговна – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры общей психологии и истории психологии, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», shamka05@mail.ru, Новосибирск, Россия

Ermolova Ekaterina Olegovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate professor, Professor of the Department of general psychology and history of psychology. Novosibirsk State Pedagogical University, shamka05@mail.ru, Novosibirsk, Russia

The views of domestic and foreign authors on the problem of its nature, structure, properties and functions are presented. The phenomenon of «psychological boundaries» as a personal psychic formation is considered. Psychological boundaries' types described in the basic theories and concepts are highlighted. The sovereign / deprived, hard / flexible boundaries were selected as the base types. Based on the conducted theoretical and methodological analysis, the necessity of studying the psychological boundaries in relation to the type of character is substantiated. Empirical research based on the key psychological principles: principle of determinism, consistency and integrity. We used the following methods and procedures in our study: «Boundaries in the mind» by E. Hartmann in adaptation of O.A. Shamshikova, V.I. Volokhovoy, 2013; «Self-boundary» by N. Brown, in adaptation of E.O. Shamshikova, 2010; «Sovereignty of the psychological space» by S.K. Nartova-Bochaver, 2004; «Accentuated personalities questionnaire» by K. Leonhard, in adaptation of Schmieschek, 1970. The selection of the study included 72 respondents aged from 20 to 25 y.o. The study consisted of two phases. The first aims at establishing the existence of interrelation between the psychological boundaries type and the character type (for data processing we used Spearman's rs rang correlation coefficient), the second is aimed at identifying the significant differences of characteristic features of individuals with different types of psychological boundaries (U-Manna Whitney). Based on empirical research, new data were obtained on the characteristic features of persons with different types of psychological boundaries. Personal formations of boundaries are defined for each characteristic type. Depending on the type of psychological boundaries (sovereign / deprived; rigid / flexible), the characteristic features differ.

Keywords: character, type of character, «Self-boundaries», psychological boundaries, sovereignty, deprivation, the boundaries of psychological space.

Введение в проблему и основное содержание. Философов и психологов во все времена волновала индивидуальность и уникальность человека, его непохожесть и самобытность. Характер является одним из самых противоречивых и востребованных понятий в психологии. Оно используется в широком смысле для описания специфически устойчивых проявлений индивидуальности: образа жизни человека, повторяющихся моделей поведения и привычек, способа отношения к другим людям и к самому себе, интересов и социальных установок и т. д. Ключевыми проблемами в изучении и описании характера с точки зрения позиций различных психологических школ и подходов выступают его содержательные и формальные характеристики, связанные с раскрытием его природы, структуры, определения свойств и функций, так же разработкой типологий и выявлением его динамических оснований.

Обращает на себя внимание многозначность этого понятия и разнообразие его описания и использования учеными. Во-первых, в мировой науке дефиниция «характер» окончательно признана дискуссионной. В большинстве зарубежных психологических словарях это понятие попросту отсутствует. Преимущественно в англоязычной психологии наблюдается устойчивая тенденция отождествлять понятия «характер» и «личность». Дело в том, что английское слово «character» переводится как «личность», «персонаж», «действующее лицо». К тому же, по мнению большинства зарубежных психологов, понятие «личность» является более изученным и уже включает в себя проявления характера. Во-вторых, с точки зрения феноменологического подхода, понятие «характер» более относится к категории этики, и в этом случае включение его в психологическую систему координат признается незаконным. В-третьих, некоторыми авторами вообще выражаются сомнения в воз-

возможности изучения характера как самостоятельного явления [10], без соотнесенности с другими динамическими свойствами личности.

В отечественной психологической науке имеются два взгляда на понимание характера. Один указывает на проявление «вершиной» индивидуальности, другой – на так называемые «глубинные» ее корни. Не разрушая связи с темпераментом, первая позиция сближает характер с содержательными, мировоззренческими и ценностными качествами индивидуальности, вторая – очерчивает границы психического нездоровья личности и указывает на вероятностное направление развития психопатологии [20].

Характер человека представляет собой целостную и завершенную совокупность (структуру) базисных черт личности. От нее зависят устойчивые формы личного и социального поведения, намерения и конкретные поступки человека, направленные на взаимодействие с другими людьми, нахождения своего места в обществе и с самим собой. Нескольких групп черт личности составляют характер человека, где каждая черта представляет собой синдром, который выражает определенное отношение личности к окружающей его действительности. Среди черт авторы выделяют эмоциональные (например, эмоциональную устойчивость, гневливость и др.) [19; 20], волевые, интеллектуальные. Критерием дифференциации служат в этом случае психические процессы. А также черты, связанные с отношениями к окружающему миру, другим людям и деятельности (по направленности личности). Отдельно авторы уделяют пристальное внимание изучению нормальных и патологических черт характера, а также акцентуированным чертам как крайнему варианту нормы. Среди зарубежных концепций индивидуального характера наибольшее распространение получила концепция Э. Фромма [13; 14]. В отечественной психологии лидирующее положение заняла концепция Б. Г. Ананьева [3].

Наиболее значимые и научно оправданные описания характера (известные как «типологии характера») возникли в пограничной области, на стыке двух дисциплин: психологии и психиатрии. Они принадлежат талантливым клиницистам, которые в своих типологиях обобщили многолетний опыт работы с людьми – опыт наблюдения за их поведением, изучения их судеб, помощи им в жизненных трудностях. Авторы наиболее известных типологий характера: К. Юнг, Э. Кречмер, А. Ф. Лазурский, Г. Хейманс, Е. Вирсм и Р. ЛеСенн, К. Леонгард, А. Е. Личко, С. Хатуй и Дж. Маккинли и др. Под типологией характеров понимают классификацию типов характеров, которые чаще всего встречаются у людей.

За основу *понимания характера* в нашей работе взято комплексное определение, основанное на взглядах Г. Б. Ананьева [Там же] и К. А. Абульхановой [1] и представленное в работе О. В. Маноловой. «Характер рассматривается как сложно организованная центральная подструктура индивидуальности, представленная определенным набором черт – устойчивых, стабильных, универсальных, типичных функциональных комплексов, сформированных на базе формально-динамических задатков и организующих определенные подсистемы психики в специфические паттерны поведения» [8, с. 8].

Таким образом, понятие «характер» вбирает в себя все своеобразие и уникальность индивидуального онтогенетического опыта человека. Его развитие обуславливается как сильным влиянием со стороны его природной организации – генетический фактор, так и социокультурных условий жизни – социальный фактор. Не удивительно поэтому, что вопрос о функциональных границах динамических свойств характера остается открытым до сегодняшнего дня. А также не до конца ясным остается содержание понятия «характер» и его соотношение с другими ин-

траиндивидуальными и интериндивидуальными психическими образованиями человека [23; 24].

К подобным психическим образованиям человека в последнее время все чаще относят психологические границы личности. «Для того чтобы быть самим собой, требуется, во-первых, отграничивающее себя отношение к миру и другим людям и, во-вторых, достаточная ясность в отношении к самому себе» [18, с. 260]. Высокая значимость границ «Я» в формировании характера подтверждается результатами теоретических и эмпирических исследований, хотя и малочисленных в современной психологии. Такие отечественные и зарубежные исследователи, как Г. Аммон [2; 21], О. Кернберг [5], С. К. Нартова-Бочавер [11; 12], Ц. П. Короленко [6], Е. О. Шамшикова [15–17], придают большое значение категории границ.

Однако, не смотря на повышенный интерес исследователей к категории границ в последние десятилетия, единой разработанной теории сегодня не существует, многообразие касается как содержательной наполненности понятия «граница», так и определения самих типов психологических границ. С. К. Нартова-Бочавер рассматривает психологические границы в контексте психологического пространства личности, затрагивая проблему целостности «Я» [11]. Ряд авторов рассматривают психологические границы в контексте «Я – функций». Е. О. Шамшикова, определяет границы «Я» как образующие психологическое пространство функции «Я», направленные на отграничение и защиту «своего собственного» (принадлежащего «Я»), от «иногo» [16]. Н. Браун [22] определяет границы «Я» – как «многочисленные функции системы “Я”, проявляющиеся в форме отчетливых или смутных образов, представлений, переживаний и пр. и не осознаваемые до тех пор, пока границы “Я” остаются сохранными» [15, с. 168].

Вопрос о типологии границ так же до сих пор остается открытым. Разные авторы выделяют различные типы границ, хотя все они сходятся в одном – рассматривают границы как континуум переходных форм. Так, например, выделяют следующие типы границ: «внешние – внутренние» в понимании К. Левина, Э. Хартмана, З. Фрейда; «сильные – слабые» постулируемые Д. Брэдшоу, К. Левиним; «открытые – закрытые» в работах Б. Ландиса, К. Левина, Ф. Перлза; «сохранные – рваные» определяемые П. Федерном; «здоровые – поврежденные» в трактовке Г. Клауда, Дж. Таунсенда; «селективные – ригидные»; «гибкие – жесткие» в работах Н. Браун; «конструктивные, деструктивные, дифицитарные» постулируемые Г. Аммоном; «суверенные – депривированные» в понимании С. К. Нартовой-Бочавер [16].

Таким образом, проблема исследования обусловлена практической и методологической необходимостью и целесообразностью получения более полной информации о характерологических особенностях лиц с разными типами психологических границ с одной стороны и актуальностью темы психологических границ в современной психологической науке – с другой. Проведенный анализ литературных источников последних десятилетий позволил сформулировать гипотезу с двумя допущениями: 1) существует взаимосвязь между типом характера и типом психологических границ личности; 2) характерологические особенности определяются спецификой психологических границ личности.

Организация исследования и представление результатов. Методология исследования построена на основных принципах психологии:

– детерминизма, целостности, системности (в работе использовались следующие методы: 1) общенаучный; 2) эмпирический: метод психодиагностики – тестирование; 3) методы математико-статистической обработки данных);

– концептуальные разработки по проблеме характера Г. Б. Ананьева, К. А. Абульхановой, А. В. Батаршева, О. Н. Маноловой; классификации личности и типологии характера К. Леонгарда, Х. Шмишека и т. д.;

– теоретико-методологические разработки, посвященные проблемам психологических границ и психологического пространства С. К. Нартовой-Бочавер, Г. Аммона, Н. Браун, Е. О. Шамшиковой и т. д.

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», факультета психологии. Эмпирическую выборку составили 72 респондента юношеского возраста, студенты 3–5 курсов очной и заочной формы обучения, из них 44 девушки и 28 юношей. Диапазон возрастных границ респондентов варьировался от 20 до 25 лет. $Mx = 23$ года.

Исходя из цели и гипотезы исследования, был сформирован банк диагностических методик, которые содержат шкалы необходимые для проверки сформулированной гипотезы: 1) характерологический опросник К. Леонгарда, Г. Шмишека, опубликованный Г. Шмишеком в 1970 г. и являющейся модификацией «Методики изучения акцентуаций личности К. Леонгарда»; 2) опросник «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер, разработанный и опубликованный в 2004 г.; 3) методика «Границы Я» Н. Браун, в адаптации Е. О. Шамшиковой, 2010 г. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью компьютерной программы SPSS 13.0 for Windows и Microsoft Excel XP (достоверность результатов, принятых к анализу, не ниже 5 % уровня значимости).

Для определения особенностей характерологических типов и типов психологических границ на юношеской выборке был использован метод описательной статистики (расчет дескриптивных характеристик по шкалам методик).

Произведенные расчеты по методике «Характерологический опросник К. Леонгарда, Г. Шмишека» показывают, что испытуемые исследуемой группы имеют наиболее ярко выраженный эмотивный характерологический тип ($Mx = 18,8$), который обладает признаком акцентуированности, и демонстративный тип ($Mx = 17,3$). Свойства практически не выражены по таким типам, как дистимный тип ($Mx = 10,9$), возбудимый тип ($Mx = 10,8$), тревожный тип ($Mx = 11,6$), педантичный тип ($Mx = 12$). Средняя степень выраженности свойства, тенденция к акцентуации личности наблюдается по гипертимному типу ($Mx = 15,7$), застревающему типу ($Mx = 14,9$), циклотимному ($Mx = 15$), экзальтированному ($Mx = 15,8$).

Общий показатель, полученный по методике «Суверенность психологического пространства» для испытуемых эмпирической группы, – 21,7 балла, что соответствует 48 Т–баллам. Это позволяет сделать вывод о том, что у испытуемых исследуемой группы преобладает средний уровень суверенности границ психологического пространства. Юноши этой группы способны контролировать, защищать и развивать свое жизненное пространство, они уверены в том, что они поступают согласно собственным желаниям и убеждениям. Такие молодые люди могут противостоять или избегать разрушающих влияний извне. Как мы видим из показателей средних значений, такие измерения своего жизненного пространства, как суверенность ценностей ($Mx = 5,6$) и суверенность привычек ($Mx = 4,0$), исследуемая группа контролирует более успешно. Такое измерение, как суверенность социальных связей ($Mx = 1,9$), расположено вблизи нижней границы нормы, что указывает на проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди при выборе партнеров для общения.

По методике «Границы Я» среднее значение показателя по исследуемой группе составляет 62,6, что соответствует 6 стенам. Это дает основание сделать вывод

о том, что в группе наблюдается средний уровень психологической дистанции. Подростки имеют представление о том, что такое психологические границы и психологическая дистанция, периодически нарушают границы других людей и обладают средней способностью защищать и контролировать собственное психологическое пространство.

Таким образом, проведенные расчеты позволяют говорить о том, что при среднем уровне суверенности границ психологического пространства и среднем уровне частоты нарушения границ окружающих людей, наиболее доминирующими характерологическими типами оказываются эмотивный и демонстративный типы.

Далее для *подтверждения первого допущения* гипотезы был проведен корреляционный анализ по шкалам обозначенных методик; использовался непараметрический критерий гс-Спирмена. В результате корреляционного анализа на этой выборке испытуемых было выявлено 14 значимых связей, из них 11 положительных связей и 3 отрицательные связи.

Корреляционный анализ показателей шкал методики «Суверенность психологического пространства» по исследуемой группе показал следующие значимые положительные связи со шкалами методики «Характерологический опросник К. Леонгарда, Г. Шмишека».

1. «Гипертивный тип» и «Суверенность физического тела» ($r = 0,301$ при $p = 0,01$); «Суверенность территории» ($r = 0,276$ при $p = 0,019$); «Суверенность мира вещей» ($r = 0,249$ при $p = 0,035$); «Суверенность привычек» ($r = 0,245$ при $p = 0,038$); «Суверенность психологического пространства» ($r = 0,279$ при $p = 0,018$).

Полученные взаимосвязи показывают, что чем выше у испытуемых уровень суверенности физического тела (поддержание состояния комфорта и соматического благополучия), территории (ощущение защищенности от влияний окружающей среды), мира вещей (наличие и воплощение потребности иметь личные вещи), суверенность привычек (наличие определенного распорядка, вкусов), тем ярче выражены такие характерологические черты гипертимного типа, как подвижность, общительность, чрезмерная самостоятельность, склонность к озорству. Высокая сохранность психологического пространства позволяет иметь хорошее настроение, хорошее самочувствие, высокий жизненный тонус, нередко цветущий вид, хороший аппетит, здоровый сон, склонность к чревоугодию и иным радостям жизни. Людям такого типа свойственна повышенная самооценка; они радостные, легкомысленные и вместе с тем обладают необходимым набором деловитых качеств; они изобретательны в общении и блестящие собеседники; энергичные и инициативные.

2. «Демонстративный тип» и «Суверенность физического тела» ($r = 0,278$ при $p = 0,018$); «Суверенность территории» ($r = 0,235$ при $p = 0,04$); «Суверенность мира вещей» ($r = 0,252$ при $p = 0,032$); «Суверенность привычек» ($r = 0,302$ при $p = 0,01$); «Суверенность психологического пространства» ($r = 0,316$ при $p = 0,007$).

Наблюдается, что чем выше у испытуемых уровень суверенности физического тела, территории, мира вещей, суверенность привычек, общего уровня суверенности психологического пространства, тем более отчетливо выражены характерологические черты демонстративного типа, такие как демонстративность поведения, живость, подвижность, легкость в установлении контактов. Такие люди с легкостью добиваются лидерских позиций и имеют высокую потребность в признании. Они склонны к артистизму и позерству. У них проявленная богатая фантазийная сфера и склонность к авантюризму. Им присуще высокая социальная адаптивность и легкая смена настроения при отсутствии переживания глубоких чувств.

3. «Экзальтированный тип» и «Суверенность социальных связей» ($r = 0,244$ при $p = 0,039$). Выявленные корреляционные связи показывают что, чем выше уровень суверенности социальных связей, являющийся необходимой предпосылкой формирования пристрастности и избирательности в социальных отношениях, которые уводят человека от общения по типу «анонимной стаи» (К. Лоренц) и делают возможным «общение-встречу» (М. Бубер), тем чаще будут наблюдаться у испытуемых характерологические особенности экзальтированного типа: способность восторгаться, восхищаться, а также улыбочивость, ощущение счастья, радости, наслаждения. Эти чувства у них могут часто возникать по причине, которая у других не вызывает большого подъема. Они легко приходят в восторг от радостных событий и в полное отчаяние – от печальных. Им свойственна высокая контактность, словоохотливость, влюбчивость. Такие люди часто спорят, но не доводят дела до открытых конфликтов. В конфликтных ситуациях они бывают как активной, так и пассивной стороной. Они привязаны к друзьям и близким, альтруистичны, имеют чувство сострадания, хороший вкус, проявляют яркость и искренность чувств.

Корреляционный анализ показателей шкал методики «Границы Я» по исследуемой группе показал следующие значимые отрицательные связи со шкалами методики «Характерологический опросник К. Леонгарда, Г. Шмишека»:

- 1) «Тревожный тип» и «Границы Я» ($r = -0,346$ при $p = 0,003$);
- 2) «Дистимный тип» и «Границы Я» ($r = -0,255$ при $p = 0,05$);
- 3) «Педантичный тип» и «Границы Я» ($r = -0,281$ при $p = 0,05$).

Полученные результаты позволяют говорить о том, что чем слабее у испытуемых сформирована система представлений об оптимальных параметрах протяженности собственного психологического пространства, чем чаще они нарушают границы других людей в условиях межличностных отношений, чем слабее у молодых людей проявлена способность защищать и контролировать собственное психологическое пространство, тем чаще у них наблюдается один из следующих характерологических типов.

Тревожный тип. Портрет такой личности выглядит следующим образом: мнорное настроение, робость, пугливость, неуверенность в себе, низкая мотивация межличностного общения, застенчивость и склонность к опеке. Такие люди охотно подчиняются правилам и нотациям других людей, которые могут вызвать у них угрызения совести, чувство вины, слезы, отчаяние. У них рано формируется чувство долга, ответственности, высокие моральные и этические требования.

Дистимический тип. Людей этого типа отличает пессимистическое отношение к настоящему и будущему, сниженная самооценка, неудовлетворительное самоотношение, частая подавленность настоящего, а также низкая контактность, немногословность в беседе. Им проще молчать, чем говорить. В связи с чем, они производят впечатление серьезных, задумчивых и рассудительных людей. Им также свойственна медлительность, инертность и слабость волевых процессов. Они стремятся избегать шумных компаний, большого скопления народа, предпочитая тишину и уединение. Как следствие, такие люди ведут замкнутый образ жизни.

Педантичный тип. Такому характерологическому типу свойственна ригидность, инертность психических процессов, тяжесть на подъем и долгие переживания травмирующих событий и обстоятельств. Они редко принимают активное участие в конфликтах, стараются уступить лидерские позиции другим людям, занимают пассивную позицию и не стремятся к новым высотам, удовлетворяясь тем, что имеют. В то же время резко реагируют на любое проявление нарушения собственных

границ психологического пространства. Такие лица очень пунктуальны, аккуратны, особое внимание уделяют чистоте и порядку, скрупулезны, добросовестны и склонны жестко следовать намеченному заранее плану.

Далее для выявления характерологических особенностей лиц с разными типами границ и подтверждения второго допущения гипотезы выборка испытуемых была дифференцирована:

– на три подгруппы по шкале «Границы Я» – показатель – частота нарушения границ окружающих людей: ЭГ-1 – низкий уровень (1–3 стенов) – N = 15, ЭГ-2 – средний уровень (4–7 стенов) – N = 40, ЭГ-3 – высокий уровень (8–10 стенов) – N = 17;

– на две подгруппы по шкале «Суверенность психологического пространства» – показатель – суверенность / депривированность границ психологического пространства: ЭГ-4 – группа депривированных (менее 40 Т-баллов) – N = 25, ЭГ-5 – группа суверенных (от 41 до 60 Т-баллов) – N = 41.

Далее мы оценили достоверность различий по шкалам характерологического опросника К. Леонгарда, Г. Шмишека с использованием Н-критерия Краскала-Уоллиса и U-критерия Манна-Уитни. По шкалам опросника между обозначенными подгруппами было выявлено 6 достоверных различий. По результатам оценки достоверности различий в особенностях характерологических типов в зависимости от типа психологических границ были выявлены следующие различия:

1) по показателю «Частота нарушения границ окружающих людей» – «Педантичный тип» (N = 5,81 при $p < 0,05$), «Тревожный тип» (N = 5,83 при $p < 0,05$), «Демонстративный тип» (N = 7,97 при $p < 0,01$), «Дистимный тип» (N = 4,97 при $p < 0,05$);

2) по показателю «Суверенность психологического пространства» – «Гипертимный тип» (U = 247,0 при $p < 0,01$), «Демонстративный тип» (U = 259,5 при $p < 0,01$).

Анализ достоверных различий и средних рангов по шкалам методик позволил выявить следующие особенности эмпирических групп:

– для лиц с высоким уровнем дистанции и низким уровнем частоты нарушения границ окружающих людей (жесткие границы) характерны такие характерологические типы, как педантичный тип (R1 = 45,30 достоверно превосходит R2 = 33,25 и R3 = 26,38); тревожный тип (R1 = 45,27 достоверно превосходит R2 = 36,98 и R3 = 27,65); дистимный тип (R1 = 46,93 достоверно превосходит R2 = 33,65 и R3 = 34);

– для лиц со средним уровнем дистанции и средним уровнем частоты нарушения границ окружающих людей (гибкие границы) характерен такой характерологический тип, как демонстративный тип (R2 = 42,46 достоверно превосходит R1 = 32 и R3 = 26,44);

– для лиц с депривированными границами психологического пространства характерны такие характерологические типы, как застревающий тип (R4 = 42,46 превосходит R5 = 32 на уровне тенденции); педантичный тип (R4 = 33,83 превосходит R5 = 29,29 на уровне тенденции); возбудимый тип (R4 = 33,54 превосходит R5 = 29,46 на уровне тенденции);

– для лиц с суверенными границами психологического пространства характерны такие характерологические типы, как гипертимный тип (R5 = 34,68 достоверно превосходит R4 = 24,91); демонстративный тип (R5 = 35,14 достоверно превосходит R4 = 24,15); эмотивный тип (R5 = 32,72 превосходит R4 = 28,15 на уровне тенденции); экзальтированный тип (R5 = 32,33 превосходит R4 = 28,8 на уровне тенденции).

Заключение. Результаты теоретико-методологического и эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Ключ к пониманию того или иного явления дают его гипертрофированные, резко выраженные варианты, позволяющие лучше разглядеть детали происходящего. Исследование границ психологического пространства человека во взаимосвязи с характерологическими особенностями личности представляется продуктивным с точки зрения его деформаций, отражающих концентрацию личности на крайних полюсах: «Я» (самоопределение) и «Мы» (соотнесенность с другими людьми).

2. Психологические границы личности и тип характера являются интропсихическими образованиями и формируются в онтогенезе одновременно под воздействием как минимум двух факторов – генетического и социального. Эти образования связаны друг с другом и взаимообуславливают друг друга: а) гипертивный и демонстративный типы характера напрямую связаны с уровнем суверенности границ физического тела, территории, мира вещей, привычек и психологического пространства; б) экзальтированный тип характера напрямую связан с уровнем суверенности границ социальных связей; в) тревожный, дистимный и педантичный типы характера обратнопропорционально связаны с уровнем частоты нарушения границ окружающих людей.

Таким образом, каждому характерологическому типу присущи определенные личностные особенности. В зависимости от типа психологических границ (суверенные / депривированные; жесткие / гибкие) характерологические особенности различаются. Установление взаимосвязи между типом психологических границ (суверенные / депривированные; жесткие / гибкие) и типом характера играет существенную роль в практической деятельности психолога, при проведении первичной диагностики и определении типа организации личности, а так же прикладных областях психологии.

Список литературы

1. *Абульханова К. А.* Проблема индивидуальности в психологии // Психология индивидуальности: новые модели и концепции: коллективная монография / под ред. Е. Б. Старовойтенко, В. Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009. С. 14–63.
2. *Аммон Г.* Динамическая психиатрия. СПб: Речь, 2005. 238 с.
3. *Ананьев Б. Г.* Строение характера // Психология индивидуальных различий. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 172–178.
4. *Батаршев А. В.* Темперамент и характер: психологическая диагностика. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. 336 с.
5. *Кернберг О. Ф.* Тяжелые личностные расстройства. М.: Класс, 2000. 464 с.
6. *Короленко Ц. П.* Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире: монография. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009. 248 с.
7. *Леонгард К.* Акцентуированные личности. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. 530 с.
8. *Манолова О. Н.* Темпераментальные основы характера: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 27 с.
9. *Методика изучения акцентуаций личности К. Леонгарда (модификация Г. Шмишека) // Практикум по психодиагностике личности / ред. Н. К. Ракович. Минск, 2002. 248 с.*
10. *Нартова-Бочавер С. К.* Дифференциальная психология: учебное пособие. М.: МПСУ: Флинта, 2016. 280 с.
11. *Нартова-Бочавер С. К.* Психология суверенности: десять лет спустя. М.: Смысл, 2017. 200 с.

12. *Нартова-Бочавер С. К.* Опросник «Суверенность психологического пространства» – новый метод диагностики личности // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 5. С. 77–89.

13. *Фромм Э.* Психоаналитическая характерология и ее значение для социальной психологии (нем.) // Психоаналитическая характерология: хрестоматия / сост., пред., биогр., спр. и общ. ред. В. М. Лейбина. М.: Московский институт психоанализа: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 300 с.

14. *Фромм Э.* Человек для себя. Минск: Коллегиум, 1992. 253 с.

15. *Шамшикова Е. О.* Адаптация зарубежной методики «Границы Я» Н. Браун (N. Brown) // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 4 (16). С. 167–173.

16. *Шамшикова Е. О.* Нарциссические корреляты психологического пространства личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010.

17. *Шамшикова Е. О.* Особенности взаимосвязи типов психологических границ и защитных механизмов личности в старшем подростковом возрасте (межнациональные различия) // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 178–185.

18. *Шамшикова Е. О., Петровская Т. Ю.* К вопросу о взаимосвязи частоты нарушения границ «Я», степени выраженности нарциссических черт личности и статусе ее идентичности // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7-2 (19). С. 259–265.

19. *Шамшикова О. А., Белашина Т. В.* Специфика проявления гнева в экстремальных и кризисных состояниях // Экология человека. 2018. № 11. С. 44–50.

20. *Шамшикова О. А., Нестерова С. Б.* О двух разновидностях нарциссического характера // Социокультурные проблемы современной молодежи: материалы Международной научно-практической конференции / под науч. ред. Н. Я. Большуновой, О. А. Шамшиковой. Новосибирск, 2006. С. 184–194.

21. *Ammon G., Finke G., Wolfrum G.* Ich struktur-Test nach Ammon (ISTA). Frankfurt: Swets: Zeitlinger, 1998. 230 p.

22. *Brown N. W.* The Destructive narcissistic pattern. Westport; Connecticut; London; 1998. 369 p.

23. *Nikolaenko Y.* Diagnostics of character accentuations indifferent variants of psychophysiological responses dynamics // Modern psychophysiology. The Vibrimage Technology. Saint Petersburg: ELSYS Corp, 2018. P. 230–235.

24. *Wood A. M., Linley P. A., Maltby J., Baliousis M., Joseph S.* The authentic personality: A theoretical and empirical conceptualization and the development of the authenticity scale // Journal of Counseling Psychology. 2008. Vol. 55, № 3. P. 385–399.

Вершинина Надежда Александровна

Перевозкин Сергей Борисович

ЛИЧНОСТНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения архетипических образов личности, как детерминант межличностного взаимодействия, понимания и личностного развития. Теоретическое изучение концепта «архетип» свидетельствует о его трансформации от глубинного неуловимого образа к психологическому феномену, связанному с личностными особенностями субъекта, что и послужило целью исследования. Изучение личностных коррелятов архетипических образов осуществлялось посредством корреляционного анализа г-Спирмена на выборке подростков и взрослых (N = 300 человек в возрасте от 15 до 40 лет). В качестве методов исследования были выбраны опросник 16 PF Р. Кэттелла и «Двухфакторных изображений тест» Ю. М. Перевозкина, С. Б. Перевозкин, Н. В. Дмитриева. Результаты исследования показали, что архетипические образы имеют устойчивые личностные характеристики, согласующиеся с теоретическими представлениями аналитической психологии. Таким образом, анализ взаимосвязи архетипических образов и личностных особенностей высвечивает возможности в обеспечении оценки поведения личности, связанной с конкретным архетипическим образом, что позволяет эффективно осуществить прогнозирование и коррекцию бессознательных процессов, происходящих в человеческой психике и проявляющихся в сложном духовно-символическом выражении.

Ключевые слова: архетипы, архетипические образы, доминант, личностные особенности, корреляция.

Vershinina Nadezhda Aleksandrovna

Perevozkin Sergei Borisovich

PERSONAL CORRELATES OF ARCHETYPIC IMAGES

Abstract. The article is devoted to the problem of studying archetypal images of personality, as determinants of interpersonal interaction, understanding and personal development. Theoretical study of the concept of “archetype” indicates its transformation from a deep elusive image to a psychological phenomenon associated with the personality characteristics of the subject, which served as the purpose of the study. The study of personal correlates of archetypal images was carried out by means of a correlation analysis of

Вершинина Надежда Александровна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и андрагогики, ГБУ ДПО «Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования», wernadya@mail.ru, Санкт-Петербург, Россия

Перевозкин Сергей Борисович – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», per@bk.ru, Новосибирск, Россия

Vershinina Nadezhda Aleksandrovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Andragogy of the St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, wernadya@mail.ru, St. Petersburg, Russia

Perevozkin Sergei Borisovich – Candidate of Psychological Sciences, Associate professor in Department of General Psychology and History of Psychology at the Novosibirsk State Pedagogical University, per@bk.ru, Novosibirsk, Russia

r-Spearman on a sample of adolescents and adults (N = 300 aged 15 to 40 years). As the research methods were selected questionnaire 16 PF R. Cattell and «Two-factor images test» Y.M. Perevozkina, S.B. Perevozkin, N.V. Dmitiriev. The results of the study showed that archetypical images have stable personal characteristics that are consistent with the theoretical concepts of analytical psychology. The analysis of the relationship of archetypical images and personality traits highlights the possibilities for providing an assessment of the behavior of an individual associated with a specific archetypal image, which makes it possible to effectively predict and correct unconscious processes occurring in the human psyche and manifest themselves in complex spiritual and symbolic expression.

Keywords: archetypes, archetypical images, dominants, personality traits, correlation.

Проблемы исследования архетипических оснований личности продиктована особенностями современной культурной и социальной ситуацией развития общества, которая характеризуется, с одной стороны, влиянием западных норм на формирование традиций и норм поведения российского гражданина; с другой стороны, утратой части национальных традиций, что обуславливает трансформацию имеющихся ценностных ориентиров. В этой связи происходит размывание определенных стереотипов культурного поведения, имеет место хаотичная социокультурная активность. Это детерминирует проблемы во взаимодействии, межличностном понимании, личностном развитии и т. д.

Анализ скрытых внутренних мотивов поведения человека и выявление принципов и механизмов формирования древнейших психических доминант приобретает в этом случае непреходящее значение. При этом необходимо обращение к более древним категориям, позволяющим восполнить утраченные стереотипы поведения и выступающим основополагающими ориентирами для построения адекватной картины мира субъекта. Такими категориями являются архетипы – первообразы содержащие в себе коллективные представления о феноменах внешнего и внутреннего психического мира, отражающие бесчисленные переживания одного и того же типа, являющиеся структурными элементами души. Архетипы можно назвать культурными стереотипами всего человеческого наследия, которые передаются из поколения в поколение посредством различных культурных кодов: поведение родителей, сказки, мифы, литературные произведения, мультфильмы, художественные фильмы, реклама, компьютерные игры и т. д.

В последние десятилетия феномен архетипа привлекает к себе постоянное внимание исследователей. Бессознательные структуры, впервые были описаны К. Г. Юнгом и получили дальнейшее теоретическое осмысление в работах Дж. Кэмпбелла, Э. Ноймана, М. Элиаде и др. [17; 8; 10; 15]. Анализируя природу архетипа, исследователи рассматривают его как первичный фактор, реализующий универсальные модели восприятия, мышления и поведения.

Проблема заключается в том, что архетип представляет собой «вещь в себе», «чистую форму» и, следовательно, недоступен для непосредственного исследования. Однако он обладает потенциалом организовывать психические содержания человека и его поведение. Косвенные суждения о действии архетипа могут быть высказаны на основании его продуктов, возникающих в индивидуальной психике, – архетипических образов (снов, видений, патопсихологических симптомов и др.).

Операционализацией архетипа, доступной для наблюдения и исследования, описанной самим К. Г. Юнгом, является архетипический образ [17]. Отпечаток архетипа на индивидуальной психике в виде сновидения, образа, художественной идеи

или патопсихологического симптома находится в предметном поле психологии и при этом может указывать на то, о влиянии какого из архетипов в настоящий момент идет речь. Систематизация архетипических образов, характерных для того или иного народа или человеческой цивилизации в целом, позволяющая получить представление об архетипе индуктивным путем, происходит на стыке целого ряда гуманитарных дисциплин: истории, культурологии, искусствоведения, лингвистики и др.

В первое десятилетие XX в. работы З. Фрейда зафиксировали психоанализ в качестве нового подхода к пониманию и интерпретации психических процессов [13]. Произведенное в этих работах разграничение сознания, предсознательного и бессознательного определило «правила игры» для всех последователей З. Фрейда. Суть предложенной схемы сводилась к тому, что сумма опыта человека подразделяется на: 1) содержания, осознаваемые им в текущий момент времени; 2) архив воспоминаний, к которым индивид в любой момент может обратиться; 3) «законсервированное» хранилище, в повседневной жизни недоступное своему обладателю. Современные исследователи психодинамического направления психологии, противопоставляя З. Фрейда К. Г. Юнгу, указывают на индивидуальный характер бессознательного у первого. Отчасти это верно: для З. Фрейда бессознательное – это, по преимуществу, опыт фрустраций и травм конкретного индивида и способов, позволяющих их преодолевать. Однако ядро невротического конфликта, согласно З. Фрейду, очень типично. Формулируя свое знаменитое тождество «невротик = ребенок = дикарь», З. Фрейд явно подразумевает, что обозначаемые этими ярлыками психические паттерны принципиально сходны у всех людей. Более того, некоторые из них настолько сильны, что формируются у ребенка, даже если противоречат его личному травмирующему опыту (см. смещение страха кастрации с женской фигуры на мужскую в случае «Человека-волка»). В этой связи З. Фрейд предполагает, что некоторые, ключевые бессознательные компоненты личности носят надиндивидуальный характер. Эта идея универсальных для той или иной культуры или семьи (рода) элементов была развита и значительно углублена последователями З. Фрейда. Так, в своих работах К. Г. Юнг начинает сначала оперировать понятием «эмоциональный комплекс», который затем перерастает в категорию «архетип» (archetype) – бессознательные универсальные образы или символы, обуславливающие возникновение определенных мыслей, чувств и поведения относительно объекта или ситуации [17]. L. J. Kirmanе сравнивает архетип с мифом, утверждая, что те и другие детерминированы социальными процессами, принимают социальную форму в результате взаимодействия индивида и общества [22]. Статья В. В. Зеленского позволяет исправить высказанное в ряде кратких определений не вполне точное утверждение об инстинктивной природе архетипа [7]. В действительности инстинкт представляет собой только аналогию архетипа, поскольку так же детерминирует направление поведения индивида, является ориентировочной и унаследованной формой, реализуемой в конкретных действиях каждого человека. С точки зрения автора, архетип может рассматриваться в качестве регулятора психической жизни, а связи между архетипами и инстинктами может рассматриваться в виде взаимодействия разума и тела.

Таким образом, мы можем выделить несколько ключевых характеристик, присущих архетипу. Архетип – это образ или символ, существующий вне индивидуальной психики. Контакт с ним врожденный и продолжается в течение всей жизни человека, что, возможно, обусловлено биологически. Сами по себе архетипы неиз-

менны. Однако, взаимодействуя с ними, индивидуальная психика порождает архетипические образы, отличающиеся большим разнообразием.

Архетип представляет собой «вещь в себе», «чистую форму» и, следовательно, недоступен для непосредственного исследования. Однако он обладает потенциалом организовывать психические содержания человека и его поведение. Косвенные суждения о действии архетипа могут быть высказаны на основании его продуктов, возникающих в индивидуальной психике, – архетипических образов (снов, видений, патопсихологических симптомов и др.). В рассмотренных определениях упоминается, что архетип может представлять собой как персонажа истории (например, Великая мать), так и его действия или обстоятельства, в которых они происходят (например, Ночное путешествие на лодке). Однако чаще всего под архетипами подразумевается небольшой перечень «ролей», «персонажей», а также несколько олицетворяющих различные «инстанции», аспекты психической жизни человека: Мать, Отец, Ребенок, Герой, Дева, Ведьма, Трикстер, Стрик, Старуха [1; 2].

Перейдем к рассмотрению основных точек зрения на проблему упорядочения архетипов, выделения их классов, категорий, а также попыток создания схем и моделей, объясняющих их взаимоотношения с личностными характеристиками. Согласно мнению М. Марка и К. Пирсона, с одной стороны, каждый из архетипов отражает какой-то момент, мгновенную фотографию процесса: 1) подготовку к основному действию, появление, генезис самого объекта; 2) совершение движения, развитие объекта, приобретение им новых качеств; 3) синтез прежнего и нового, возвращение в ту же точку, но уже на новом уровне, как при движении по спирали [9]. С другой стороны, а точнее, в другом измерении, лежат связанные с архетипами мотивации: риск и мастерство, стабильность и контроль, а также принадлежность и обладание, независимость и самореализация. А. В. Чернышов делает на этом направлении еще один шаг вперед [14]. Основываясь на контент-анализ 145 народных сказок, автор приходит к выводу о возможности выделить 12 архетипов древности, специфичных для русского коллективного бессознательного. Каждый из них соответствует одному из классического списка М. Марка и К. Пирсона. Автор подразделяет архетипы по степени популярности. К доминирующим относятся Карнавал и Верность (и соответствующие им архетипы древности); к распространенным – Любовь, Магия, Мудрость, Поиск; к достаточно распространенным – Забота, Творчество, Бунт и Героизм; к наименее распространенным – Власть и Простота. Согласно А. В. Чернышову, архетипы также обладают «сродством» к той или иной половозрастной категории и могут влиять на характеристики содержащего их рекламного сообщения (оценка, запоминаемость и т. д.).

Тема архетипической «нагрузки» эффективного рекламного текста или ролика, восходящая к М. Марку и К. Пирсону и развитая А. В. Чернышовым, имеет целый ряд сторонников в отечественной науке. Так, Е. А. Петрова в своей работе неявно указывает на деление архетипов по признаку характера той «мифологической ситуации», которая в них задана [12]. Речь идет или об отдельном герое («архетипические образы-персонажи»), или о сюжетном ядре повествования («архетипические сценарии»). Согласно автору, в современной рекламе чаще всего эксплуатируются архетипы Мужского и Женского, Разрушения, Смерти и Возрождения. Кроме того, Е. А. Петрова указывает на ряд сказочных сюжетов, которые также можно отнести к этой группе: «Аленький Цветочек» (преображающее взаимодействие счастливого и несчастного субъектов), «Золушка» (встреча с суженым благодаря волшебному подарку), «Волшебный помощник», «Избежание опасности», «Умный и Глупый».

Самыми важными в рекламном дискурсе архетипическими образами-персонажами автор считает Героя и Трикстера. Исследование Xi Yuhua богини Шу демонстрирует, что в своей доминирующей традиционной форме она представляет женский архетип, который включает как женские (доминантные), так и мужские (комплементарные) черты [26]. Н. В. Дмитриева с коллегами определяют категориальные оси архетипического пространства в рекламе, которые подразделяются на «Активность / Уверенность» и «Принадлежность / Искушению», актуализирующие у потребителя проявление архетипов, находящихся в обозначенном измерении и вызывающих у субъекта потребность приобретения соответствующего товара [5].

J. Beebe указывает на то, что восемь классических функций-отношений К. Г. Юнга (интуиция, логика, сенсорика и этика, существующие в экстравертированном и интровертированном вариантах) соотносятся с базовыми архетипами [19]. При этом архетипы организуются в две структуры, названные Базовой ориентацией и Теневой личностью. Каждому из четырех архетипов Базовой ориентации соответствует один из архетипов Теневой личности, причем, если в первом случае архетип был ассоциирован с экстравертированной функцией-отношением, во втором он соотнесен с интровертированной, и наоборот. Внутри каждой четверки элементы также противопоставлены друг другу попарно. Например, в базовой ориентации архетипы, репрезентируемые интровертированной интуицией и экстравертированной сенсорикой, лежат «по разные стороны баррикад». Целый ряд женских архетипов детально описан К. П. Эстес [16] и Дж. Ш. Болен [3], которые описывают, по сути, типичные образы богинь и выделяют три типа: богини-девственницы (как Артемида, Афина и Гестия), уязвимые богини (как Гера, Деметра и Персефона) и алхимические богини (как Афродита). Первый класс отражает самодостаточность, поглощенность делом; второй – семейные женские роли, ценность отношений, эмоциональной связи; третий – страсть, сексуальность, свободу. Ю. М. Перевозкина с соавторами предлагают несколько иную классификацию образов греческих богинь: Женщина-мать (Деметра), Домохозяйка (Гестия), Любовница (Афродита, Персефона), Роковая женщина (Персефона), Деловая женщина (Афина, Артемида) [1]. Они так же отмечают у детей младшего школьного возраста с высокой тревожностью повышенную идентификацию с архетипом Мудрой старухи [11]. Мотивация к учебе, согласно авторам, положительно коррелировала с проявлениями архетипа Мудрого старца и негативно – с тенденцией к доминированию Тени. Согласно С. Geils, у коренных жителей Африки в качестве метода исцеления в соответствии с африканским мировоззрением Атман проецируется на коллективное тело, предков как расширение живой группы, и целью исцеления является восстановление целостности посредством реинтеграции в коллективное тело [21]. Подразумевается, что добро и зло не объединяются в предках архетипа Самости, и, таким образом, зло находится за пределами коллективного сознания, в отличие от юнгианской психологии, в которой архетип Самости проецируется на индивидуума, а целью является диалог по оси эго-Самости. Работа с Самостью объединяет противоположности психики в индивидуальном сознании.

D. R. Wiener настаивает на том, что мир, в котором живут психотические пациенты, отчасти имеет мифологическую структуру [25]. Согласно этому автору, лучшее, что может сделать специалист для облегчения страдания этой категории больных – предпринять совместное с ними погружение и исследование их мифически-архетипического мира. N. Mindell подробно описывает архетипические аспекты психической жизни детей с онкологическими заболеваниями [23]. Автор приводит материал снов, образов, запечатленных на рисунках в связи с развитием и реконструкцией

личности, находящейся под постоянной угрозой смерти. Закономерным видится стремление использовать эту «пробивную силу» и в других видах деятельности, связанных с бессознательным, в первую очередь, в психотерапии. Так, в работе С. Е. Сагг дается положительная оценка клоунотерапии как интервенции, позволяющей активировать позитивные аспекты архетипического образа Трикстера [20]. Согласно автору, такое вмешательство позволяет пациенту увеличить доверие к окружающим и к собственной личности, развить спонтанность, конгруэнтность, готовность принять участие в игре, а также выразительность языка тела, «оживить» его, повысить толерантность к неопределенности и, наконец, получить доступ к соответствующим архетипу бессознательным содержаниям. Rose-Emily Rothenberg отмечает терапевтический эффект архетипа покинутого ребенка [24]. С точки зрения автора, только когда человек действительно одинок, у него актуализируется творческий потенциал.

Сдвиг оснований типологии от глубинно психологических к гуманитарным мы можем видеть в филологической работе Ю. В. Доманского [6]. Автор отмечает, что мотивы, возникающие в литературных произведениях, будучи связанными с архетипическими содержаниями, могут быть подразделены на следующие группы:

- 1) характеризующие природу, природные стихии, мироздание в целом;
- 2) описывающие жизненный цикл человека или какой-то из его этапов, критические, ключевые моменты человеческого бытия, основные категории, организующие время жизни;
- 3) указывающие на место человека в мире, в его пространстве.

Таким образом, проведенное выше теоретическое изучение концепта «архетип» свидетельствует о его трансформации от глубинного неуловимого образа к психологическому феномену, связанному с личностными особенностями субъекта. В этой связи цель эмпирического исследования тесно связана с двумя вопросами о существовании указанной связи и качественных ее характеристиках.

Методы исследования. Эмпирическая выборка исследования: студенты ФГБОУ ВО «НГПУ» и учащиеся 10–11 классов МАОУ гимназии № 11 «Гармония». Эмпирическая выборка составила 300 человек в возрасте от 15 до 40 лет. В качестве методов исследования были выбраны опросник «Шестнадцать личностных факторов» Р. Кэттелла (16 PF) и «Двухфакторных изображений тест» (ДИТ) Ю. М. Перевозкиной, С. Б. Перевозкина, Н. В. Дмитриевой. Изучение взаимосвязи осуществлялось посредством критерия ранговой корреляции г-Спирмена, так как признаки одной методики представлены в порядковой шкале.

Результаты исследования и их обсуждение. Полученные результаты демонстрируют наличие устойчивых взаимосвязей между выраженностью архетипических образов и личностных особенностей респондентов (табл.)

Таблица

**Взаимосвязь между архетипическими образами и личностными чертами
(критерий г-Спирмена)**

Взаимосвязанные переменные	г-Спирмена	p-level
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Мать & Фактор E: «доминантность – подчиненность»	-0,50	0,001
Мать & Фактор I: «жесткость – чувствительность»	-0,44	0,004
Отец & Фактор C: «эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность»	0,31	0,048

<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Отец & Фактор С: «эмоциональная стабильность – эмоциональная нестабильность»	0,31	0,048
Отец & Фактор Е: «экспрессивность – сдержанность»	0,39	0,010
Отец & Фактор I: «чувствительность – жесткость»	-0,33	0,030
Старуха & Фактор L: «подозрительность – доверчивость»	-0,46	0,002
Старуха & Фактор О: «тревожность – спокойствие»	0,52	0,000
Старик & Фактор М: «мечтательность – практичность»	-0,46	0,002
Старик & Фактор О: «тревожность – спокойствие»	-0,40	0,010
Старик & Фактор Q1: «гибкость – консерватизм»	-0,51	0,001
Дева & Фактор Q2: «нонконформизм – конформизм»	-0,43	0,004
Дева & Фактор Q3: «высокий самоконтроль – низкий самоконтроль»	0,51	0,001
Герой & Фактор А: «общительность – замкнутость»	0,36	0,020
Герой & Фактор М: «мечтательность – практичность»	0,49	0,001
Ведьма & Фактор Н: «смелость – робость»	0,41	0,006
Ведьма & Фактор Q2: «нонконформизм – конформизм»	-0,37	0,016
Ведьма & Фактор Q3: «высокий самоконтроль – низкий самоконтроль»	-0,32	0,039
Трикстер & Фактор G: «высокая нормативность поведения – низкая нормативность поведения»	-0,42	0,006
Трикстер & Фактор Q2: «нонконформизм – конформизм»	0,35	0,021
Ребенок & Фактор F: «экспрессивность – сдержанность»	0,44	0,003

Респонденты, имеющие выраженность архетипического образа Матери, характеризуются такими личностными особенностями, как подчиненность, чувствительность, конформность ($p < 0,05$). Это свидетельствует о том, что архетипический образ Матери может описываться через такие черты, как склонность занимать зависимую конформную позицию, быть послушным, зависеть от мнения окружающих, брать вину на себя. Наличие мягкости и утонченности обуславливает склонность избегания ситуаций связанных с проявлением враждебности и агрессии. Противоположный по полу архетипический образ Отца связан такими личностными особенностями, как эмоциональная стабильность, сдержанность и жесткость ($p < 0,05$), что свидетельствует о соответствии этого образа высокому осознанию требований действительности, эмоциональному спокойствию в стрессовых ситуациях, что способствует хорошей социальной адаптации. Мужественность, жесткий расчет, склонность доверять разуму, а не чувствам обуславливают проявление честлобия, стремление к контролю окружающих, отстаиванию лидерских позиций и самоуверенности.

Таким образом, оба архетипических образа согласуются с их теоретическими конструктами, представленными в работах К. Г. Юнга и его последователей, и отражают два гендерных прототипа поведения – мужского и женского, пожилые особенности которых воплощены в двух архетипических образах Старика и Старухи. Анализ полученных статистически значимых корреляций свидетельствует о доверчивом отношении и склонности проявлять заботу по отношению к окружающим людям свойственном этому образу. В сочетании с выраженной тревожностью,

сопровождающейся с подавленным настроением, может проявлять разочарование в людях, плохо справляться с жизненными трудностями, склонен к одиночеству при желании делиться своими чувствами и переживании с окружающими, испытывает потребность в заботе и внимании со стороны других людей. Пожилой архетипический образ мужского пола, отражающий мудрость сочетается с такими личностными чертами как практичность, спокойствие, высокий самоконтроль ($p \leq 0,01$). Это характеризует универсальный образ Старика как руководящегося реальностью, ориентированного на решение практических вопросов, связанных с жизненными ситуациями, предпочитающего традиционные способы решения, устоявшиеся идеи и способы действия, склоненного к нравочению, уважающего традиции, в этой связи консервативного и ригидного.

Архетипические образы периода молодости подразделяются на две группы – имеющие созидательную социальную активность (Герой и Дева) и отражающие их теневую сторону в совокупности с разрушающей активностью (Ведьма и Трикстер). Дева характеризуется склонностью к зависимости, несамостоятельности, крайне социальна, нуждается в поддержке и одобрении группы, затрудняется в выборе собственной линии поведения, легко поддается чужому мнению, умеет хорошо контролировать свои эмоции и поведение, отличается организованностью и дисциплинированностью ($p < 0,01$). Герой общителен и романтичен ($p < 0,03$), он живо откликается на происходящие события, отличается богатым внутренним миром и воображением, готов к сотрудничеству, открыт и доброжелателен, склонен к оказанию помощи. Его полная противоположность – архетипический образ Трикстера связан с такими личностными качествами, как низкая нормативность поведения и нонконформизм с вероятностью ошибки менее 2 %. Это свидетельствует о сопутствующих этому образу аморальности, отсутствию усилий к выполнению общественных норм и требований, пренебрежении ими ради собственных интересов, непостоянстве, эмоциональной неуравновешенности и индивидуальности. Схожие характеристики имеет его женский праобраз – Ведьма, к которому еще добавляется экспрессивность, смелость и низкий самоконтроль ($p < 0,04$). И последний архетипический образ Ребенка имеет всего одну значимую связь с экспрессивностью, что характеризуется беззаботностью, оптимистичной восторженностью; Ребенок не задумывается о будущем, склонен проявлять энтузиазм, любит развлечения, легкомыслен и безответствен ($p = 0,003$).

Выводы. Таким образом, результаты исследования позволили сформулировать несколько важных следствий. Первое – архетипический образ, действие которого состоит в том, что он модифицирует представления и эмоции в соответствии с определенной схемой, связан с личностными особенностями.

Второе – взаимодействие архетипа и индивидуальной психики, проявляющееся в архетипических образах, может быть эксплицировано в виде «*архетипических оснований личности*» или «*архетипических детерминантах личности*». Полученные результаты позволяют зафиксировать тот факт, что такой концепт, как «архетип», открывает более глубокие основы и проблемы личности и ее социального контекста, вне диктата институциональных предрассудков.

Третье – анализ взаимосвязи архетипических образов и личностных особенностей высвечивает возможности в обеспечении оценки поведения личности, связанной с конкретным архетипическим образом, что позволяет эффективно осуществить прогнозирование и коррекцию бессознательных процессов, происходящих в человеческой психике и проявляющихся в сложном духовно-символическом вы-

ражении. Это способствует выявлению различных расстройств, ресурсных возможностей, проявляющихся при доминировании того или иного архетипического основания в структуре личности.

Список литературы

1. Агавелян О. К., Агавелян Р. О., Первозкин С. Б., Первозкина Ю. М., Ганпанцурова О. Б. Влияние текста на предэкзаменационный стресс у студентов // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 3. С. 213–217.
2. Агавелян О. К., Агавелян Р. О., Дмитриева Н. В., Первозкин С. Б., Первозкина Ю. М. Специфика проявления архетипических элементов у студентов гуманитарных профессий // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 4. С. 197–204.
3. Болен Дж. Ш. Богини в каждой женщине. Новая психология женщины. Архетипы богинь. М.: София, 2007. 272 с.
4. Бутенко Н. А. Архетипические образы в русском этническом самосознании // Архетипы и архетипическое в культуре и социальных отношениях: материалы международной научно-практической конференции. Прага: Социосфера, 2010. С. 50–56.
5. Дмитриева Н. В., Первозкина Ю. М., Первозкин С. Б., Осколкова М. С. Категориальные оси восприятия рекламы // Управленец. 2013. № 3 (43). С. 31–35.
6. Доманский Ю. В. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. 94 с.
7. Зеленский В. В. Аналитическая психология. СПб.: БСК, 1994. 324 с.
8. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. М.; К.: Рефл-бук: АСТ: Ваклер, 1997. 384 с.
9. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
10. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. СПб.: Азбука-классика, 2008. 256 с.
11. Первозкина Ю. М., Осколкова М. С., Беликова А. А., Алексеева О. Я. Исследование взаимосвязи архетипических образов и предпочитаемого цвета у младших школьников // Интеллект. Культура. Образование: материалы V Международной научной конференции с элементами научной школы для молодежи. 2012. С. 69–72.
12. Петрова Е. А. Реклама, сказки и архетипы // Рекламные идеи – Yes!. 1999. № 1. С. 41–44.
13. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1991. 456 с.
14. Чернышов А. В. Русские архетипы в брендинге и эффективность телерекламы: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2011. 32 с.
15. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2001. 204 с.
16. Эстес К. П. Бегущая с волками. М.: София, 2009. 496 с.
17. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Минск: Харвест, 2004. 400 с.
18. Beebe J. Evolving the eight-function model // Australian Psychological Type Review. 2006. Vol. 8, № 1. P. 39–43.
19. Beebe J. Type and Archetype. Part One: The Spine and its Shadow // Typeface. 2007. Vol. 18, № 2. P. 8–12.
20. Carp C. E. Clown Therapy: The Creation of a Clown Character as a Treatment Intervention // The Arts in Psychotherapy. 1998. Vol. 25, № 4. P. 245–255.
21. Geils C. Jungian Analysts and African Diviners: An Exploration of the Archetype of the Self // Journal of Psychology in Africa. 2011. Vol. 21, № 3. P. 357–360.
22. Kirmayer L. J. Healing and the Invention of Metaphor: the Effectiveness of Symbols Revisited // Culture, Medicine and Psychiatry. 1993. Vol. 17. P. 161–195.
23. Mindell N. Children with Cancer: Encountering Trauma and Transformation in the Emergence of Consciousness // The Arts in Psychotherapy. 1998. Vol. 25, № 1. P. 3–20.
24. Rothenberg R. E. The Orphan Archetype // Psychological Perspectives. 2017. Vol. 60, № 1. P. 103–113.

25. *Wiener D. R.* Living Within Darkness: Psychiatric Survivors and the Protection of the Mythical Language // *The Arts in Psychotherapy*. 1998. Vol. 25, № 3. P. 167–181.

26. *Yuhua X. Shu:* Naxi Nature Goddess Archetype // *Gender, Technology and Development*. 2002. Vol. 6, № 3. P. 409–426.

Подойницина Мария Анатольевна

Грибенников Святослав Сергеевич

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА У ШКОЛЬНИКОВ С РАЗНОЙ ГОТОВНОСТЬЮ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Аннотация. Статья посвящена сравнению характеристик инновационного потенциала у старших школьников с разной степенью предпринимательской активности с целью выявления характеристик, говорящих о психологической устойчивости потенциала. В исследовании приняли участие три группы школьников старших классов. Первая группа состояла из старшеклассников, кто активно участвует в олимпиадах, конференциях и школьных проектах; вторая группа состояла из старшеклассников, кто прошел обучение предпринимательским компетенциям в формате предпринимательских проб – она рассматривалась как группа с наибольшей готовностью к предпринимательской деятельности; третья группа была контрольной – это ученики старших классов, не отобранные по определенным критериям. Участники заполнили ряд опросников, измеряющих их ценности и различные характеристики инновационного потенциала. Показано, что психологическая устойчивость инновационного потенциала может характеризоваться такими параметрами, как «ориентация на достижения» и «открытость опыту», ценности индивидуализма и самостоятельности, но при этом понимание необходимости выстраивания качественных долговременных отношений с людьми.

Ключевые слова: инновационный потенциал, психологическая устойчивость, предпринимательская деятельность, старшие школьники.

Podoynitsina Maria Anatolyevna

Gribennikov Svyatoslav Sergeevich

PSYCHOLOGICAL STABILITY OF INNOVATION POTENTIAL IN HIGH-SCHOOL STUDENTS WITH DIFFERENT READINESS TO ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Abstract. The article is devoted to the comparative characteristics of innovative potential in high-school students with different readiness for entrepreneurial activity. The study involved three groups of high school students. The first group was high school students who

Подойницина Мария Анатольевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии, ФГАОУВ НИ «Томский государственный университет», podojnicina@gmail.com, Томск, Россия

Грибенников Святослав Сергеевич – бизнес-тренер, психолог, индивидуальный предприниматель, Grislav1@mail.ru, Томск, Россия

Podoynitsina Maria Anatolyevna – Senior Lecturer of the Department of General and Pedagogical Psychology, Ph.D. in Psychology, Tomsk State University, podojnicina@gmail.com, Tomsk, Russia

Gribennikov Svyatoslav Sergeevich – Business coach, psychologist, individual entrepreneur, Tomsk, Russia

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ № 18-313-00222

actively participate in competitions, conferences and school events, the second group was high school students who studied in the field of entrepreneurial skills – this high readiness for entrepreneurial activities, the third group was the control group high school students who are not selected by a certain criteria. Participants completed a number of surveys on the study of their values and characteristics of innovative cooperation. It is shown that the psychological stability of innovative potential may depend on the parameters: “focus on achievements” and “openness of experiences”, the value of individualism and independence, but at the same time an understanding of the need to build high-quality long-term relationships with people.

Keywords: innovative potential, psychological stability, entrepreneurial activity, senior schoolchildren.

Введение. Актуальность нашего исследования определяется, прежде всего, социальным заказом и теми социально-экономическими преобразованиями, которые происходят в современном обществе и повышают требования к качеству и количеству человеческого ресурса, способного к реализации инициативного поведения, коим являются предпринимательская и инновационная деятельность. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость изучения оснований обращения молодежи к указанным формам активности и тех личностных и психологических характеристик, способствующих достижению молодыми людьми успеха в обозначенных формах деятельности. По сути, в современной мировой интенсивно меняющейся экономической ситуации исследования сферы предпринимательской деятельности и инновационного потенциала становятся актуальными как сферы, наиболее способствующие развитию экономики и преобразованиям общества в целом.

Предпринимательскую деятельность мы рассматриваем в контексте более глобального экономического поведения. При этом, согласно последним данным, первые пробы предпринимательской деятельности становятся со временем все моложе. И, по сути, сегодняшние старшие школьники уже сейчас часто оказываются вовлечены в предпринимательскую активность. И именно они в ближайшем будущем будут определять основные тренды развития бизнеса и формы реализации предпринимательского поведения. Современные исследования предпринимательства показывают, что на развитие успешности в предпринимательской деятельности прямое влияние оказывает уровень развития инновационного потенциала личности [10; 11; 20].

При этом в науке уже накоплены данные, свидетельствующие, что применительно к более молодым (начинающим) предпринимателям характер связи между инновационным потенциалом и успешностью в предпринимательской деятельности уже не столь однозначен, как может показаться на первый взгляд [2; 10; 20; 21]. Социологические данные и статистика Министерства Экономического развития РФ показывают, что по-прежнему среди молодых предпринимателей процент успешно реализованных бизнесов невысок. И многие часто даже самые талантливые молодые люди оказываются не в состоянии довести бизнес-проект до конца.

Так, первый подход к пониманию предпринимательской и инновационной активности рассматривает их с точки зрения социального обусловливания этих процессов, понимания и выявления их эффективности. Наиболее значимыми работами здесь являются исследования, выполненные коллективом Института Психологии РАН под руководством А. Л. Журавлева и В. П. Познякова [6; 7; 21]. В рамках этого же подхода работают исследователи, обращающиеся в том числе к более глобальным феноменам экономического поведения [4; 5; 9]. Другой подход обращается

к изучению предпринимательской активности через анализ личностных предпосылок и диспозиций, ресурсов и компетенций, обуславливающих склонность к включению в предпринимательскую деятельность, а также определяющих саму возможность результативности и успешности в ней через обращение к категориям личностного и инновационного потенциала, – в нашей отечественной науке представлен исследованиями А. Н. Леонтьева, Е. И. Рассказовой, С. А. Богомаза и др. [1; 16; 17; 19].

Наиболее интересными и методологически-актуальными представляются исследования, выполняемые в русле методологических концепций постнеклассического идеала рациональности, в частности в русле системной антропологической психологии [10]. Этот подход позволяет рассматривать инновационную и предпринимательскую деятельность как формы инициативного и сверхадаптивного поведения человека, а саму личность в качестве открытой саморазвивающейся системы. При этом исследований в этом русле в настоящий момент недостаточно. Особо стоит отметить, что через обращение к постнеклассической методологии не проводились исследования предпринимательской активности и инновационного потенциала у школьников. Тогда как именно подход системной антропологической психологии, на наш взгляд, позволяет наиболее целостно обратиться к изучению самой природы инновационного потенциала и основных закономерностей его развития в старшем подростковом возрасте, так как именно в этот период наиболее выражены взаимодействие среды, личности и влияние на это взаимодействие самой готовности личности к изменению и становлению (феноменальные, сущностные основы проявления инновационного потенциала) [3; 10]. Кроме того, эта методология представляется наиболее перспективной в разработке проблемы психологической устойчивости в структуре инновационного потенциала. Так, исследователи психологической устойчивости в психологии сходятся во мнении, что такая способность не означает стабильности, устойчивости в плане фиксированности, как это ранее пытались трактовать с позиций гомеостатических концепций, а представляет собой скорее устойчивость в ситуациях не прекращаемых изменений, «устойчивость в потоке», что является скорее отражением тенденций гомеореза и характерно для личности как открытой самоорганизующейся системы [3; 10; 13; 14; 23].

Таким образом, в настоящее время в психологии накоплены некоторые знания о природе отдельных рассматриваемых нами феноменов: психологической устойчивости, инновационного потенциала, особенностей предпринимательской деятельности, однако в ситуации обращения к анализу предпринимательской деятельности (в формате первых деятельностных проб и наращивания предпринимательских компетенций) у старших школьников с разным уровнем инновационного потенциала все эти разрозненные исследования не дают комплексного ответа на запросы практики. Более того, именно практические запросы в этом контексте выявляют основные пробелы в накопленных знаниях и ставят вопрос о поиске фундаментальных закономерностей развития инновационного потенциала у старших школьников и места психологической устойчивости в структуре этого потенциала.

Опыт работы с молодыми предпринимателями и инновационно-активной молодежью, а также анализ многочисленных данных позволяет предположить, что одним из факторов, тормозящих развитие предпринимательской деятельности и формирование предпринимательских компетенций у молодежи, становится низкий уровень психологической устойчивости. Все это и позволяет нам выдвинуть в качестве базовой гипотезы предлагаемого исследовательского проекта предположение о наличии в структуре инновационного потенциала в контексте предпри-

нимательской деятельности такого показателя, как психологическая устойчивость. Так же мы можем предполагать, что проверка этой гипотезы на примере школьников старших классов даст наиболее однозначный и корректный результат, так как позволит охватить период, наиболее чувствительный к развитию как психологической устойчивости, так и предпринимательской деятельности в формате первых деятельностиных проб.

Выборка и методы. Для проверки нашей гипотезы было проведено исследование школьников с разной готовностью к предпринимательской деятельности с участием 184 школьников – учеников старших классов города Томска в возрасте от 13 до 18 лет. Девушек – 102, юношей – 82. Средний возраст – 15,9. Выборка состояла из трех групп соотносимых по возрасту, программе обучения и уровню успеваемости.

Первая группа («Активные») и вторая группы («После программы») – отобранные ученики старших классов общеобразовательных школ с высокой образовательной активностью – участники конференций, олимпиад и школьных проектов. При этом вторая группа «После программы» оценивается нами как школьники с высокой готовностью к предпринимательской деятельности, поскольку они прошли шестимесячную программу, посвященную формированию предпринимательских компетенций. В течение 6 месяцев они проходили образовательную программу, в рамках которой выполняли предпринимательский проект в формате первых деятельностиных проб. В результате программы они представляли свои продукты и результаты реализации предпринимательской пробы. Третья группа выступила в качестве контрольной группы («Контроль») – это были неотобранные школьники старших классов школ города Томска.

Были проанализированные данные инновационного потенциала личности школьников различными методами. В исследование были включены следующие методики:

- методика измерения ценностей Г. Хофстеде [6];
- модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта [22];
- методика Ш. Шварца «Портретный ценностный опросник-Пересмотренный» [8];
- опросник самоорганизации деятельности [18];
- шкала самооценки инновативных качеств личности [15];
- методика Опросник самодетерминации [16];
- методика «Форма по изучению личности» (Шкалы достижения и общительности [17];
- шкала «Открытость» («Большая пятерка») Используются две субшкалы: «Открытость знаниям (культуре)» и «Открытость опыту» [24].

Результаты и их обсуждение. На первом этапе были рассчитаны показатели инновационного потенциала для каждой группы школьников.

Таблица

Описательные статистики для трех групп «Активные» «После программы» и «Контроль»

Группы	Активные (N=93)		После программы (N=34)		Контроль (N=57)	
	Среднее	Станд. откл	Среднее	Станд. откл	Среднее	Станд. откл
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>
Методика исследования ценностей Г. Хофстеде						
Дистанция от власти	-6,99	54,33	3,97	41,59	-6,67	50,87

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7
Индивидуализм	36,13	72,51	57,65	60,86	23,95	55,8
Маскулинность	-15,05	62,86	25,23	76,58	-22,11	62,62
Избегание неопределенности	-35,16	56,4	-28,09	69,75	-23,42	62,33
Ориентация на будущее	22,63	59,62	43,09	75,56	41,93	64,5
Удовлетворение потребностей	54,62	55,08	46,32	50,47	45,35	58,48
Модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта						
Традиционность	4,13	0,92	4,29	0,91	4,41	0,9
Выживание	4,06	0,71	4,34	0,62	4,57	0,79
Опросник самоорганизации деятельности						
Планирование	15,41	5,53	17,31	6,05	15,93	5,43
Целеустремленность	32,67	6,89	34,97	6,63	34,35	6,14
Настойчивость	21,86	5,37	22,19	5,99	20,4	4,74
Фиксация	20,22	4,59	20,38	6,02	21,21	5,5
Самоорганизация	10,19	4,25	8,22	4,65	9,3	4,35
Ориентация на настоящее	8,86	2,41	9,72	3,08	9,37	3,2
Сумма	109,2	16,56	112,78	20,79	110,56	16,01
Шкала самооценки инновативных качеств личности						
Креативность	3,88	0,84	3,85	1,17	3,71	0,77
Риск	3,42	0,86	3,63	1,21	3,29	0,85
Будущее	3,56	0,76	3,65	1,12	3,46	0,73
Индекс инновационности	3,62	0,75	3,36	1,58	3,49	0,63
Опросник самодетерминации						
Связность	0,35	0,61	0,5	0,65	0,21	0,52
Компетентность	0,85	0,5	0,74	0,41	0,77	0,4
Автономность	0,23	0,45	0,21	0,6	0,24	0,45
Индекс самодетерминации	0,48	0,42	0,48	0,42	0,4	0,37
Шкалы достижения и общительности						
Достижения	3,98	0,71	4,18	0,59	3,74	0,68
Аффиляция	3,96	0,66	4,07	0,8	3,82	0,94
Шкалы Открытость культуре и опыту						
Открытость знаниям	25,83	4,64	26,61	3,66	22,21	4,73
Открытость опыту	32,22	4,83	32,71	4,33	29,71	5,32
Индекс открытость	29,02	4,09	29,66	3,42	25,96	4,46
Портретный ценностный опросник Ш. Шварца						
Самостоятельность: поступки	4,57	0,98	5,07	0,75	4,81	0,8
Самостоятельность: мысли	4,69	0,78	5,13	0,52	4,72	0,73
Стимуляция	4,59	0,97	4,77	0,71	4,32	0,83
Гедонизм	4,68	0,84	4,8	0,7	4,71	0,89
Достижение	4,12	0,78	4,5	0,95	4,22	0,73
Власть: ресурсы	3,28	1,16	3,03	0,95	3,57	1,13

1	2	3	4	5	6	7
Власть: доминирование	3,52	1,09	3,23	1,11	3,6	1,25
Репутация	4,66	0,94	4,66	0,84	4,84	0,83
Безопасность: общественная	4,31	1,1	4,44	1,07	4,46	0,84
Безопасность: личная	4,17	0,92	4,19	1,1	4,58	1
Конформизм: правила	3,62	1,08	3,89	1,07	3,71	1,11
Конформизм: межличностный	3,74	1	3,56	1	3,89	1,17
Традиция	3,56	1,18	3,26	1,33	3,6	1,29
Скромность	3,77	0,89	3,72	0,77	3,94	0,89
Благожелательность: забота	4,93	0,94	5,02	0,71	5,04	0,76
Универсализм: забота о других	4,49	0,98	4,82	0,88	4,44	1,03
Универсализм: забота о природе	4,1	1,01	4,31	1,05	3,98	0,92
Универсализм: толерантность	4,3	0,93	4,58	0,89	4,21	1

Сравнение групп по показателям инновационного потенциала. Проведенный дисперсионный анализ показал различия по методике ценностей Г. Хофстеде. Группа «После программы» имеет статистически значимо более высокие показатели по шкале «Индивидуализм», чем участники группы «Активные» «Контроль» $F(1,89) = 7,26, p = 0,008$ (средние значения представлены в табл.). Различий между группами «Активные» и «Контроль» не обнаружено.

Сравнение по методике ценностей Инглхарта. Результаты представлены графически на рис. 1. Дисперсионный анализ обнаруживает, что группа «После программы» имеет статистически значимо более высокие показатели по шкале «Ценности выживания – самовыражения» $F(1,124) = 4,102, p = 0,045$. Группа «Контроль» так же демонстрирует более высокие показатели по шкале «Выживание», чем группа «Активные» $F(1,148) = 17,231, p < 0,000$. При этом группа «Контроль» наиболее ориентированы на ценности «выживания – самовыражения». Ценности выживания подразумевают акцент на финансовом благополучии, накоплении ресурсов, неприятии маргинальности и чужеродности, традиционном распределении гендерных ролей, некоторую авторитарность. Другими словами, они склонны думать более о стандартных способах развития и стремление к финансам и традиционному укладу жизни, по сравнению с группами активных школьников и школьников с высокой предпринимательской готовностью.

Сравнение ценностей по методике Шварца показало, что группа «После программы» имеет статистически значимо более высокие показатели по шкалам «Самостоятельность: поступки» $F(1,115) = 6,32, p = 0,013$; «Самостоятельность: мысли» $F(1,115) = 8,157, p = 0,005$; «Достижение» $F(1,115) = 4,757, p = 0,031$ по сравнению с группами «Активные» и «Контроль». Результаты представлены графически на рис. 2.

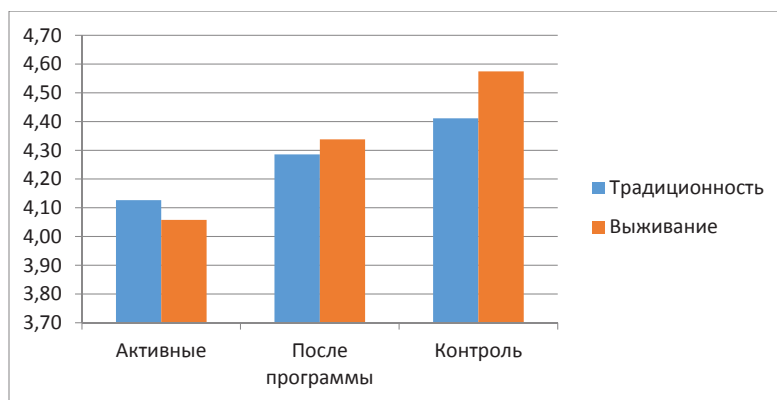

Рис. 1. Показатели методики ценностей Р. Инглхарта для трех групп

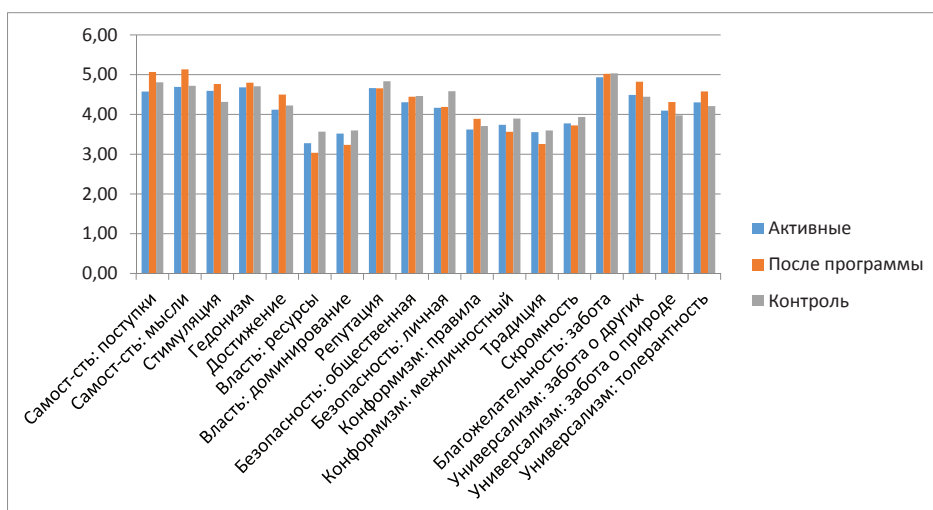

Рис. 2. Показатели методики ценностей Шварца для трех групп

Таким образом, группа, которая прошла программу развития компетенций показывает значительную ориентацию на самостоятельность мышления и действий, способность обособиться и действовать по собственной инициативе и со значительной долей сознательности. По другим шкалам значимых различий между группами не обнаружено.

По методике «Самоорганизация деятельности» нет значимых различий, что говорит о том, что у школьников с разным уровнем инновационного потенциала и готовности в предпринимательской деятельности в равной степени развиты способности к планированию и организации своего времени и целеполаганию.

При сравнении характеристик самодетерминации дисперсионный анализ показал, что группы «После программы» имеют статистически значимо более высокие показатели по шкале «Связность», чем группы «Активные» и «Контроль» $F(1,78) = 4,887$,

$p = 0,03$. Это говорит о том, что у школьников с высокой готовностью к предпринимательской деятельности выше стремление субъекта к установлению надежных отношений, основанных на чувствах привязанности и принадлежности.

Интересно, что по методике самооценки инновационных качеств не обнаружено значимых различий между школьниками. Это говорит о том, что школьники с разной готовностью к предпринимательской деятельности одинаково оценивают свою креативность, способность рисковать и готовность действовать на перспективу в будущем.

Дисперсионный анализ показал, что группы «После программы» и «Активные» имеют статистически значимо более высокие показатели по шкале «Потребность в достижении», чем группы «Контроль» $F(1,83) = 8,707$, $p = 0,00$, при этом группа «После программы» имеет более высокие показатели, чем группа «Активные». Таким образом, школьники, прошедшие программу, более ориентированы на особые достижения, готовы много работать и предпринимать усилия, чтобы достичь высоких целей (рис. 3).

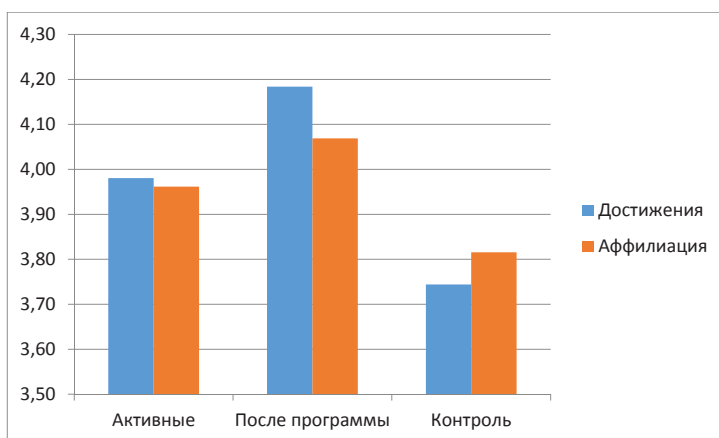

Рис. 3. Показатели методики шкала Достижения и общительности для трех групп

Дисперсионный анализ показал, что группы «После программы» и «Активные» имеют статистически значимо более высокие показатели по всем шкалам методики «Открытость знаниям», чем у группы «Контроль» $F(1,87) = 20,323$, $p < 0,000$; «Открытость опыту» $F(1,87) = 7,295$, $p < 0,008$. В этом случае школьники, склонные к предпринимательской деятельности, школьники с активной образовательной позицией показывают больший интерес к новой информации, чтению, овладению новым знанием. Они положительнее других групп, относятся к вызовам, новому, имеют более высокую способность рассматривать любое явление с разных точек зрения, они более открыты различным стилям, способам жизни, разным культурам (рис. 4).

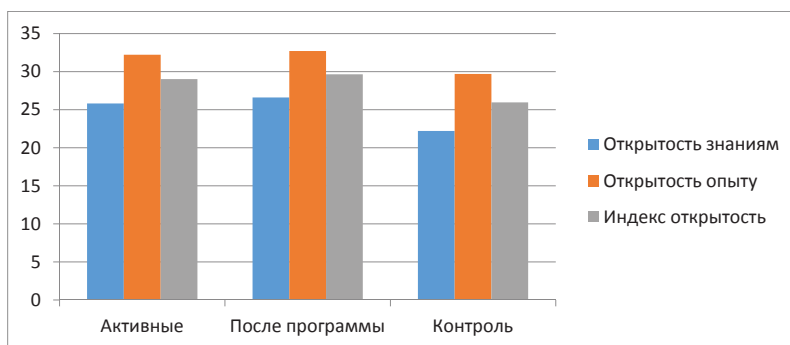

Рис. 4. Показатели методики шкалы открытости знаниям и опыту для трех групп

Заключение. Проведенное исследование характеристик инновационного потенциала и психологической устойчивости показало, что у школьников с разным уровнем готовности к предпринимательской деятельности по-разному выражены характеристики инновационного потенциала. Наиболее выраженными у школьников с высокой предпринимательской готовностью, по сравнению с другими группами, оказались ценности индивидуализма, самостоятельности в мыслях и поступках, ценность связности – стремление субъекта к установлению надежных отношений, высокая потребность в достижении а также открытость и стремление к новым знаниям и опыту.

Опираясь на полученные данные, можно предположить, что психологическая устойчивость инновационного потенциала может характеризоваться параметрами «ориентация на достижения» и «открытость опыту», ценности индивидуализма и самостоятельности, но при этом понимание необходимости выстраивания качественных долговременных отношений с людьми.

Список литературы

1. Богомаз С. А., Мацута В. В. Оценка личностного потенциала и выявление основных типов ориентации на профессиональную деятельность у студентов // Психология обучения. 2010. № 12. С. 77–88.
2. Богомаз С. А. Инновационный потенциал личности и его оценка // Социальный мир человека. Сер. «Lingua Socialis» / под ред. Н. И. Леоновой. 2014. С. 275–279.
3. Дарвиш О. Б. Психологическая устойчивость как базовая характеристика личности // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 7. С. 362–370.
4. Демин А. Н. Личность в кризисе занятости: стратегии и механизмы преодоления кризиса // Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 2004. Т. 525.
5. Дейнека О. С. Экономическая психология (статус, развитие, образовательные перспективы) // Национальный психологический журнал. 2006. № 1 (1). С. 110–113.
6. Журавлев А. Л., Куррейченко А. Б. Экономическое самоопределение молодежи: структура и детерминация // Вестник практической психологии образования. 2007. № 1. С. 50–55.
7. Журавлев А. Л., Позняков В. П. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2004. Т. 1, № 3. С. 46–64.
8. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности. СПб.: Речь, 2004.

9. *Карнышев А. Д., Винокуров М. А.* Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии. Когито-Центр: Институт психологии РАН: Байкальский государственный университет экономики и права, 2010.

10. *Ключко В. Е., Галажинский Э. В.* Исследование инновационного потенциала личности: концептуальные основания // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 6–12.

11. *Ключко В. Е., Галажинский Э. В., Красноядцева О. М., Лукьянов О. В.* Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20.

12. *Кондаков И. М.* Методика для изучения мотивационных особенностей школьников // Журнал прикладной психологии. 1998. № 4. С. 99–113.

13. *Кудинов С. И., Хаммад С. М.* Психологическая устойчивость личности как основа самореализации субъекта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2015. № 1. С. 26–30.

14. *Куликов Л. В.* Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2009.

15. *Лебедева Н. М., Татаренко А. Н.* Методика исследования отношения личности к инновациям // Альманах современной науки и образования. 2009. № 4-2. С. 89–96.

16. *Леонтьев Д. и др.* Личностный потенциал. Структура и диагностика. М.: Смысл, 2011.

17. *Леонтьев Д. А. и др.* Опыт структурной диагностики личностного потенциала // Психологическая диагностика. 2007. Т. 1, № 1. С. 8.

18. *Мандрикова Е. Ю.* Опросник самоорганизации деятельности. М.: Смысл, 2007. 15 с.

19. *Муравьева О. И., Мацута В. В., Ерлыкова Ю. Н.* Личностные особенности предпринимателей малых и крупных городов [Электронный ресурс] // Российский психологический журнал. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnyye-osobennosti-predprinimateley-malyh-gorodov> (дата обращения: 02.04.2019).

20. *Сметанова Ю. В.* Когнитивные стратегии «Традиционных» и «Инновационных» предпринимателей: постановка проблемы исследования // Сибирский психологический журнал. 2014. № 51. С. 156–162.

21. *Филинкова Е. Б., Позняков В. П.* Социально-психологические характеристики предпринимателей с разным уровнем удовлетворенности предпринимательской деятельностью // Современная психология: состояние и перспективы. 2002. С. 248–249.

22. *Хабибулин Р. К., Дейнека О. С.* Феномен постматериалистических ценностей и проблема политической стабильности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1525.

23. *Чиксентмихайи М.* Поток: психология оптимального переживания. М.: Альпина Паблишер, 2014. 323 с.

24. *Caprara G. V. et al.* Multivariate methods for the comparison of factor structures in cross-cultural research: An illustration with the Big Five Questionnaire // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2000. Vol. 31, № 4. P. 437–464.

25. *Minkov M., Hofstede G.* The evolution of Hofstede's doctrine // Cross cultural management: An international journal. 2011. Vol. 18, № 1. С. 10–20.

Чухрова Марина Геннадьевна

Пронин Сергей Владимирович

Чухров Александр Семенович

Тошмирзаева Гулфира Эркин Кизи

РАЗВИТИЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ СПОРТА НА ПРИМЕРЕ АДДИКЦИИ УПРАЖНЕНИЙ

Аннотация. Психологические механизмы формирования зависимости от спорта представляют научную проблему. На примере бодибилдеров анализируются психологические и поведенческие особенности лиц, регулярно посещающих спортзал. Предлагается авторский опросник для выявления отношения к занятиям спортом и диагностики аддикции упражнений. Протестированы 250 спортсменов-бодибилдеров, из них 186 мужчин и 64 женщины в возрасте 18–36 лет. Выявлены и описаны аддиктивные и рациональные мотивации занятий спортом. Показано, что аддиктивный потенциал спортивных занятий связан не только с психофизиологическими и нейрохимическими механизмами, но и с психологическими, и поведенческими особенностями спортсменов.

Ключевые слова: аддикция упражнений, мотивация спортивной деятельности, выявление зависимости от спорта.

Чухрова Марина Геннадьевна – доктор медицинских наук, профессор кафедры психологии, педагогики и правоведения, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления»; профессор кафедры общей психологии, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», mba3@ngs.ru, Новосибирск, Россия

Пронин Сергей Владимирович – кандидат медицинских наук, доцент кафедры психологии, педагогики и правоведения, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления»; доцент кафедра общей психологии, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», pronin53@gmail.com, Новосибирск, Россия

Чухров Александр Семенович – кандидат технических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики», mba3@ngs.ru, Новосибирск, Россия

Тошмирзаева Гулфира Эркин Кизи – спортивный психолог, Центр научно-методического обеспечения, переподготовки и повышения квалификации специалистов по физической культуре и спорту при Министерстве физической культуры и спорта Республики Узбекистан, normurodova18@mail.ru, Ташкент, Узбекистан

Chukhrova Marina Gennadjevna – Doctor of Sciences (Medicine), Novosibirsk State Pedagogical University, Professor of the Department of General Psychology and History of Psychology, mba3@ngs.ru, Novosibirsk, Russia

Pronin Sergey Vladimirovic – Candidate of Sciences (Medicine), Associate Professor of Novosibirsk University of Economics and Management, Associate Professor of Novosibirsk State Pedagogical University, pronin53@gmail.com, Novosibirsk, Russia

Chukhrov Aleksandr Semenov – Candidate of Sciences (Technical), Associate Professor Siberian State University of Telecommunications and Informatics, mba3@ngs.ru, Novosibirsk, Russia

Toshmirzaeva Gulfira Erkin Kizi – Sports psychologist, Center for scientific and methodological support, retraining and advanced training of specialists in physical culture and sports at the Ministry of Physical Culture and Sports of the republic of Uzbekistan, normurodova18@mail.ru, Tashkent, Uzbekistan

Chukhrova Marina Gennadjevna

Pronin Sergey Vladimirovic

Chukhrov Aleksandr Semenovic

Toshmirzaeva Gulfira Erkin Kizi

DEVELOPMENT OF DEPENDENCE ON SPORT ON THE EXAMPLE OF ADDICTION OF EXERCISES

Abstract. Psychological mechanisms of formation of dependence on sports are a scientific problem. For example, bodybuilders are analyzed psychological and behavioral characteristics of persons regularly attending the gym. The author's questionnaire is proposed to identify attitudes towards sports and diagnose exercise addiction. Tested 250 athletes, bodybuilders, of which 186 men and 64 women, aged 18-36 years. Addictive and rational motivations for playing sports are identified and described. It is shown that the addictive potential of sports activities is associated not only with the psycho-physiological and neurochemical mechanisms, but also with the psychological and behavioral characteristics of athletes.

Keywords: exercise addiction, motivation for sports activities, identification of dependence on sport.

Физическая культура и спорт активно пропагандируются и являются составляющими здорового образа жизни. При этом не исключено, что избыточные физические упражнения могут приносить вред из-за риска формирования зависимости, аддикции к спорту.

Аддиктивные расстройства в целом рассматриваются в качестве одной из форм девиантного поведения. Общей чертой аддиктивного поведения является потребность заниматься только тем, что приносит удовлетворение, субъективно приятное эмоциональное состояние. Например, спортивными упражнениями. Спортивная аддикция изучена недостаточно, и остается дискуссионным вопросом о принадлежности спортивной аддикции к поведенческим расстройствам [1]. В каком случае стремление к спортивным упражнениям становится девиацией, а человек становится зависимым от спорта настолько, что это нарушает его функционирование в обществе – этот вопрос пока остается без ответа. С одной стороны, физическая активность и спорт необходимы для здоровой жизнедеятельности. С другой стороны, психосоциальные последствия патологической приверженности к спортивным тренировкам, такие как нарушение социального и профессионального функционирования, являются диагностическими критериями DSM-IV для химической зависимости и свидетельствуют о зависимом состоянии.

Следует также отметить, что диагностика спортивного аддиктивного поведения, особенно на ранних, донологических стадиях, когда еще достаточно успешны коррекционные мероприятия, представляет определенные трудности.

Аддикция упражнений чаще встречается среди лиц молодого и среднего возраста – среди спортсменов, людей ведущих активный образ жизни. Как показали исследования по выявлению аддикции упражнений среди студентов американских колледжей, где принято заниматься спортом, она была обнаружена у 21,8 % среди студентов, тренировавшихся 360 мин. и более в неделю [Там же]. Вместе с тем, М. Griffiths с коллегами сообщает, что в его исследовании среди 200 лиц, занимающихся спортом непрофессионально, выявлено лишь 3 % спортивных аддиктов [2].

Термин «аддикция упражнений» впервые был упомянут P. Baekeland, когда он исследовал эффект депривации физической нагрузки на паттерны сна [3]. Спортсмены, лишённые тренировок в течение месяца, сообщали о снижении психологического благополучия, которое выражалось в повышенной тревоге, ночных пробуждениях и сексуальном напряжении, что квалифицировалось как синдром отмены. Аддикция упражнений в дальнейшем разрабатывалась M. Sachs и D. Pargman [цит. по 4], которые описали «аддикцию бега» (running addiction) и также выявили симптомы отмены при лишении возможности тренировок: раздражительность, тревога, напряжение, мышечные подергивания и т. д. Ещё раньше W. Morgan привел примеры, когда бегуны продолжали тренироваться, несмотря на травмы или другие обстоятельства [5].

Анализируя работы на тему аддикции упражнений, M. Murphy приводит три варианта патогенеза аддикции упражнений: термогеническая гипотеза, катехоламиновая гипотеза и эндорфиновая гипотеза [6]. Термогеническая гипотеза предполагает, что упражнения увеличивают температуру тела, что снижает тонус мышц и снижает соматическую тревогу. Катехоламиновая гипотеза предполагает, что физическая нагрузка приводит к выработке катехоламинов, которые в значительной мере включены в контроль за вниманием, настроением, движениями, а также за реакциями эндокринной и сердечно-сосудистой систем. Они же контролируют состояние эйфории и реакции на стресс через дофамин, адреналин, норадреналин. D. Adams и R. Kirkby предположили, что аддикция упражнений является результатом вызванного упражнениями высвобождением катехоламинов, что приводит к гиперактивации симпатической нервной системы и сопровождается повышением настроения [1]. При этом повышенная стимуляция при физических упражнениях дофаминергических мозговых структур, а также их вовлечённость в формирование всех поведенческих и химических зависимостей способствует становлению и закреплению спортивной аддикции. В пользу этого говорит и состояние ангедонии, которое развивается у спортсменов вне занятий [7]. Известно, что проявления ангедонии напрямую связаны с уменьшением активации дофаминовых рецепторов [11].

Третья гипотеза – эндорфиновая – является наиболее известной, признанной и эмпирически исследованной. Эта теория предполагает, что физические упражнения способствуют выработке эндогенных морфинов (эндорфинов), что приводит к повышению настроения, ощущению счастья и комфорта. Но, несмотря на всеобщую приверженность эндорфиновой теории, существует крайне мало убедительных данных, которые указывали бы на точный механизм этого эффекта. В пользу эндорфиновой гипотезы патогенеза аддикции упражнений косвенно свидетельствуют данные E. Kjelas и его сотрудников, который обнаружил значимое повышение плазменного бета-эндорфина у женщин после 45-минутного занятия аэробикой [9].

Ранее нами была высказана гипотеза патогенеза спортивной зависимости, основанная на психофизиологических механизмах потребности ухода от неудовлетворяющей реальности и вхождения в изменённое состояние сознания, которое сопровождается гармонизацией регуляторных функций, оптимизацией обменных процессов, стимуляцией и активацией дофаминового и серотонинового звеньев нейромедиаторного обмена за счёт активации рецепторного поля и последующего выброса эндорфинов [10]. Это состояние сопровождается субъективно приятным ощущением контроля за собственной жизнью, могуществом, уверенностью, – тем, чего не хватает аддикту в реальной жизни.

В современной литературе имеются описания клинических случаев возникновения спортивной аддикции при занятиях разными видами спорта – бег, восточные единоборства, тяжелая и легкая атлетика, бодибилдинг, и даже у лиц, которые занимаются физической культурой в рамках здорового образа жизни [11]. При этом не существует общепризнанного определения спортивной аддикции. К диагностическим критериям относят психологические факторы (патологическая, чрезмерная, сверхценная приверженность), физиологические факторы, такие как толерантность, а также поведенческие, включающие определенный режим дня и количество тренировок. Выдвигаются также критерии, основанные на классификации DSM-IV для химической зависимости, которые включают биомедицинские (толерантность, симптомы отмены) и психосоциальные (нарушение социального и профессионального функционирования) симптомы [12].

Группа исследователей во главе с D. Vambeg попыталась сформулировать диагностические критерии для выявления аддикции упражнений как нарушения социального функционирования и симптомов отмены, которые проявляются либо в виде враждебной реакции на прекращение тренировок, либо в неспособности контролировать объем нагрузок [Там же]. Эти критерии проявляются в четырех сферах: психической, социальной или профессиональной, физической и поведенческой, как и при других хорошо изученных аддикциях. Характерной особенностью жизни людей, страдающих аддикцией упражнений, становится искажение нормального распорядка и уклада. Вся их деятельность замыкается на постоянных тренировках, им не хватает сил и энергии на общение с близкими и другие дела (социальная сфера), они продолжают тренироваться, несмотря на травмы и запреты врача (физическая сфера). Кроме того, их тренировки отличаются жесткой стереотипностью и должны повторяться в строго запланированном порядке и объеме (поведенческая сфера). Нарушенное функционирование в психической сфере проявляется в неспособности сконцентрироваться на какой-либо деятельности из-за постоянных мыслей о тренировках [Там же].

Позже H. Hausenblas и D. Downs определили аддикцию упражнений как тягу к физической активности, которая выражается в неконтролируемых, чрезмерных занятиях спортом и проявляется физиологическими (например, толерантность / отмена) и / или психологическими (например, тревога, депрессия) симптомами [13].

Е. Aidmann и S. Woollard в качестве критерия для определения аддикции упражнений рассматривали различные симптомы отмены, которые возникали у спортсменов при невозможности тренироваться в течение 24–36 часов [11]. Эти симптомы включали беспокойство, нетерпеливость, чувство вины, напряжение и дискомфорт, а также апатию, медлительность, потерю аппетита, бессонницу и головные боли. Ссылаясь на более ранние исследования, авторы писали о том, что важным фактором в предсказании симптомов отмены является длительность депривации физической нагрузки, которой подвергается спортсмен. Продолжительное воздержание от тренировок, несомненно, вызовет наиболее ярко выраженные симптомы. Было показано, что бегуны проявляли признаки тяжелых нарушений настроения и снижения самооценки после того, как были отстранены от тренировок всего на две недели. У другой выборки спортсменов после недели лишения тренировок наблюдались эмоциональные расстройства, проблемы со сном и сомнения в том, что они способны справиться с жизненными трудностями [Там же]. Авторы показали, что даже в том случае, когда спортсмены пропускали только одну тренировку, у них появлялось злость, напряжение, смятение, упадок сил и нарушения сердечного ритма.

Как заключает А. Szabo с сотрудниками, при спортивной аддикции наиболее часто встречаются следующие симптомы отмены: чувство вины, депрессия, возбудимость, беспокойство, напряжение, стресс, тревога и идеаторная малоподвижность [14].

Из психологических особенностей спортивных аддиктов обращают внимание на эмоциональную холодность, черствость, склонность к перфекционизму [15]. E. Aidmann и S. Woollard отмечают такие показатели, как повышенный нейротизм, психотизм, гипомания и импульсивность, а также низкий уровень экстраверсии [11]. Вместе с тем S. Mathers и M. Walker не обнаружили различий по показателям экстраверсии между спортивными аддиктами и лицами, занимающимися спортом без признаков зависимости [16]. Однако до сих пор остается неясным, какие психологические характеристики спортивной аддикции являются для нее определяющими, патогномоничными и могут использоваться для ранней диагностики.

Целью исследования был анализ поведенческих особенностей и психологических характеристик, характерных для спортивного аддикта.

Материал и методы исследования. В качестве испытуемых нами были обследованы лица, которые с той или иной регулярностью занимались в спортивном зале, так называемые «качки», или бодибилдеры, среди которых мы пытались выявить лица с аддикцией упражнений. Спортсмены занимались в фитнес-центрах г. Новосибирска, всего 250 человек, из них 186 мужчин и 64 женщины в возрасте 18–36 лет. Первичным было скрининговое обследование, которое выявило лица, подозрительные на наличие зависимости от физических упражнений, которые затем были обследованы более детально с помощью психологического интервью.

В качестве опросника для скрининга нами была разработана анкета, включающая широкий спектр утверждений касательно занятий в спортзале, с акцентом на мотивацию занятий спортом (см. ниже).

ОТНОШЕНИЕ К ЗАНЯТИЯМ В СПОРТЗАЛЕ

Пол _____ Возраст _____ Род основных занятий _____

Пожалуйста, ответьте на предложенные ниже утверждения. Если Вы согласны с ними, то поставьте рядом знак +, если нет, знак –.

1. Я получаю удовольствие, когда занимаюсь в спортзале.
2. Я хожу в спортзал, потому что знаю, что занятия спортом необходимы для здоровья.
3. Я хожу в спортзал, потому что купил(а) абонемент.
4. Я хожу в спортзал за компанию с друзьями (другом).
5. Занятия в спортзале для меня – больше, чем просто спорт или здоровый образ жизни.
6. Занятия в спортзале помогают мне забыть проблемы и тревоги.
7. Когда я тренируюсь, жизнь кажется прекрасной.
8. Ничто не дает мне такого удовольствия, как занятия в спортзале.
9. Ничто не дает мне такого удовольствия, как мои успехи в бодибилдинге.
10. Мысли о занятиях в спортзале занимают много времени.
11. Мне приходится тратить много денег на мое увлечение бодибилдингом.
12. У меня возникает чувство досады и раздражения, когда мои близкие упрекают меня в чрезмерном увлечении бодибилдингом.
13. Считаю, что занятия в спортзале делают меня особенным человеком.
14. Пожалуй, можно сказать, что бодибилдинг сегодня – смысл моей жизни.

15. Без занятий в спортзале жизнь для меня была бы скучной и неинтересной.
16. Иногда меня мучает чувство вины, что я слишком много провожу времени в спортзале и не уделяю внимания своим близким.
17. Меня раздражает, когда что-то или кто-то мешает мне посетить спортзал.
18. Я могу поступиться своими обязанностями ради посещения спортзала.
19. Спорт придает мне смелость и уверенность в себе.
20. Вынужден согласиться, что я слишком много времени и денег трачу на занятия в спортзале.
21. Иногда я забываю о важных делах, если мне нужно в спортзал.
22. Я не позволяю моим близким вмешиваться в мое увлечение бодибилдингом.
23. До увлечения бодибилдингом я курил(а) и употреблял(а) спиртное.
24. До увлечения бодибилдингом я имел(а) избыточный вес и проблемы с перееданием.
25. Спорт придает мне такую уверенность в жизни, какой у меня не было до этого.
26. Мне нравится мое красивое тело, и считаю, что оно будет еще красивей.
27. Часто я жертвую важными для меня вещами ради занятия в спортзале.
28. Я считаю себя исключительным человеком.
29. Я не могу сказать, как долго продлится мое увлечение бодибилдингом.
30. «Нет предела совершенству» – правильное изречение.
31. Считаю, что заслужил возможность любоваться своим телом и демонстрировать его.
32. Мне приятно, когда окружающие восхищаются моим телом.
33. Спорт – это моя жизнь.
34. После занятий спортом у меня поднимается настроение.
35. После занятий спортом у меня возникает очень приятная усталость и умиротворение.

Приведенный опросник создан на основе собственных наблюдений за бодибилдерами, бесед с ними, а также с целью выявить психологические характеристики спортивной зависимости, которые позволят дифференцировать указанную аддикцию.

Опросник содержит утверждения, характерные для следующих мотиваций:

1 – гедонистическая, связанная с получением положительных эмоций, приятных ощущений в теле во время и после занятий спортом. Эта мотивация, по-видимому, обусловлена физиологическим компонентом и связана с выбросом эндорфинов в ответ на физическую нагрузку, со стимуляцией дофаминового обмена и т. п. Утверждения: 1, 6, 7, 8, 34, 35;

2 – рациональная, связанная с когнитивным пониманием важности и необходимости регулярных физических нагрузок, ответственностью за свое здоровье, стремлением с пользой проводить свободное время, один из вариантов времяпровождения. Утверждения: 2, 3, 4, 15, 23, 24, 29;

3 – нарцисстическая, связанная со стремлением улучшить параметры своего тела, потребность в любовании своим телом, демонстрировать его, гордиться своим телом и извлекать из него пользу (возможно). Утверждения: 26, 28, 30, 31, 32;

4 – смыслообразующая и повышающая самооценку, когда занятия бодибилдингом становятся способом доказать себе и окружающим свою значимость, важность, свою способность к преодолению трудностей. Утверждения: 5, 9, 13, 14, 19, 25, 33;

5 – аддиктивная, включающая элементы зависимости от занятий спортом, имеющие сверхценный компонент, с элементами потери контроля за ситуацией, нарушающие социальные взаимодействия, мешающие работе, общению с близкими и т. п. Утверждения: 10, 11, 12, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 27.

Анализ опросника производился путем простого подсчета положительных ответов на утверждения и качественного анализа мотиваций.

Лица, подозрительные на зависимость от занятий в спортзале, подвергались дополнительному обследованию с помощью подробного психологического интервьюирования с анализом внутреннего мира, социально-семейных связей и др.

Результаты и их обсуждение. Среди обследованных 250 спортсменов с помощью вышеприведенного опросника были выделены 30 человек в качестве условной нормы (возраст – 21–26 лет; все мужского пола), у которых обнаружены преимущественно рациональные мотивы (не менее 5 положительных ответов на утверждения из шкалы «рациональная мотивация» опросника «Отношение к занятиям в спортзале», и отрицательные ответы на утверждения по шкалам аддиктивная, гедонистическая, смыслообразующая мотивации – 1 группа). Также выделено 30 человек (12 %), имеющих признаки зависимости от занятий в спортзале (мужчины в возрасте 24–28 лет – 2 группа). Критерии зависимости: не менее 7 положительных ответов на утверждения из шкалы «аддиктивная мотивация»; не менее 3 положительных ответов на утверждения из шкалы «гедонистическая мотивация»; не менее 3 положительных ответов на утверждения из шкалы «смыслообразующая мотивация» опросника «Отношение к занятиям в спортзале».

В целом в общей структуре мотивов занятий спортом в зале (бодибилдинг) выделяются две большие группы: 1 – аддиктивные (гедонистические, гиперстимуляции, смыслообразующие), и 2 – рациональные (направленные на оздоровление). Рациональные мотивы занятия спортом лежат «вовне личности», если можно так выразиться, а аддиктивные мотивы тесно спаяны с ядром личности. Надо полагать, что занятия в зале для аддикта – вторичны, спортивная деятельность могла быть любой, и к любой спортивной деятельности сформировалась бы зависимость.

Наблюдение и психологические беседы с лицами, выявляющими признаки патологической зависимости от спорта, позволили суммировать их поведенческие и личностные особенности, которые, по-видимому, характерны для спортивного аддикта (табл.).

Таблица

Поведенческие особенности и психологические характеристики, характерные для спортивного аддикта

Поведенческие особенности	Психологические характеристики
1	2
Испытывает непреодолимое влечение к занятию данным видом спорта	Ригидный, упрямый, застревает в своих стремлениях к спорту
Становится конфликтным, злым, раздражительным, беспокойным, тревожным, испытывает вегетативные нарушения, если не удается заняться данным видом спорта	Важен процесс, а не результат. Живет только в процессе спортивной деятельности, вне ее – существует. Цели в этом процессе – НЕТ
Не прислушивается к здравому смыслу о необходимости сокращения тренировок, даже если это вредит здоровью	Компульсивен, резок в принятии решений, бескомпромиссен в том, что касается спорта
Продолжает тренировки, несмотря на ухудшение физического состояния, испытывает чувство вины, если пропустил тренировку	Независим и не прислушивается к мнению неавторитетных для него людей, просто не замечает их
«Наказывает» себя, если пропустил тренировку, повышая объем упражнений	Присутствуют элементы авитальной активности

1	2
Эмоционально интересуется новостями и в курсе всех новых разработок по своей спортивной специализации	Чувствителен и сенситивен, не приемлет критики в отношении своих занятий спортом
Может пожертвовать любыми делами ради своих занятий	Недальновидность, живет сегодняшним днем
Придерживается строгого порядка в тренировках с минимумом вариаций	Перфекционист в том, что касается спорта, и может быть неряшлив, необязателен в других областях деятельности
Отдает спорту преимущество: структурирует свою социальную активность в соответствии с порядком тренировок, а не наоборот	Настойчив, если дело касается спорта, чего нельзя сказать о других видах деятельности
Считает спорт смыслом своей жизни	Склонен к образованию сверхценных идей, связанных со спортом
Нарушение сна при лишении возможности тренировок	Депрессивность при невозможности тренироваться

Проведенный анализ психологических и поведенческих особенностей спортсменов-бодибилдеров позволил выявить признаки нарушения влечений, которые можно охарактеризовать как зависимость от спорта. Спорт позволяет преодолеть внутреннюю неудовлетворенность собой, структурирует личность и ее поведение, привносит в жизнь смысл и дает возможность повысить свою самооценку.

В порядке компенсации внутренней неудовлетворенности аддикт старается найти себе сферу спортивной деятельности, в которой он может продемонстрировать свою силу, могущество и достоинство. Например, чувство внутренней слабости компенсируется чувством обладания физической силой, а чувство посредственности у спортивного аддикта компенсируется чувством обладания способностями, умениями, формами тела, недоступными большинству; чувство интеллектуальной неадекватности компенсируется чувством физического превосходства и компетенции. Эти эйфорические чувства почти всегда обнаруживаются при психологическом консультировании спортивных аддиктов.

Другим аспектом, определяющим личность спортивного аддикта и сближающим его с другими аддиктами, является потребность в аффилиации, т. е. в принадлежности к группе и получении одобрения. Этот аспект ярко выявляется при анализе мотиваций занятия бодибилдингом (мотивация: «стать членом группы»). Потребность в аффилиации подразумевает дружественные отношения с другими людьми, например, с тренером. С непохожими или представляющими хоть какую-либо угрозу самооценке людьми, спортсмены, обладающие потребностью в аффилиации, часто оборонительны и неприветливы. Их взаимодействие, привязанность, сходство или соглашение с другими людьми являются взаимными и подкрепленными, также как их избегание, нелюбовь и разногласия.

Одним из важных аспектов потребности в аффилиации является поиск одобрения со стороны других. У спортивного аддикта такой поиск одобрения проявляется в его соревновательной деятельности. Аддикт, который не находит одобрения, страдает чувством вины и старается одобрение заслужить.

Выявленные психологические особенности бодибилдеров 2 группы свидетельствуют об их психологической зависимости от своей деятельности. Но в структу-

ре спортивной аддикции, как и любого другого зависимого состояния, существует и физическая зависимость, связанная, по-видимому, с расширением рецепторного поля центров удовольствия, связанных с необходимостью постоянного нахождения в состоянии специфического стресса и его преодоления. Физическая зависимость от спорта включает следующие признаки, которые мы наблюдали в процессе тренировок у некоторых спортсменов и которые характерны для любого зависимого состояния.

1. Потеря контроля за своей деятельностью, отсутствие чувства меры вне зависимости от уровня физической усталости: за количеством проделанной работы (подходов к снаряду). Нами отмечено наличие у некоторых спортсменов потребности продолжать упражнения, несмотря ни на что (физическая усталость). Иногда наблюдается состояние измененного сознания, транс, сопровождающийся психическим автоматизмом, отсутствием критичности со стороны личности. На этапе планирования тренировок наблюдалось стремление увеличить ежедневные нормы упражнений, пренебрегая возрастающим при этом риском утомления. Наблюдалась потеря ориентации на свои физические ощущения (чувство усталости, голода, нехватки времени) – они утрачивались, не идентифицировались или достигались только в критических ситуациях. Такое состояние можно обозначить термином «одержимость».

2. Неудержимое влечение пойти в спортзал, часто возникающее внезапно или при появлении отрицательных эмоциональных переживаний, как способ вхождения в зону комфорта, компульсивное желание приступить к тренировке.

3. Невозможность воздержаться от тренировок в связи с объективными причинами (болезнь и даже смерть близких, необходимость трудового процесса, сложная ситуация на работе). Основная трудовая деятельность воспринимается как второстепенная, необходимая для обеспечения материальной базы занятий болибилдингом.

4. Симптомы отнятия, выражающиеся в дискомфорте крайней степени: головных болях, головокружении, слабости, раздражительности, навязчивом стремлении пойти в спортзал, которое носит характер сверхценной идеи. Респонденты отмечают сердцебиение, потливость, тремор рук, нарушение координации движения, нарушение сна, судороги в мышцах, что свидетельствует о гипердреналинемии. Они считают и ощущают себя больными, если долго не имеют возможности реализовать свои намерения. При этом субъективное улучшение физического состояния отмечается в связи с подготовкой к тренировке и ее началом: «Как только попал в спортзал – прекрасно себя почувствовал!» Эти состояния дискомфорта возникают особенно часто при намерении поменять образ жизни, поменять работу, семейное положение, т. е. при изменении привычного стереотипа жизни, сопровождающегося необходимостью напрягаться и активно включаться в социальные взаимодействия. Необходимость принятия сложного решения, необходимость контроля над непривычной ситуацией (например, рождение ребенка), изменение образа жизни по объективным причинам вызывает такой сильный дискомфорт, что влечение уйти в спортзал и долго там пребывать становится непреодолимым.

Сравнительный анализ некоторых психологических качеств спортсменов позволяет считать некоторых из них субъектами зависимого поведения. Об этом свидетельствует также хорошо известный факт быстрой и массивной алкоголизации при неудаче спортивного плана, быстрое опускание на самое «дно» в результате краха потребностей и достижений. Судя по всему, речь идет о замене одной аддикции на другую, более доступную в этот период жизни.

Некоторые наши клиенты отмечали, что прежде имели химические зависимости (алкоголь, наркотики, пища) до занятий спортом, но спорт «вытеснил» их. У спортивных аддиктов существует повышенный риск развития химической зависимости. К этому же выводу пришел французский психиатр и спортивный врач J. Seznec, который указывал, что профессиональный спорт способствует развитию химической зависимости, и поэтому спортсмены нуждаются в превентивной помощи. Позже J. Seznec и доктор E. Volle [17] проанализировали два случая, когда известные в прошлом спортсмены становились химическими аддиктами. Авторы считают, что интенсивные занятия спортом представляли собой спортивную аддикцию, которая впоследствии перешла в заместительную аддикцию (*l'addiction de remplacement*) в виде потребления психоактивных веществ. Этому предшествует неизбежная в конце карьеры потеря статуса, которую атлет не в состоянии принять, сниженная самооценка, депрессия. Причем, чем выше был уровень спортсмена, тем он более раним и имеет больше шансов стать химическим аддиктом. Прекращение спортивной карьеры – это синоним тотальной потери себя, за которой наступает мучительное расставание и возможное попадание в социальный вакуум и аддикцию [Там же].

Наличие перечисленных признаков позволяет считать спорт для аддиктивной личности одним из способов реализации зависимого поведения.

Таким образом, не оставляет сомнения, что аддиктивный потенциал спортивных занятий связан не только с психофизиологическими и нейрохимическими механизмами, но и с психологическими, и поведенческими особенностями. Именно психологическая неудовлетворенность запускает двигательную активность, которая включает стимуляцию дофаминового и эндорфинового звеньев и через положительное подкрепление вызывает стремление к повторению деятельности. Патопсихологические паттерны спортивной аддикции совпадают с таковыми при химических зависимостях и других аддикциях и касаются психической, социальной, физической, поведенческой сфер, имеют признаки доминанты.

Выводы

1. Занятия отдельными видами спорта, в частности бодибилдингом, можно рассматривать как способ реализации аддиктивности.
2. Бодибилдинг обладает выраженным аддиктивным потенциалом: позволяет повысить самооценку, самоактуализироваться, удовлетворить потребность в аффилиации, почувствовать вкус к жизни. Эта психологическая самореализация подкрепляется психофизиологическими (гедонистическим и гиперстимуляционным) аспектами.
3. Психологические характеристики спортивной аддикции соответствуют психофизиологическим механизмам ее формирования, и аналогичны таковым при других видах аддиктивного поведения.

Список литературы

1. Adams J., Kirkby R. J. Excessive exercise as an addiction: A review // *Addiction Research and Theory*. 2002. Vol. 10, № 5. P. 415–437.
2. Griffiths M. D. Workaholism is still a useful construct // *Addiction Research and Theory*. 2005. Vol. 13, № 2. P. 97–100.
3. Baekeland P. Exercise deprivation // *Arch. Gen. Psychiatry*. 1970. Vol. 22. P. 356–362.
4. Davis C. Exercise abuse // *International Journal of Sport Psychology*. 2000. Vol. 31, № 2. P. 278–289.
5. Morgan W. P. Negative addiction in runners // *The Physician and Sports Medicine*. 1979. Vol. 7. P. 57–77.

6. *Murphy M. H.* Sport and drugs and runner's high (Psychophysiology) // *Psychology in Sport* / eds. J. Kremer, D. Scully. London: Taylor & Francis, 1993.
7. *Чухрова М. Г., Опенко Т. Г., Леутин В. П., Кабанов Ю. Н.* Спортивный туризм как способ реализации аддиктивности // *Мир науки, культуры, образования*. 2009. № 3. С. 205–208.
8. *Чухрова М. Г., Дресвянников В. Л., Маркова Е. В.* Наркотическая зависимость: современные стратегии исследования: монография. Saint-Louis: Science and Innovation Center, 2015. 218 с.
9. *Kjelsas E., Augestad L. B., Gotestam K. G.* Exercise dependence in physically active women // *The European Journal of Psychiatry*. 2003. Vol. 17, № 3. P. 145–155.
10. *Чухрова М. Г., Леутин В. П.* Аддикция: зависимое поведение. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. 251 с.
11. *Aidman E. V., Woollard S.* The influence of self-reported exercise addiction on acute emotional and physiological responses to brief exercise deprivation // *Psychology of Sport and Exercise*. 2003. Vol. 4, № 3. P. 225–236.
12. *Bamber D. J., Cockerill I. M., Rodgers S., Carroll D.* Diagnostic criteria for exercise dependence in women // *British Journal of Sports Medicine*. 2003. Vol. 37. P. 393–400.
13. *Hausenblas H. A., Downs D. S.* Exercise dependence: a systematic review // *Psychology of Sport and Exercise*. 2002. Vol. 3, № 2. P. 89–123.
14. *Szabo A., Frenkl R., Caputo A.* Relationship between addiction to running, commitment, and deprivation from running: A study on the internet // *European Yearbook of Sport Psychology*. 2007. Vol. 1. P. 130–147.
15. *Cook C. C.* Addiction and spirituality // *Addiction*. 2004. May. Vol. 99, № 5. P. 539–551.
16. *Mathers S., Walker M. B.* Extraversion and exercise addiction // *Journal of Psychology*. 1999. Vol. 133, № 1. P. 125–128.
17. *Volle É., Seznec J.-C.* L'arrêt du sport intensif: révélation addictions? // *Annales Médico-psychologiques, revue psychiatrique*. 2006. Vol. 164, № 9. P. 775–779.

Андронникова Ольга Олеговна

**БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК УСЛОВИЕ
СОХРАНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ
УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА**

Аннотация. Статья посвящена вопросам современного состояния психологического и физического здоровья школьников. Отражены вопросы ухудшения состояния здоровья детей. Как основополагающая причина нарушения здоровья участников образовательного процесса выделены психологическое насилие и жестокое обращение в образовательной организации. Обозначены последствия насилия и жестокого обращения в образовательном пространстве в виде виктимизации личности каждого из участников и возникновения деструктивных форм взаимодействия. В статье представлены подходы к пониманию безопасности образовательного пространства, его критерии и риски нарушений. Представлен анализ существующих деструктивных тенденций и угроз безопасности в образовательном пространстве или отдельных его составляющих. Предложены основы организации безопасного образовательного пространства и основных его компонентов. Выделены компоненты формирования культуры безопасности образовательного пространства. Обозначены основные задачи в области обеспечения психологической безопасности образовательного пространства.

Ключевые слова: психологическая безопасность, виктимность, образовательное пространство, участники образовательного процесса, жестокость в отношениях.

Andronnikova Olga Olegovna

**SAFETY OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A CONDITION
FOR THE PRESERVATION OF THE PHYSICAL AND PSYCHOLOGICAL
HEALTH OF PARTICIPANTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS**

Abstract. The article is devoted to the current state of the psychological and physical health of schoolchildren. Reflected issues of deterioration of children's health. As a fundamental cause of the impaired health of participants in the educational process, psychological violence and abuse in an educational organization are highlighted. The consequences of violence and abuse in the educational space are indicated in the form of the victimization of the personality of each of the participants and the occurrence of destructive forms of interaction. The article presents approaches to understanding the safety of the educational space, its criteria and risks of violations. The analysis of the existing destructive tendencies and security threats in the educational space or its individual components is presented. The foundations of the organization of a safe educational space and its main components are proposed. Components of the formation of a safety culture of educational space are highlighted. The main tasks in the field of ensuring the psychological safety of the educational space are indicated.

Андронникова Ольга Олеговна – кандидат психологических наук, декан факультета психологии, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», andronnikovao@gmail.com, Новосибирск, Россия

Andronnikova Olga Olegovna – Candidate of Psychology, Dean of the Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, andronnikovao@gmail.com, Novosibirsk, Russia

Keywords: psychological security, victimization, educational space, participants in the educational process, cruelty in relationships.

Интенсивность социально-экономических изменений в последние годы привела к целому ряду негативных последствий: наблюдается значительное ухудшение медико-демографической обстановки, устойчивое сокращение общего прироста населения, а также процессы демографического старения.

Многие авторы обращают внимание на ухудшение состояния физического и психического здоровья детей разных возрастных групп. Уже на этапе дошкольного обучения отмечается наиболее выраженный рост частоты доклинических форм нарушения здоровья, хронических заболеваний, нарушений физического развития и т. д. Среди дошкольников лишь у 55 % отсутствуют признаки болезненных отклонений в психике. Все это приводит к тому, что уже до начала школьного обучения многие дети имеют различные сложности развития, характеризуются дезадаптивным поведением, требуют особого подхода к организации образовательной среды.

Еще более сложная ситуация наблюдается на этапе школьного обучения. Значительное число учебных нагрузок, ставших отличительной чертой школьного образования, привели к росту числа функциональных расстройств и хронических заболеваний. По мнению ряда авторов (Н. А. Склянова, И. В. Плющ), численность абсолютно здоровых детей не превышает для младших школьников 8–10 %, среднего возраста – 6 % и старших – 3–5 %. По данным официальной статистики, в 5 раз сокращается число детей сохраняющих физическое здоровье в период школьного обучения. Только 14 % выпускников средней школы можно считать действительно здоровыми, около 35 % школьников имеют опыт употребления наркотических и токсических средств, 70 % употребляют алкоголь. Наблюдается высокий процент (70–80 %) распространенности нервнопсихических расстройств среди школьников. Так, среди учеников, которые проявляют признаки школьной дезадаптации, 93–95 % имеют те или иные психические нарушения. Отмечается так же рост девиантных форм детского поведения, преступности, самоубийств, бродяжничества.

По данным отечественных авторов (Л. С. Алексеева, И. А. Баева, Г. В. Грачев, А. Д. Кошелева, М. Р. Рокицкий), растет количество детей и подростков становящихся жертвами жестокого обращения со стороны сверстников и более старшего поколения. Все это говорит об увеличении общей виктимизации населения, особенно некоторых социальных и возрастных групп (маленькие дети, подростки, пожилые люди) [2; 3; 6; 8].

Рассматривая основные общественные институты виктимизации (семья, школа, субкультура), особое место необходимо уделить вопросам школьной системы виктимизации, включающей явления «peer victimization» [14] и «школьную дедовщину» (bullying strand) [13]. В настоящее время вопросы образовательной среды и ее влияния на виктимную дезадаптацию ученика достаточно широко обсуждается в науке, однако все еще остаются недостаточно изученными механизмы этого процесса; нет достаточно эффективных мер по профилактике и коррекции виктимизации. При этом процесс виктимизации захватывает всех участников образовательного пространства: учащихся, их родителей, педагогов. Механизмы виктимизации затрагивают несколько уровней: это сама образовательная система, образовательная среда, школьная субкультура, система школьных правил и норм, личность педагога, его профессиональная компетентность, требования родителей и т. д. Все это формирует виктимное поведение, которое рассматривается нами как отклонение от норм

безопасного поведения, реализующееся в совокупности социальных, психических и моральных проявлений.

Последствиями такого поведения станет деформация личности участников педагогического процесса, нарушение культуры личной безопасности ребенка, формирование у него виктимных форм поведения. Таким образом, остро встает вопрос о формировании в рамках образовательного процесса культуры безопасности и создании безопасной образовательной среды.

Рассматривая явление безопасности, необходимо отметить его значимость для организации жизнедеятельности человека. Наличие безопасности является основополагающим для обеспечения нормального развития личности. А. Маслоу рассматривает потребность в безопасности как базовую в иерархии потребностей, удовлетворение которой является условием для гармоничного развития личности и ее самореализации [7].

Психологическая безопасность личности входит в структуру социальной безопасности, рассматриваемой И. А. Баевой как эффективное выполнение социальными институтами своих функций, направленных на удовлетворение потребностей, интересов, целей населения страны [2]. Школа рассматривается нами как один из важных общественных институтов социализации, существенной характеристикой которой выступают качества образовательной среды способствующие или препятствующие адекватному ее течению. Основополагающей характеристикой выступает как раз безопасность среды, включающая физическую, информационную и психологическую компоненты.

Необходимо отметить, что само понятие психологической безопасности не является однородным. Так, Т. С. Кабаченко рассматривает психологическую безопасность «как самостоятельное измерение в общей системе безопасности, представляющее собой состояние информационной среды и условия жизнедеятельности общества, не способствующее нарушению психологических предпосылок целостности социальных субъектов, адаптивности их функционирования и развития» [5, с. 8]. Несколько по-другому описывает психологическую безопасность И. А. Баева, рассматривая его как состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников [1]. Г. В. Грачев понимает психологическую безопасность как «состояние защищенности психики от воздействия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентированной основы социального поведения человека и в целом жизнедеятельности в современном обществе, а также адекватной системы его субъективных (личностных, субъективно-личностных) отношений к окружающему миру и самому себе» [3, с. 33]. В любом случае понятие безопасности включает в себя характеристики среды, способствующие сохранению и развитию личности, что не всегда соответствует действительности.

Сложившаяся ситуация диктует необходимость поиска, разработки и внедрения актуальных и долгосрочных мер, направленных на формирование, сохранение и укрепление здоровья детей и подростков, обеспечение защиты их жизненно важных интересов.

В связи с этим и возникла острая междисциплинарная проблема, связанная с потребностью в повышении личной безопасности ребенка, через безопасность

образовательного пространства. Обеспечить безопасность призван комплекс механизмов, состоящий из «концепции безопасности образовательного пространства», представляющей собой систему взглядов на обеспечение безопасности участников образовательного процесса от угроз для их жизни и здоровья в сфере педагогической деятельности. При этом под образовательным пространством понимается сфера общественной деятельности, в рамках которой происходит осуществление целенаправленного социокультурного воспроизводства человека, формирование и развитие личности, наращивание человеческого капитала.

Система обеспечения безопасности образовательного пространства структурируется в зависимости от объектов безопасности и характера угроз. Объекты безопасности – участники образовательного процесса: обучающиеся (воспитанники) и их родители, педагогические работники, коллектив школы в целом. Угрозы представляют собой комплекс проблем, среди которых разные авторы выделяют наиболее актуальные [1; 4; 11]:

1) утомление систем жизнеобеспечения, разрушение учебно-методической и материально-технической базы образовательных учреждений;

2) дефицит квалифицированных педагогических кадров и эффективных образовательных программ по охране здоровья, формированию в системе ценностей учащегося приоритета здоровья и безопасности. Отсутствие мировоззренческой компоненты культуры безопасности;

3) формирование молодежных субкультур деструктивной направленности, рост детской наркомании и алкоголизма, увеличение числа правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних, беспризорности и безнадзорности детей;

4) личностная виктимная дезадаптация педагогов, высокий уровень педагогической некомпетентности и эмоционального выгорания;

5) глубокое расслоение общества, приводящее к виктимизации «крайних» социальных групп (бедных и богатых);

6) отсутствие эффективной системы социальной профилактики правонарушений; недостаточная правовая грамотность и межведомственная разобщенность лиц, обеспечивающих безопасность образовательного пространства; преобладание механизмов запрета над механизмами позитивной мотивации и организации созидательной деятельности;

7) недостаточная эффективность существующей системы медицинской, психологической и социальной помощи учащимся; низкий уровень развития системы охраны труда в системе образования;

8) стойкая тенденция ухудшения качества здоровья подрастающего поколения;

9) высокий уровень потери здоровья и численности детского населения, возникающие в результате уличного, бытового и транспортного травматизма;

10) общая нестабильность общества, изменение социально-экономической структуры.

Выделим на наш взгляд основополагающие из угроз психологической безопасности.

Среди угроз так или иначе описываемых зарубежными и отечественными авторами, на первое место выступает категория психологического насилия, рассматриваемого ими как триггер, запускающий разрушение психического, а затем и физического здоровья личности. Определение насилия как способа выстраивания неравенства между людьми, реализации власти в межличностных отношениях, достаточно часто наблюдаемого в школьной среде, позволяет рассмотреть возникающее внутриш-

кольное сопротивление как важный аспект взаимодействия, приводящий к специфическим последствиям, связанных с нарушением здоровья каждого из участников образовательного процесса. Психологическая наука достоверно определила, что реализация насильственных отношений в межличностных отношениях приводит к возникновению внутреннего или внешнего сопротивления, выражающегося в специфических формах поведения, часто виктимного характера, закрепляющихся как базовые. Внешние формы сопротивления выражаются в стремлениях нарушать принятые нормы, дисциплину, демонстрировать девиантные или виктимные формы поведения. Внутренние проявляются в виде ухода от взаимодействия, самообвинения, отрицательного отношения к себе, аутоагрессии. Возникающее в результате подобных форм взаимодействия эмоциональное напряжение может провоцировать у педагогов поиск выходов из возникающей психотравмирующей ситуации, скорее деструктивного характера в виде реализации форм низко профессионального поведения. У учеников насильственная среда вызывает желание освободиться от разрушительного воздействия, покинуть школьную среду, способствует увеличению безнадзорности. Насильственная среда приводит к ограничению возможностей для самореализации ученика, что вызывает специфический комплекс установок, формирующих ощущение незащищенности, переживания разобщенности существенных связей и отношений, деформирующих личность. Яноф-Бульман (1998), рассматривая вопросы формирования внутреннего мира человека и его отношение к внешнему, отмечает, что основой такого конструкта выступают базисные убеждения о его: доброжелательности, справедливости, ценности мира и значимости собственного «Я». Именно базисные убеждения формируют чувство защищенности и доверия к миру, а в дальнейшем – ощущение собственной неуязвимости. Насилие в образовательной среде опосредует возникновение базисных убеждений связанных с негативным образом-Я, несправедливостью и жестокости мира.

Рассматривая причины возникновения насильственных отношений в образовательном пространстве школы необходимо отметить несколько детерминант, среди которых особо значимыми считаются: социально-психологическая деформация личности педагога и ученика, увеличение их виктимного потенциала; трансформация самого педагогического общения в механизм социально-педагогической виктимизации личности; влияние школьной субкультуры; нарушение здоровьесберегающих технологий в учебном процессе. Несомненно оба процесса взаимосвязаны: наличие социально-психологической деформации личности педагога вызывает использование деструктивных форм педагогического общения насильственного типа, приводя к нарушению взаимоотношений между преподавателем и учащимся, запуская механизм социально-психологической виктимизации ученика и формирование его личностных деструкций. И соответственно наоборот. По опросам разных авторов 30,1 % учащихся как первоочередную проблему, вызывающую не желание ходить в школу, озвучивают жестокость со стороны учителей; 21,2 % указывают на деспотизм педагога. Это означает, что одним из центральных направлений работы по повышению безопасности образовательного пространства станет профилактика виктимной дезадаптации педагогов, включающая в девиктимизацию личности педагога, формирование ощущение профессиональной компетентности и потоковой удовлетворенности трудом. Вторым магистральным направлением должно выступать формирование активно созидающей, социально адаптированной и психологически здоровой личности учащегося.

Немаловажную роль в виктимной деформации ребенка играют, во-первых, школьные подсистемы, членом которой он является. В этом контексте необходимо учитывать систему норм и правил конкретного учебного заведения, не вписываясь в которые, ученик приобретает виктимную деформацию за счет отвержения сверстниками [4]. Во-вторых, значимое влияние, определяя рейтинг подростка среди сверстников, оказывает полуформальная подсистема внеклассной деятельности. В-третьих, принятие ребенка сверстникам опосредует неформальная сеть дружеских подсистем, жестокость в которой многократно описана зарубежными коллегами в терминах «peer victimization».

Отсутствие здоровьесберегающих технологий также приводит к нарушению безопасности образовательной среды. Здоровьесберегающие технологии понимаются нами с опорой на подход, описанный М. Ф. Секач, как совокупность методов, сконцентрированных на задачах охраны и укрепления здоровья учащихся; создание оптимальных моделей планирования образовательного процесса, основанных на пропорциональном сочетании учебной нагрузки и различных видов отдыха, в том числе активных его форм; формирование в сознании учащихся и педагогов ценностей здорового образа жизни [9]. К серьезному ухудшению физического и психологического здоровья всех участников образовательного процесса (снижение мотивации, переутомление, возникновение апатии и депрессии) приводят современные требования и специфика организации учебного процесса, нарушение санитарно-гигиенических норм обучения, оптимального двигательного режима и т. д. Так по эмпирическим исследованиям около 70 % детей младшего подросткового возраста обнаруживают высокий уровень депрессивности.

Для сохранения здоровья участников образовательного процесса необходимо применение здоровьесберегающих технологий, направленных на эффективное планирование нагрузки, использование результативных методов обучения, пересмотр удельного веса дисциплин поддерживающих физическое здоровье детей и общую культуру, организацию системы питания, физической безопасности и т. д.

Значимой компонентой, нарушающей безопасность образовательного пространства, выступает виктимное мировоззрение его участников. Именно сформированное мировоззрение является отправным пунктом для возникновения готовности человека к виктимному или безопасному поведению. Личность виктимного типа будет воспринимать мир как враждебный, а себя рассматривать как реальную и потенциальную жертву возможных социальных опасностей [12]. Личность невиктимного типа имеет представление о существовании различных опасностей, но знает и технологии преодоления опасных ситуаций, выступая как активный субъект, способный предотвратить многие опасные ситуации. Кроме того, такая личность имеет внутреннюю готовность к преодолению или превенции возникающих рисков [Там же].

Важным вопросом в этом контексте становится формирование личности невиктимного типа, которое происходит в контексте гуманистической нравственной установки при организации обучения безопасному поведению. Обучение, основанное на принципах знания нравственных устоев, осмыслении конкретных приемов и способов безопасного поведения при возникающих контактах с носителями источников опасности.

Это означает, что в задачу формирования мероприятий, направленных на девиктимизацию, включено обучение способам безопасного поведения, основанного на

развитой нравственности при выраженной способности обеспечения личной безопасности. Такой подход позволяет проектировать систему, нацеленную, с одной стороны, на обеспечение безопасности участников образовательного процесса от угроз психическому здоровью в процессе педагогического взаимодействия. Другими словами, создать среду, в которой возможна организация благоприятных условий для обучения, воспитания и развития личности. Опираясь на анализ рисков виктимизации участников образовательной среды как основополагающие ее характеристики, обеспечивающие безопасность, можно выделить [9; 10]:

- безнасильственную систему взаимодействия участников образовательного процесса;
- опору на личностно-доверительное общение участников;
- укрепление или хотя бы сохранение психического здоровья;
- наличие системы мероприятий, направленных на предотвращение возможных угроз для развития личности;
- организацию стимулирующей образовательной среды.

Таким образом, при проектировании безопасной образовательной среды необходимо опираться на принципы системного обеспечения безопасности, включающие, с одной стороны, защиту от возможных внешних угроз физического и психологического характера, с другой – направлены на развитие социально-психологической умелости [2; 10]. Основой для конструирования безопасной среды обозначается свободное от насилия внутриличностное взаимодействие, направленное на формирование психологически здоровой личности.

Цель концепции безопасности образовательного пространства заключается в разработке комплекса организационных форм и методов деятельности учреждений образования, обеспечивающих стабилизацию показателей психологического и физического здоровья участников образовательного процесса, снижение виктимной дезадаптации, предупреждение и / или снижение последствий возможных чрезвычайных ситуаций, формирование приоритета конструктивных, позитивных ценностей, в том числе приоритета здоровья, безопасного поведения, семьи, самореализации.

Основными задачами в области обеспечения безопасности образовательного пространства являются:

- 1) разработка и внедрение нормативно-правовых, научно-методических и организационных основ деятельности системы образования по формированию безопасного образовательного пространства;
- 2) введение специальных курсов, направленных на овладение навыками безопасного реагирования, повышение личной безопасности;
- 3) наращивание опыта межведомственного, комплексного и многоуровневого подходов при формировании безопасного образовательного пространства;
- 4) повышение профессиональной компетентности в области формирования безопасности образовательного пространства;
- 5) формирования навыков безопасного поведения у самих педагогов;
- 6) внедрение в образовательное пространство мировоззренческой составляющей безопасности;
- 7) гуманизация образовательного процесса с учетом действия механизмов гуманизации.

Таким образом, безопасность образовательного пространства может быть обеспечена с помощью как минимум пяти подходов:

- создание безопасных и здоровых условий в образовательном учреждении;
- оптимальное психолого-педагогическое и медико-социальное сопровождение образовательного процесса;
- обучение основам безопасности жизнедеятельности через предметы, внеклассные, внешкольные формы обучения, а также через систему дополнительного образования;
- гуманизация педагогического общения;
- воспитание личности безопасного типа, формирование мировоззрения и культуры безопасности.

Процесс формирования культуры безопасности мы понимаем как рост, становление, интеграцию в жизнедеятельности личностных качеств и способностей, знаний и умений, обеспечивающих безопасность личности, как активное качественное преобразование личностью своего внутреннего мира, приводящее к возможности безопасной и творческой самореализации личности в любом виде деятельности.

В этом контексте целесообразно осуществлять организацию воспитательной работы с точки зрения средового подхода как недискретного в управлении воспитательным процессом, гуманистически направленного, масштабного. В качестве результата этой профилактической и коррекционной работы можно рассматривать создание в учебном заведении психологически безопасной образовательной среды.

Таким образом, психологическая безопасность образовательной среды школы является сложным структурным образованием, компонентный состав которого связан субъектом образовательного процесса.

Список литературы

1. *Баева И. А.* Психологическая безопасность в образовании: монография. СПб., 2002. 271 с.
2. *Баева И. А., Семикин В. В.* Безопасность образовательной среды, психологическая культура и психическое здоровье школьников // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. Т. 5. № 12. С. 7–19.
3. *Грачев Г. В.* Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: Изд-во РАГС, 1998. 125 с.
4. *Иовчук Н. М.* Детско-подростковые психические расстройства. М.: НЦЭНАС, 2000.
5. *Кабаченко Т. С.* Психология управления: учеб. пособие. М., 2000.
6. *Кошелева А. Д., Алексеева Л. С.* Психологическое насилие над ребенком в семье, его причины и следствия // Насилие в семье: с чего начинается семейное неблагополучие. М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2000. С. 21–69.
7. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб., 2001. 478 с.
8. *Рокицкий М. Р.* О предотвращении жестокого и безответственного отношения к детям // Права ребенка. 2001. № 1. С. 18–19.
9. *Секач М. Ф.* Психология здоровья. М.: Академический проект, 2003.
10. *Семикин В. В.* Психологическая культура в образовании человека: монография. СПб., 2002. 155 с.
11. *Сыманюк Э. Э.* Психологическая безопасность образовательной среды. Пермь: Уральский ГУ, 2005.
12. *Мошкин В.* Мировоззренческая готовность школьников к обеспечению безопасности в транспортной сфере [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 6. URL: <http://human.snauka.ru/2015/06/11508> (дата обращения: 10.03.2019).

13. *Crick N. R., Grotpeter J. K.* Children's treatment by peers: Victims of relational and overt aggression // *Development and Psychopathology*. 1996. 8:367. 380 p.

14. *Gottman J. M., Mettetal G.* Speculations about social and affective development: Friendship and acquaintanceship through adolescence. New York; US: Cambridge University Press, 1986. P. 192–237.

Малышев Владимир Сергеевич

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУКТИВИЗМА КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. Актуальность анализа психологических оснований конструктивизма как образовательной концепции в области подготовки кадров высшей квалификации связана с необходимостью оценки возможности внедрения постулируемых конструктивизмом подходов в процесс образования научно-педагогических кадров.

Цель статьи – выявить и определить психологические основания конструктивизма, отражающие психолого-профессиональные требования к выпускнику аспирантуры.

В ходе исследования был проведен анализ конструктивизма с позиций социологии и психологии на основе обзора научной литературы. Основной задачей анализа стало выделение и систематизация положений конструктивисткой концепции, определяющей ее механизмы влияния на развитие личности человека.

Второй задачей исследования стало определение требований к аспиранту, обусловленных возрастной психологией и профессиональным становлением личности. Для решения этой задачи были проанализированы научные и учебные источники по возрастной психологии, психологии высшей школы, нормативные документы образования в РФ.

В результате исследования были выделены психологические основания конструктивизма, рассматриваемого в качестве педагогической концепции, и сопоставлены с психолого-профессиональными требованиями, предъявляемыми к выпускнику подготовки кадров высшей квалификации. Исследование показало, что с психологических позиций конструктивизма личность характеризуется широтой связей с социумом и окружающим миром в целом, активностью к построению собственной реальности, уровнем развития внутренней системы оценки и осмысления реальности, готовностью к производству нового знания посредством интеллектуальных усилий, направленных на объект изучения и сопоставления их с имеющимися опытом и знаниями. В виду соответствия психологических оснований конструктивизма уровню подготовки кадров высшей квалификации сделан вывод о возможности его применения при проектировании образовательного процесса на третьем уровне высшего образования.

Ключевые слова: конструктивизм, конструкт, психологические основания, педагогическая концепция, подготовка кадров высшей квалификации.

Малышев Владимир Сергеевич – аспирант кафедры педагогики и методики начального образования педагогического факультета, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, malyshev.v@pstgu.ru, Москва, Россия

Malyshev Vladimir Sergeevich – Postgraduate student of the Department of pedagogy and methodology of primary education of the faculty of pedagogy, Orthodox St. Tikhon humanitarian University, malyshev.v@pstgu.ru, Moscow, Russia

THE PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF CONSTRUCTIVISM AS AN EDUCATIONAL CONCEPT IN THE TRAINING OF HIGHLY QUALIFIED PERSONNEL

Abstract. Problem statement. The relevance of the analysis of the psychological foundations of constructivism as an educational concept in the field of training of highly qualified personnel is associated with the need to assess the possibility of introducing postulated constructivism approaches in the process of education of scientific and pedagogical personnel.

The purpose of the article is to identify and determine the psychological basis of constructivism, reflecting the psychological and professional requirements for graduate students.

Methodology. The study analyzed constructivism from the standpoint of sociology and psychology on the basis of a review of scientific literature. The main task of the analysis was to identify and systematize the provisions of the constructivist concept that determine its mechanisms of influence on the development of human personality.

The second objective of the research is to define the requirements to graduate, due to the age and psychology of professional formation of the personality. To solve this problem, scientific and educational sources on age psychology, psychology of higher education, normative documents of education in the Russian Federation were analyzed.

Main achievements and conclusions. As a result of research psychological bases of the constructivism considered as the pedagogical concept were allocated and compared to the psychological and professional requirements imposed to the graduate of training of highly qualified personnel. The study showed that from the psychological standpoint of constructivism personality is characterized by the breadth of relations with society and the world as a whole, activity to build their own reality, the level of development of the internal system of evaluation and understanding of reality, the willingness to produce new knowledge through intellectual efforts aimed at the object of study and comparison with existing experience and knowledge. In view of the correspondence of the psychological bases of constructivism to the level of training of highly qualified personnel, the conclusion of the possibility of its application in the design of the educational process at the third level of higher education is made.

Keywords: constructivism, construct, psychological bases, pedagogical concept, training of highly qualified personnel.

Конструктивизм, в качестве теоретического подхода к построению образовательного процесса, занимает особое место в парадигме современного образования. Место нахождения человека в центре постоянно изменяющегося мира позволяет педагогике сделать два важнейших вывода: о принципиальной важности для каждого индивида его собственного восприятия окружающего мира и о том, что это восприятие, суть внутренний мир человека, до конца непознаваемо извне (Е. С. Полат). Такая позиция в образовании означает приоритет активного познавательного процесса. С точки зрения педагогики конструктивизма познавательная деятельность заключается в «активных интеллектуальных действиях обучающегося, в ходе которых он применяет свои опыт и знания для осмысления нового знания» [6, с. 40]. Как уточняет Ф. Н. Козырев, «принятие установок конструктивизма в гуманитарном образовании, означает переключение с целей понимания... на цели развития и формирования» [4, с. 239]. Конструктивистский подход в образовании созвучен с такими актуальными направлениями в педагогике как личностно-ориентированный подход, деятельностный подход, дистанционное образование

(Е. С. Полат), образовательное взаимодействие в информационной среде (И. В. Роберт), построение виртуальных образовательных сред (Тассос А. Микропулус, Антонис Натсис). Конструктивизм в педагогическом осмыслении подразумевает формирование нового знания в результате активной познавательной деятельности обучающегося в опоре на имеющиеся у него опыт и знания, мотивацию и понимание им образовательных целей и способов их достижения, активное взаимодействие обучающегося с окружающими и со средой в целом. Таким образом, создаются предпосылки для применения конструктивизма в построении образовательного процесса в подготовке кадров высшей квалификации. Одна из целей образовательного процесса, направленного на подготовку научно-педагогических кадров сформулирована как «Исследователь. Преподаватель-исследователь» [7]. Чтобы наиболее полно понимать механизмы действия конструктивизма в образовательном процессе, важно обратиться к его анализу с позиций социологии и психологии.

Рассматривая позиции конструктивизма в социологии, обычно обращают внимание на «трактат по социологии знания Социальное конструирование реальности» П. Бергера и Т. Лукмана [1]. В книге подробно анализируется процесс создания человеком социальной реальности и встречный процесс – влияние реальности на развитие человека. Рассмотрение социологии знания с конструктивистских позиций объясняется тем, что понятия «реальность» и «знание» социально относительно и зависят от конкретного социума. Главным вопросом социологической теории, по мнению Бергера и Лукмана, становится то, каким образом «субъективные значения становятся объективной фактичностью» [Там же, с. 37]. Ответ на этот вопрос позволит правильно понять реальность социума в общем и в частности. Человек обладает собственной природой, но гораздо более важным является то, что человек «конструирует свою собственную природу» [Там же, с. 84] в социологическом аспекте, т. е., имея собственную природу и находясь в социуме, человек продолжает конструировать «самого себя», оказывая влияние на окружающую реальность и воспринимая ответное влияние извне. Отсюда вытекает один из главных принципов социального конструирования реальности, предлагаемый Бергером и Лукманом: общество – это «непрерывный диалектический процесс, основывающийся на экстернализации, объективизации и интернализации» [Там же, с. 212]. Человек в ходе развития сообщает новое знание обществу – экстернализация, в котором оно «обрабатывается», приобретая аспекты, соответствующие этому конкретному обществу, становится его достоянием – объективизируется, далее человек принимает знание в «объективизированном» виде, соотнося с имеющимся у него знанием и опытом, – интернализация. Стоит отметить, что интернализация, т. е. усвоение сознанием объективизированного социального мира, происходит в процессе социализации. Рассмотрение механизмов социализации лежит за рамками нашего исследования. Однако отметим, что Бергер и Лукман разделяют социализацию как процесс на первичную и вторичную. Последовательный способ рассмотрения процесса социализации сложен из-за необходимости учета всех внешних факторов, влияющих на первый или второй порядок социализации. «Модульный» принцип изучения процесса социализации человека, разработанный А. В. Мудриком и его последователями (Т. В. Складярова, М. В. Воропаев, В. А. Плешаков и др.), позволяет учитывать и оценивать все возможные факторы социализации на протяжении всей жизни человека.

Взаимовлияние индивидуума и социума в процессе конструирования реальности (диалектический характер общества по Бергеру и Лукману) является основой для концепции «социального конструкционизма». В рамках этой концепции перво-

степенную роль в конструировании реальности занимает дискурс. Как уточняет А. М. Улановский, дискурс становится первостепенным в отношениях между людьми, происходит отказ от абсолютных истин, эталонов; создается предпосылка к социальному преобразованию людей [11]. Современные исследователи отмечают влияние психологических теорий на становление и понимание конструктивизма (А. М. Улановский, М. В. Фаликман). В частности, подчеркивается прямое влияние культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, самим понятием «социальная ситуация развития» подчеркнувшего необходимость рассматривать становление психики ребенка только в контексте взаимодействия со взрослым и с социокультурной средой [12].

Анализируя конструктивизм с позиций психологии, обратим внимание на теорию личности Дж. Келли, американского психолога середины прошлого века [3]. Основой теории Дж. Келли является положение о том, что человек имеет систему личностных конструктов. Конструкты имеют биполярную природу представления о вещах. Фактически, система конструктов – это отношение к миру, основанное на его репрезентации, создаваемой человеком и постоянно соотносимой с реальностью. Дж. Келли метафорически называет каждого человека ученым, стремящимся к предсказанию, которое он способен сделать на основании своего представления о мире, т. е. отношения к нему. Важной характеристикой конструктов Келли называет антиципацию, т. е. предвосхищение, предугадывание. По мнению автора, все психологические процессы человека направляются по каналам предвосхищения, предугадывания событий. Таким образом, антиципация является и «толчком и тягой психологии личностных конструктов» [3, с. 69]. Теория Дж. Келли подчеркивает необходимость активной позиции человека по отношению к миру, описывая благоприятные условия появления новых конструктов: «использование новых элементов, экспериментирование, возможность получения подтверждающих данных» [Там же, с. 207]. Несмотря на расхождения в происхождении термина «конструктивизм» с позицией социологии знания (не от слова «конструировать», а от слова «конструкт»), две теории сходятся в главном – «доступ к личным конструктам обнаруживается через понимание культуры, в которой они сложились» [Там же, с. 230].

Основоположителем конструктивизма в психологии называют Ж. Пиаже, рассматривавшего развитие интеллекта ребенка как постоянную перестройку психических процессов, обуславливаемую одновременно и «биологическим созреванием и опытом взаимодействия со средой» [12]. А. М. Улановский прямо указывает на связь идей конструктивизма с отечественной психологией [11]. Как уже было сказано выше, Л. С. Выготский также стоит у истоков конструктивистской теории. Рассматривая аспекты развития личности, Выготский выявил взаимосвязь и взаимовлияние биологической эволюции и историко-культурного развития общества. Так, выделяют три основных идеи Л. С. Выготского, повлиявших на развитие конструктивизма [Там же]. Во-первых, высшие психические функции человека, являются внутренним (перенесенным внутрь) отражением отношений между людьми. Выготский считал, что «история культурного развития ребенка приводит нас к истории развития личности» [2, с. 245]. Человек, находясь внутри общества, внутри определенной культуры, развивается в историческом контексте. В ходе этого развития могут изменяться способы и приемы поведения; трансформироваться задатки и функции, заложенные природой; эти изменения приобретают специфику соответствующей культуры. Во-вторых, восприятие, мышление, запоминание символически опосредованно. Знаки языка, речь расчленяют восприятие ребенка, вы-

деляя «опорные пункты», которые уже не воспринимаются прямо, но подвергаются анализу, и таким образом «натуральная структура» воспринимаемого объекта заменяется «сложной, психологически опосредованной» [2, с. 1077]. В-третьих, психика играет ключевую роль в восприятии и конструировании внутреннего мира тем, что посредством нее действительность адаптируется субъектом, в том числе и для возможности действия [11].

Содержание конструктивистских процессов в развитии личности также раскрывается в принципах психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева [5]. Он полагал, что одним из наиболее важных факторов, обуславливающих ситуацию развития человеческого индивида, является «опосредованный характер связей ребенка с окружающим миром» [Там же, с. 207]. Для формирования у субъекта образа о вещи внешнего воздействия недостаточно, также важен и встречный процесс со стороны субъекта. Совокупность отношений человека к миру является «базисом его личности», эти отношения реализуются деятельностью человека, под которой понимаются исходные данные для ее психологического анализа. Это означает связь между формированием личности с развитием процесса целеобразования и соответствующих действий субъекта. Действия субъекта, развиваясь и «обогащаясь», выходят за рамки соответствующих деятельностей (исходных данных для психологического анализа), реализуемых ими. Таким образом, действия субъекта перестают соответствовать обусловившим их мотивам (возрастная психология описывает это как кризисы). В результате происходит сдвиг мотивов на цели, иерархия которых также меняется, вырабатываются (рождаются) новые мотивы и новые виды деятельности, обуславливаемые ими [Там же]. Леонтьев подчеркивает, что перевороты в прошлом личности, производит не сознание (оно опосредствует их); производятся же перевороты действиями, часто внешними. Таким образом, Леонтьев выводит три основных параметра личности: «широта связей человека с миром, их иерархизованность, общая их структура» [Там же, с. 217].

Оценивая психологические основания конструктивизма в качестве образовательной концепции, применяемой в подготовке кадров высшей квалификации, необходимо понять какие требования предъявляются к образовательным результатам на этом уровне, а также психологические особенности обучающихся, обусловленные их возрастом.

В настоящее время в российской системе образования существуют три уровня высшего образования, третий из которых направлен на подготовку кадров высшей квалификации. Федеральными государственными стандартами (ФГОС) регламентированы требования к организации обучения по программам аспирантуры, адъюнктуры, ординатуры и ассистентуры. Рассмотрим подробнее на примере ФГОС аспирантуры по направлению 44.06.01 «Образование и педагогические науки» [7]. Результатами обучения, согласно ФГОС, являются подготовка научно-квалификационной работы (диссертации) на соискание кандидата наук, квалификация «Исследователь. Преподаватель-исследователь», а также ряд компетенций (универсальных, общепрофессиональных). Также ФГОС регламентирует обязательное формирование профессиональных компетенций у выпускника аспирантуры, которые формулируются не ФГОС, а образовательной организацией. Проанализировав содержание компетенций, приведем требования к выпускнику аспирантуры, оставив в стороне уровень владения профессиональными знаниями и методологией. Поми-

мо подготовленной диссертации и квалификации «Исследователь. Преподаватель-исследователь», выпускник аспирантуры должен обладать:

- способностью и навыками критического анализа и оценки на уровне научных достижений, в том числе и в междисциплинарных областях;
- целостной системой научного мировоззрения и способностью проектировать и организовывать комплексные исследования с ее применением;
- способностью решать задачи собственного профессионального и личностного развития, организовывать работу научно-исследовательского коллектива.

Возрастной диапазон учащихся в аспирантуре достаточно широк. В рамках нашего исследования ограничим его в пределах от 22 до 35 лет. Принимая во внимание данные разных исследователей, этот диапазон укладывается в период молодости, первого взрослого периода жизни человека [10]. Исследователи сходятся во мнении, что молодость является основным и «наиболее ценным в социальном плане» возрастом [Там же, с. 301]. Т. В. Склярова приводит слова В. И. Слободчикова, по мнению которого человек в этом возрасте максимально работоспособен, достигает максимума в своем психофизическом развитии, способностях к творческой деятельности, преобразованию мира и себя самого. Человек на этапе молодости также достигает максимума в широте социальных связей, включаясь во все виды социальной, профессиональной жизни. Б. Ливехуд подтверждает активную позицию человека в конструировании собственной реальности, говоря, что деятельность в молодости – это проецирование во вне внутренней психической структуры [Там же]. Для периода молодости характерно и профессиональное становление личности. Психологические особенности этого явления широко исследуются и используются при построении образовательного процесса (И. В. Охременко, В. П. Полуянов, Э. Ф. Зеер и др.). Профессиональное становление личности рассматривается психологией как процесс прогрессивного изменения под влиянием социокультурной среды и собственной активности индивида [8]. Э. Ф. Зеер представляет профессиональное развитие личности как траекторию, формируемую в результате взаимодействия возрастных изменений, системы непрерывного образования, ведущей профессионально ориентированной деятельности [Там же].

Подводя итоги, выделим основные положения психологии развития личности, соответствующие конструктивистской концепции.

1. Человек конструирует себя в социологическом аспекте, находясь в процессе взаимовлияния с окружающим миром.

2. Восприятие человеком действительности обуславливается системой личностных конструктов, имеющих биполярную природу, возникающих и развивающихся на протяжении всей жизни. Вариативность осмысления реальности зависит от уровня сложности системы конструктов.

3. Развитие личности обусловлено историей культурного развития. Внутри определенной социокультурной среды поведение, задатки и функции человека подвержены изменениям и восприятию особенностей среды.

4. Внутренний мир субъекта конструируется в ходе адаптации к действительности его психикой в результате активного интеллектуального воздействия на вещи.

5. Личность характеризуется широтой связей с окружающим миром, их иерархизированностью, имеющих общую структуру.

Требования к развитию личности на этапе профессионального становления в ходе образовательного процесса подготовки кадров высшей квалификации характеризуются высокой самоорганизованностью, способностью к проведению и ор-

ганизации комплексных исследований, генерированию нового знания в результате интеллектуальных усилий и соотнесения с имеющимся опытом. Таким образом, имеющиеся психологические основания конструктивизма применимы в контексте рассмотрения его как педагогической концепции в подготовке кадров высшей квалификации.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.
2. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.; Тверь: Смысл: Эксмо: Тверской полиграфкомбинат, 2006. 1134 с.
3. Келли Дж. Теория личности: психология лич. конструкторов / пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексева. СПб.: Речь, 2000. 248 с.
4. Козырев Ф. Н. Идеи конструктивизма в гуманитарном образовании [Электронный ресурс] // Вестник РХГА. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-konstruktivizma-v-gumanitarnom-obrazovanii> (дата обращения: 28.02.2019).
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 303 с.
6. Педагогические технологии дистанционного обучения: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим специальностям (ОПД.Ф.02 - Педагогика) / под ред. Е. С. Полат. 2-е изд., стер. М.: Академия, 2008. 391 с.
7. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.06.01 «Образование и педагогические науки (уровень подготовки кадров высшей квалификации)»: Приказ министерства образования и науки РФ от 30 июля 2014 года № 902 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/57505291/> (дата обращения: 28.02.2019).
8. Психология и педагогика высшей школы: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. И. В. Охременко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 189 с.
9. Роберт И. В. Теория и методика информатизации образования: психолого-педагогический и технологический аспекты. М.: Бином. Лаб. знаний, 2014. 398 с.
10. Склярова Т. В., Носкова Н. В. Возрастная психология для социальных педагогов: учебное пособие для студентов пед. специальностей / под общей ред. Т. В. Скляровой. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 316 с.
11. Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 35–45. 2009. URL: <https://www.hse.ru/data/272/918/1239/Ulanovsky%20Constructivism,%20radical%20constructivism,%20social%20constructionism.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).
12. Фаликман М. В. Методология конструктивизма в психологии познания [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 48. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1305-falikman48.html> (дата обращения: 25.03.2019).
13. Mikropoulos T. A. Educational virtual environments: A ten-year review of empirical research (1999–2009) // Computers & Education. 2011. № 56. P. 769–780.

УДК 303.1,316.422,141.201

Большунов Андрей Яковлевич

Тюриков Александр Георгиевич

«ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ» БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКОМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. Предмет исследования – модусы бытия людьми. Цель работы – показать, что отношения между модусами бытия людьми в эпоху глобальных трансформаций являются источником пестрой феноменологии постмодерна. В работе раскрывается и обосновывается тезис, что люди всегда находятся в ситуации бытия в двух модусах существования людьми, один из которых представлен классическими субъектно-ориентированными «сферическими» онтологиями, а другой объектно-ориентированными сетевыми, ризомными онтологиями. На протяжении большей части истории сетевые онтологии находились в тени, но со второй половины XX века начинают доминировать, выходят на первый план, следствием чего становится деконструкция, демонтаж традиционных форм субъектно-ориентированного модуса бытия людьми. Этот катаклизм, крах сферических онтологий является источником феноменологии постмодерна.

Ключевые слова: модусы бытия людьми, глобальные трансформации, сети, модерн, постмодерн.

Bolsunov Andrey Yakovlevich

Tyurikov Alexander Georgievich

«ONTOLOGICAL AMBIGUITY» OF BEING A MAN IN THE MODERN WORLD

Abstract: The subject of the study is the modes of being people. The aim of the work is to show that the relationship between the modes of being people in the era of global transformations are the source of the variegated phenomenology of postmodern. The work reveals and substantiates the thesis that people are always in a situation of being in two modes of existence by people, one of which is represented by classical subject-oriented “spherical”

Большунов Андрей Яковлевич – кандидат психологических наук, доцент, директор Центра социальной экспертизы и развития, ФГБОУ ВО «Финансовый университет», andrey.bolshunov.1955@gmail.com, Москва, Россия

Тюриков Александр Георгиевич – доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии, истории и философии, ФГБОУ ВО «Финансовый университет», t-ag2013@yandex.ru, Москва, Россия

Bolsunov Andrey Yakovlevich – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Director of the Center for Social Expertise and Development of the Financial University, andrey.bolshunov.1955@gmail.com, Moscow, Russia

Tyurikov Alexander Georgievich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology, History and Philosophy of the Financial University, t-ag2013@yandex.ru, Moscow, Russia

ontologies, and the other by object-oriented network, rhizome ontologies. For most of the history, network ontologies were in the shadow, but from the second half of the 20th century they began to dominate, come to the fore, resulting in deconstruction, dismantling of traditional forms of subject-oriented mode of being human. This cataclysm, the collapse of spherical ontologies, is the source of the postmodern phenomenology.

Keywords: modes of being human, global transformations, networks, modern, postmodern.

Статьей открывается серия публикаций, предметом которых будут процессы социогенеза, гомогенеза, социальной дифференциации и интеграции в эпоху глобализации и постмодерна. В первой статье серии мы обсудим источники происходящих ныне трансформаций, которые извечно таились в модусах бытия людьми. Статья перенасыщена цитатами, и сделано это с дидактическим умыслом проиллюстрировать контрастность репрезентаций модусов существования и ингредиентных им языков.

Бытие людьми

«Человек – единственное (существо) ... нормальным состоянием [которого] является то, которое соответствует его сознанию и *должно быть создано им самим*» [1, с. 510]. Своеобразие людей состоит в том, что они создают для себя миры (сферы) своего бытия людьми как свою «вторую природу» [2; 3]. Люди, пишет П. Слотердаjk, «исполняют обязанности своего рода стихийных архитекторов по интерьеру [сфер, миров своего бытия людьми] ... дизайнеров своего собственного, наполненного релевантными объектами внутреннего пространства» [4, с. 83–84]. Люди, по П. Слотердаjку, являются спонтанными онтологами, занятыми работой по созиданию, обустройству и дизайну миров своего бытия людьми: «люди существуют как нетривиальные онтологические машины» [Там же, с. 141].

Основной тезис статьи заключается в том, что, создавая миры бытия людьми, люди оказываются в ситуации двух модусов существования. Первый очерчивается классическими «сферологическими», субъектно-ориентированными, центрированными онтологиями (мирами), второй «актантно-ризомными», объектно-ориентированными, сетевыми онтологиями. Двусмысленность, о которой пойдет речь, связана не с тем, что, творя «миры своего бытия людьми», люди остаются и природными существами, «животными». Мы не усматриваем в этом проблемы – в том смысле, что «укрощение плоти» является механизмом нормального функционирования тех «онтологических машин», о которых говорит П. Слотердаjk («Всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим» говорит апостол Иаков в Соборном послании). Двойственность бытия людьми, о которой мы говорим, является характеристикой самой «второй природы» человека – речь идет о двух модусах бытия людьми. Это модусы субъектно-ориентированных и объектно-ориентированных онтологий, первым из которых посвящен трехтомный труд П. Слотердаjка «Сферы», а вторые разрабатываются ныне акторно-сетевой теорией (АСТ), в первую очередь Б. Латуром («An Inquiry into Modes of Existence An Anthropology of the Moderns»). Следует отметить вклад в исследование объектно-ориентированных технологий и разработку АСТ Г. Хармана (Государь сетей: Бруно Латур и метафизика), М. Каллона (Акторно-сетевая теория), А. Barry (Political Machines. Governing a Technological Society), J. Law (After Method: Mess in Social Science Research), А. Mol (The Body Multiple: Ontology in Medical Practice).

Примером обсуждаемой двойственности являются города. С одной стороны, «любой город был – хотел быть – отдельным мирком» [5, с. 459]. П. Слотердайк тщательно обосновывает тезис, что древнейшие города были мирами, а не узлами каких-либо сетей. «Город стоит как воплощенная в постройках претензия на истину, значимость и прочность; он стремится стать выражением неколебимого бытия, в своей спокойной грандиозности остающегося зримым и для второго, и для третьего взгляда; он хочет сохранить свою реальность даже для самого последнего взгляда» [6, с. 267]. «Тот, кто живет в таком городе, обживает гипотезу вечности» [Там же, с. 268]. «Город [возник] как ответ на «макросферологический вызов, без которого никогда не было бы эффективного строительства городов» [Там же, с. 274]. «Колоссальное в древнемесопотамском городе-царстве проявляется в уверенности, что все окруженное стеной пространство можно выстроить как одно-единственное одушевленное внутреннее пространство и удерживать его в определенной форме. Технически здесь начинается эксперимент “мировая душа”» [Там же, с. 271]. «Строители стен создают четкое обрамление города как образ замкнутой на себя тотальности и заключают героическое богатство в строго очерченные границы» [Там же с. 132]. «Таким образом, они строят своего рода идею целостности; они делают зримым масштабное включение людей в одушевленное мировое тело» [Там же, с. 306]. «Их миссия состояла в следующем: они посвящали свои жизни на сооружение священного контура города, предназначенного засвидетельствовать, что все существующее может содержаться в единой форме» [Там же, с. 307]. Суть «религиозно-феноменологических достижений города – его способности создавать внутреннее пространство» [Там же, с. 275]. «Город возникает как проект сооружения резиденции оседлого Бога – не только его изолированного трона, но и добавляющегося к нему единственно подходящего окружающего мира: к дворцу – космоса, к царю-богу – царства. Благодаря сооружению храма, дворца и прилегающих к ним построек для ремесленников, работников и рабов создается не что иное, как внутримировое пространство для присутствующего Бога, макросфера, в которой может осуществиться его притязание на божественно-царственный статус – всегда-у-себя-внутри-бытие» [Там же, с. 275–276]. «Городской Бог проявляет свою сущность в великолепно укрепленных стенах и башнях, ибо в них постоянное присутствие силы соединяется с продолжительным пребыванием в зримости. Сила стены и башни – это чистое постоянное Теперь. Тот, кто видел башни Урука и, еще ранее, стены Иерихона, стал очевидцем своего рода теологической революции. С возникновением месопотамских городов-царств начинается новая глава истории откровения. Ведь здесь Бог стал стеной, и он живет среди нас в той мере, в какой мы обитаем внутри ее. Тот, кто живет в таком городе, обживает гипотезу вечности» [Там же, с. 268]. «Если город должен быть миром, то для предприятия такого масштаба требуется, чтобы Бог превратился в стену» [Там же, с. 271]. «В этой пространственной формуле заключена сферологическая тайна успеха всемирно-исторической архитектурной фигуры города. Внутри древнейший город должен быть герметичен, подобно ковчегу Бога, отмечающего своих чад знаком особенного предпочтения; снаружи же он должен утверждаться с помощью триумфальных стен и господствующих башен, дабы уничтожить любое сомнение в своем праве находиться на этом видном месте и из него распространять свою укрывающую сень» [Там же, с. 260]. «В некотором роде [архаичный] город есть приставший к берегу ковчег», своего рода «ноев союз» [Там же, с. 259, 251]. «Концепция ковчега (Arche) ... демонстрирует нам самую радикальную в сферологическом отношении идею, на ко-

тору были способны люди на пороге рождения высокоразвитой культуры: именно искусственный, выдуманный внутренний мир при определенных обстоятельствах может стать для своих обитателей единственно возможным окружающим пространством» [6, с. 246].

М. Вебер также замечает, что «и развитой античный полис, и средневековый город представляли собой прежде всего союз, основанный на братстве, соответствующим религиозным символом которого служил в глазах горожан городской бог или святой» [7, с. 365].

При этом «города оказывались включены в системы городов, которые функционировали вокруг какого-нибудь “города-солнца” <...> Повсюду города образовывали иерархию <...> Крупный город с необходимостью предполагает окружение из городов второстепенных» [5, с. 470]. Таким образом, города создавали государства с четко очерченными пространственными границами, являвшимися продуктом политической (подданные, граждане), социокультурной («национальные государства») и социальной («он *хоть и сукин сын, но наш сукин сын*») лимологии (от лат. *limes* – «граница»).

С другой стороны, «города... создавали между собой сеть связей, расширенную до мирового масштаба» [Там же]. О двойственности городов говорит и М. Вебер: «Следует считать обычным, что первоначально город... является одновременно местопребыванием господина или князя и местом рынка, обладает в качестве экономических центров оikosом и, наряду с ним, рынком» [7, с. 337].

На первый взгляд, это представляется непримечательным, тривиальным обстоятельством. Но только до осознания того, что речь идет о двух модусах существования городов, пересечении двух онтологий. «Если бы мы вообразили, что современные государства упразднены, а торговые палаты городов вольны действовать по своему усмотрению, то нам бы довелось увидеть многое. Города совершенно “взрывали” политическое пространство» [5, с. 475].

Исторически «всякий раз при подъемах существовало два “бегуна”: город и государство. Государство обычно выигрывало, и тогда город оставался подчиненным его тяжелой руке», но в конечном итоге города «перехитрили государство <...> Города через ... нервную сеть городских перевалочных пунктов вели собственную экономическую политику», и «начиная с 1857 г., с прокладкой первого межконтинентального океанского кабеля... пространство потерпит поражение. Железная дорога, паровое судно, телеграф, телефон... создадут настоящие массовые коммуникации в мировом масштабе» [6, с. 475, 378].

К концу XX в. сети одержали решительную победу над сферами. «Глобальное», подразумеваемое глобализацией, это не сфера, это «внешнее». «Глобальное» – клубок сетей, которые не знают границ: фантастика продолжает их и за пределы Земли и Солнечной системы. И это «глобальное» повергает в шок. Б. Паскаль одним из первых пережил этот шок перед лицом безграничной Вселенной – образа, который был экстраполирован сетевой по своей сути Наукой. Современный город это уже не *arche* П. Слотердайка, это узел не знающих границ сетей. Наглядной иллюстрацией этого тезиса является деградация и дефицит «соседских отношений» и иных традиционных для города форм социальной интеграции. Это не «город соседей», а город «деловых коллективов», акторов различных сетей. В течение XX в. совершилась трансформация города-ойкоса (ноева ковчег) через «город-предприниматель» [8] в «город-узел сетей» (местоположение в сетях), что нашло выражение в концепции «креативного города» [9] и воплощение в мегаполисах.

Сферы терпят крах

Под напором сетевых онтологий сферы терпят крах. Характеризуя современность, П. Слотердайк пишет, что мы живем в эпоху краха локальных онтологий, превращения сфер в «пузыри», «пену» [10].

«Тот, кто живет сегодня, после Магеллана, вынужден и свой родной город проецировать как некую воспринимаемую извне точку. Превращение Старого Света в совокупность местонахождений отражает новую глобальную действительность, ставшую явной после кругосветного путешествия. Местонахождение – это то место в представляемом мире, в котором местные обитатели рассматривают себя в качестве обьятых извне; в нем те, вокруг кого совершаются путешествия, возвращаются к самим себе. Самым примечательным в этом процессе является то, что огромное число жителей Европы в течение целой эпохи умудрялись его игнорировать, отрицать и тормозить, и лишь в конце XX столетия они начали вести себя так, словно у них появились некие совершенно новые причины обратить внимание на неслышанный феномен глобализации. Однако после 1522 года возможность путешествия вокруг Земли становится совершенно неоспоримой. И, несомненно, следующее: чем обыденнее и быстрее становятся кругосветные путешествия, тем дальше заходит *превращение жизненных миров в местонахождения* (курсив наш. – А. Г., А. Я.), и вследствие этого в эпоху скоростного транспорта и сверхскоростных средств передачи информации демистификация старых локальных иммунных структур начинает восприниматься как эпидемическое и массовое явление. Развиваясь, глобализация слой за слоем снимает иллюзорные покровы с жизни, привязанной к определенной почве (к дому), ориентированной на самое себя и черпающей из самой себя спасительные силы. Ранее эта жизнь пребывала только у себя самой и на своих родных ландшафтах <...> и она знала только одно устройство мира: это был самосохраняющийся мир, связанный с родной местностью, микросферически одушевленный и макросферически окруженный стеной... Теперь же глобализация, повсюду несущая внешнее, выбрасывает открытые для торговли города, а в конечном счете и интровертные деревни, в гомогенизирующее коммуникативное пространство. Она взрывает дикорастущие эндосферы и собирает их в отчуждающую сеть. Пойманные в нее поселения привязанных к Земле смертных утрачивают свою древнейшую привилегию быть для самих себя центром мира. В этом смысле история Нового времени... есть не что иное, как история революционного преобразования пространства во внешнее. Она ведет к катастрофе локальных онтологий. В ее ходе все без исключения... страны становятся местонахождениями на поверхности шара, а все города, деревни и ландшафты трансформируются в транзитные пункты неограниченного движения капиталов, которые в своей пятикратной метаморфозе предстают в виде товара, денег, текста, образа и известности» [6, с. 831–833].

Два модуса существования: сферы и сети. Уже первобытной общиной (деревней, поселением) очерчивается некий круг бытия людьми, (на Руси деревню (общину) называли миром) и не случайно слово «люди» было самоназванием множества этнических групп. Это круг, в котором люди – непосредственно или опосредованно (через институты) – находятся в распоряжении друг друга, и поэтому «демонстративно беззащитны» друг перед другом: они спят среди соплеменников, не ходят по деревне вооруженным и т. д. Соответственно, этот круг очерчивается «радиусом доверия». Это круг, в котором вещи и отношения между людьми обретают человеческий смысл, и люди обращаются с ними сообразно с их смыслом. Поскольку же эти смыслы должны быть конституированы и легитимированы как интересубъективное

пространство смыслов, круг приобретает характер сферы, т. е. миры бытия людьми получают вертикальное (символическое) измерение. «Онтология шара предоставляет смертным место в совершенном мире» [6, с. 34], при этом посредством всесторонней лимологии онтологические сферы «пространственно инсталлируются» [10].

Сферические онтологии являются субъектно-ориентированными. Во-первых, миры являются центрированными (поэтому, собственно, они и имеют форму сфер). Субъект как центр логически предпосылается мирам как условие осмысленности миров и всего, что в них происходит. Субъект есть то, отношением к кому (в отношениях с кем) события, вещи имеют смысл. Абсолютный субъект (Бог) предпосылается миру как логическое условие его тотальной осмысленности. Поэтому логик Д. Чалмерс, которого никак не упрекнешь в религиозности, пишет: «Полезно мыслить логически возможный мир как мир, который был бы в силах при желании создать Бог» [11, с. 57]. Например, только если есть Бог, болезнь может иметь смысл – испытания, искушения, наказания и т. п. В «безбожном (децентрированном) мире» болезнь только следствие, инфекция как событие жизни, она бессмысленна. В сферических онтологиях люди наделяются субъектностью (как подобия Бога), субъектность им атрибутируется вместе с экзистенциальными характеристиками, в соответствие с которыми они должны себя привести (например, «свобода воли», «ответственность» и т. п.): «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». Субъектность, во-первых, выражается в способности распорядиться другими и собой, обстоятельствами своей жизни, самой жизнью сообразно с их смыслом. Во-вторых, поскольку мир есть Целое (Сфера), человек может действовать по отношению к Целому с трансгредивной ему позиции, и это второе выражение субъектности. Субъектность может атрибутироваться не только людям, но, например, государству, капиталу, науке – тогда возникает феномен субститута субъектности, отношением к которому как центру мира смыслы и сферы в целом деформируются.

Все сферические онтологии, претендуя на тотальность, являются «локальными» (П. Слотердаик называет их «островами», «ковчегами», «ноевыми союзами» и т. п.). «Мир» означает не «все, что есть», а «все, что может удерживаться единой формой или единой осознаваемой границей» [6, с. 195].

В отличии от Миров Сети.

– Не имеют границ, всегда могут быть экстраполированы. С точки зрения сетевых онтологов «нет такой вещи как область», причем не только в смысле пространственно очерченных миров, но и в смысле «областей Науки, или Закона, или Религии или Экономики»; что действительно есть, это сети [12, с. 30].

– Децентрированы (лишены «мозга», располагают только «ганглиями»); в сетях могут быть «центры», иерархически приподнятые над другими, но и они остаются, по сути, «ганглиями». Б. Латур называет такие центры «Pivot Table», что можно перевести как «опорные таблицы», «оси поворота» или «столы», функционирующие на основе «сводных таблиц» (иногда переводят как «центр вычислений, который удерживает, перемещает или пунктуализирует всех остальных» [13, с. 192]).

– Заменяют субъектность агентностью. Из субъектов люди превращаются в посредников, медиаторов функционирования и распространения сетей. Б. Латур называет сети «онтологией медиаторов» [14, с. 158]. «Нет имманентности [а значит и трансгредивного Целому субъекта – Авт.], <...> существуют только сети, агенты, актанты» [Там же, с. 209]. «Актор-сеть – это то, что приводится в действие большой звездообразной паутиной втекающих и вытекающих посредников. Она существует благодаря своим многочисленным связям: подсоединения первичны, акторы

вторичны» [15, с. 303]. Б. Латур использует метафору куклы-марионетки, но здесь нет одного кукловода, все «дергают за нитки» друг друга. При этом агентностью люди располагают на равных правах и условиях с «объектами». Очевидным примером «нечеловеческих агентов» являются машины – они действуют; агентность вещей наиболее зримо обнаруживает себя в технологиях. АСТ «аннулировала дистанцию [между субъектом и объектом], практикуя нечто прямо противоположное, меряя людей и вещи одним и тем же аршином, под видом посредников умножая медиаторов» [14 с. 125].

– Трансгредидентность в сетевой онтологии невозможна, поскольку сеть не имеет характера Целого. Сеть характеризуется только длиной, но ничто не мешает тому, чтобы она была продолжена, экстраполирована.

– Сети «состоят из отдельных мест, организованных в последовательность подключений, которые пересекают иные места и которые нуждаются в новых подключениях, чтобы получить распространение» [Там же, с. 195]. В каждом месте (узле сети) складываются своего рода «коллективы», вследствие чего агенты становятся «миростроителями», и эти миры строятся в соответствии с «антропологическими матрицами» сфер. «Как я уже говорил, с точки зрения сравнительной антропологии, все эти коллективы схожи друг с другом в том, что они одновременно распределяют, что в будущем станет элементами природы и что в будущем станет элементами социального мира. Никто никогда не слышал о коллективах, которые не задействовали бы небо, землю, тела, блага, право, богов, души, предков, силы, зверей, верования, вымышленные существа... Такова старая антропологическая матрица, которой мы никогда не покидали» [Там же, с. 182]. Но эти миры – пузыри, пена – они подобно надстройкам К. Маркса не имеют самостоятельного существования, они априори временные. «Любое положение в пене, – замечает П. Слотердаjk, – означает относительное слияние панорамного зрения и слепоты в отношении своего собственного пузыря; всякое бытие-в-мире, понятое как бытие-в-пене, открывает просвет в непроницаемое» [10].

Обратимся к языку сетевых онтологов.

Б. Латур подчеркивает, что акторно-сетевая теория (АСТ) «имеет мало общего с исследованиями социальных и технических сетей <...> техническая сеть (в инженерном смысле) является лишь одним из возможных состояний актор-сети» [13, с. 174–175]. «АСТ – это смена метафорики для описания сущностей: нити (или ризомы, по Делёзу) Точнее, это смена топологии. Вместо мышления в терминах поверхностей (двухмерных) или сфер (трехмерных) предлагается мыслить в терминах узлов, имеющих *столько измерений, сколько* у них соединений. В первом приближении АСТ заявляет, что нововременные общества не могут быть описаны без признания их волокнистого, нитевидного, жилистого, тягучего, вязкого, капиллярного характера, который, в свою очередь, не может быть понят в терминах уровней, слоев, территорий, сфер, категорий, структур, систем. АСТ нацелена на объяснение *эффектов*, для работы с которыми создавались эти традиционные слова, но не принимает связанные с ними онтологию, топологию и политику» [Там же, с. 173–176].

«Сложность в понимании АСТ заключается в том, что она создана соединением трех до того не связанных линий:

- 1) семиотического понимания конструирования сущностей;
- 2) методологической рамки для записи гетерогенности такого конструирования;
- 3) онтологического тезиса о «сетевом» характере самих актантов» [Там же, с. 183].

«При этом “актор” в АСТ понимается семиотически (актант): это то, что действует самостоятельно или чье действие обусловлено другими. Это понимание не предполагает с необходимостью ни человеческих индивидуальных акторов с их особой мотивацией, ни людей в целом. Актант может быть буквально чем угодно при условии, что он точно выступает источником действия» [13, с. 183].

Для понимания Б. Латура существенно, что одним из источников АСТ является актантная семантика А.-Ж. Греймаса [16]. Актантная семантика в свою очередь отсылает к структурному синтаксису Л. Теньера [17]. А.-Ж. Греймас пишет, как глубоко поразило его сравнение Л. Теньером высказывания со спектаклем: «Глагольный узел... выражает своего рода маленькую драму <...> в нем обязательно имеется действие, <...> действующие лица и обстоятельства. Если перейти от плана драматической реальности к плану культурного синтаксиса, то действие, актеры и обстоятельства становятся соответственно глаголом, актантами и сирконстантами» [17, с. 117]. Существенно, что «глаголы располагают разным числом актантов», при этом «разные актанты выполняют разные функции по отношению к глаголу». Л. Теньер обозначает функционально различающиеся актанты порядковыми номерами (первый актант – агенс, второй пациенс, актанты второго, третьего и далее порядков, определяющие различные способы участия в действии, например в роли посредника, подстрекателя, контролера и т. п.) [Там же]. Люди и вещи равно могут быть вовлечены в действие в тех или иных актантных позициях таким образом, что действие, вокруг которого они выстраиваются, осуществляется их взаимодействием. При этом «актантная модель в первую очередь есть не что иное, как экстраполяция синтаксической структуры» [18].

Важным также является различие между актантами и актерами: «главная идея в том, что каждая вещь, включая самость, общество, природу, любое отношение и действие, может быть понята как выбор или отбор все более тонких ветвлений, идущих от абстрактных структур (актантов) к конкретным (актерам)» [13, с. 183]. Эко Умберто проводит ясное различие между актантами и актерами: «Фабула [действия]... сводится... к чисто формальным позициям, которые создают актантные роли. Эти роли манифестируются на более низких уровнях в виде акториальных (actorial) структур, т. е. структур, образуемых действующими лицами (actors) (иными словами, актантные роли исполняются конкретными действующими лицами, которые суть элементы фабулы)» [19, с. 502]. Таким образом, актерами (их взаимодействием) реализуются актантные структуры (модели), и это требует от актеров collusion (сыгранности, «негласного сговора»). То, что синтаксически является «глагольными узлами» в жизни, реализуется в формах актантных структур, актантных моделей различных практик.

Приведем наглядный пример актантной структуры. Судопроизводство (действие) осуществляется взаимодействием людей, которые участвуют в судопроизводстве в четко определенных ролях-функциях (судья, прокурор, адвокат, потерпевший, обвиняемый, свидетели, эксперты, присяжные). Некоторые из этих ролей являются профессиональными, т. е. требуют специальных компетенций, другие роли являются сугубо функциональными (присяжные, свидетели, обвиняемые, потерпевшие). Роль эксперта требует, как правило, не юридических, а каких-либо других компетенций (психиатрическая экспертиза, психологическая экспертиза и др.). Есть роли, которые остаются «за кадром». Это, например, «опера» и следователи, которые готовят судебный процесс. Важно, что практика судопроизводства вводит в игру определенные смыслы, семантику. Например, «преступление», «вина», «на-

казание». Само имя «судопроизводство» указывает на смысл происходящего. Актантная структура является семантической, образует «смысловое поле», в которое погружается человек и которым «захватывается» его сознание; вовлекаясь в специфическую актантную структуру, человек входит в пространство специфических смыслов. Важно, что задаваемые актантными структурами смыслы являются интерсубъективными [20] в отличие от интересубъективности сфер (чтобы избежать путаницы, мы будем использовать термин «семантика», когда речь идет об актантных структурах, и термин «смысл», когда речь идет о сферах). Происходящее в суде по-разному субъективируются участниками процесса: для всех участников происходящее в суде «имеет семантику» судопроизводства, которая различно выражается в действиях прокурора, адвоката, судьи, обвиняемого и т. д. Не менее важно, что этой практикой индивидам атрибутируются определенные экзистенциальные качества, например способность нести ответственность за свои поступки, а значит, и «свобода воли» (без этого понятия преступления и вины становятся бессмысленными). В этом смысле судопроизводство предполагает некоторую «метафизику». Философы могут сколько угодно спорить о наличии у человека «свободы воли», но в судебном процессе этот вопрос признается априори решенным, и, если бы какой-нибудь адвокат попытался воспользоваться для защиты обвиняемого авторитетом философов, отрицающих свободу воли, его аргументы не были бы восприняты судом.

Аналогично строятся и функционируют все актантные модели. «Опираясь на семиотический поворот, АСТ в первую очередь заключает в скобки общество и природу, чтобы сосредоточиться только на производствах значений. Затем, устраняя исходные ограничения семиотики, но не теряя ее инструментарий, АСТ наделяет активностью семиотических акторов, превращая их в новые онтологические гибриды – миростроителей. Совершая эту контр-коперниканскую революцию, АСТ выстраивает совершенно пустую рамку для описания того, как любая сущность строит свой мир. Наконец, из дескриптивного проекта она сохраняет лишь несколько терминов (его инфразык), которых как раз достаточно, чтобы перемещаться между системами отсчета, а также возвращает актерам способность конструировать объяснения друг друга самым способом своего поведения. Выстраивание всеобъемлющего объяснения (для АСТ это центр вычислений, который удерживает, перемещает или пунктуализирует всех остальных) заменяется поиском развертываний, то есть распаковыванием как можно большего количества объясняемых элементов с помощью как можно большего количества метаязыков <...> Как я говорил, нет сети и актора, учреждающих сеть, все дело в акторе, чье определение мира набрасывает, отслеживает, очерчивает, изображает, описывает, предсказывает, вписывает, архивирует, выписывает, записывает, маркирует или отмечает траекторию, называемую сетью. Никакая сеть не существует независимо от самого акта ее прослеживания, а прослеживание сети никогда не осуществляется актором, находящимся вне этой сети. Сеть – это не вещь, а записанное движение вещи. <...> Нельзя сказать, что внутри сетей движутся информация, гены, машины, байты, обращения, слова, силы, мнения, утверждения, тела или энергия, потому что АСТ претендует также на реконструкцию сетей до появления всякого различия между тем, что циркулирует внутри, и тем, что, так сказать, извне удерживает циркулирующее на траектории. Повторюсь, техническая метафора сетей была навязана АСТ позднее, она не охватывает деятельность по прочерчиванию. Циркулирующее должно определяться подобно циркулирующему объекту в семиотике текстов, особенно научных текстов. Оно определяется данной ему способностью, испытаниями, через которые оно про-

ходит, исполнениями, которые ему позволено продемонстрировать, связями, с которыми оно вынуждено мириться, получаемыми санкциями, фоном, на котором оно циркулирует, и т. д. Его изотопия, то есть его постоянство во времени и пространстве, – это не свойство его сущности, а результат решений, принятых с помощью нарративных программ и нарративных путей... АСТ <...> видит непрерывность, множественность подключений между циркулирующими в тексте объектами, утверждениями вне текста в “социальном” и тем, что сами актаны реально делают в “природе”. Циркулирующий объект продолжает циркулировать и поддерживать свою изотопию благодаря тому, что делают с ним другие акторы. “Общество” и “природа” обладают теми же сетеподобными свойствами, что и тексты. Было бы точнее сказать, что для АСТ эти три категории суть произвольные разделяющие точки в непрерывном прослеживании действий. Еще более правильным было бы показать, каким образом эти категории сами являются частью множества испытаний, событий и ресурсов, используемых, чтобы приписывать “текстуальность”, “социальность” или “природность” тому или иному актору. Они – то, что распределяется, а не то, что осуществляет распределение» [13, с. 192–193].

«Для описания этого общего движения нет готового слова», – замечает Б. Латур [Там же, с. 193]. Возвращаясь к «смене метафорики», можно сказать, что сети что-то вроде «колес сансары», в которые все вовлечено посредством актанных структур (гун, которые в древнеиндийской философии часто определялись как нити, сети).

Возвращаясь к онтологической двусмысленности бытия людьми как источнику постмодерна

Классические онтологии имели характер сфер (миров), модерн и в особенности постмодерн выводит на первый план сети, и этим во многом объясняется происходящее. Сети разрушают миры, ведут к краху локальных онтологий. «Крыши эпохи постмодерна – это уже не онтологические догмы, а рабочие гипотезы для временных сообществ» [6, с. 465]. П. Слотердайк, «пальцем указывая» на Б. Латура, пишет: «Вооружившись арсеналом ситуационных, плюралистических, ассоциативных, морфологических и прежде всего психотопологических средств описания <...> [они стремятся] демистифицировать любую концепцию общества, в которой оно предшествует своим элементам» [10, с. 293]. «Стала ли [в связи с этим], – вопрошает П. Слотердайк, – онтология невозможной в принципе, как не устанут повторять проворные... мыслители, или же пришло время какого-то нового исторического типа онтологического мышления?» [6, с. 476].

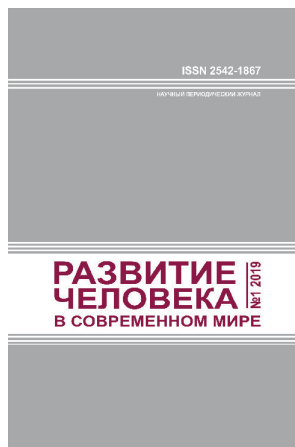
Мы придерживаемся мнения, что онтологическая двусмысленность бытия людьми имела место всегда, но не ощущалась, поскольку обсуждаемые модусы существования сосуществовали мирно, а иногда даже сопродуктивно, ярким примером чему являлась кула. Но всегда, на любой исторической дистанции, используя выражение Ф. Броделя, было «два бегуна», и только вследствие медлительности (Ф. Бурдые) и небольшой длины сетей в прошлые эпохи они удерживались в пространствах сфер. С начала Нового времени происходит эмансипация сетей (объектно-ориентированных онтологий) и, затем, их экспансия. Еще раз сошлемся на Ф. Броделя: с 1857 г., с прокладки первого межконтинентального океанского кабеля, пространство терпит поражение. Экспансия сетей и поражение (деконструкция, демонтаж) сфер имеет массу гуманитарных последствий, которые в совокупности образуют пеструю феноменологию постмодерна. В следующих статьях мы обсудим эти последствия.

Список литературы

1. *Энгельс Ф. В., Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 827 с.
2. *McDowell J.* Mind and World. Cambridge: Harvard University Press, 1994. 191 p.
3. *Бэксхёрст Д.* Формирование разума. М.: Канон+: Реабилитация, 2014. 368 с.
4. *Слотердайк П.* Сферы. Микросферология. Т. I Пузыри. СПб.: Наука, 2005. 651 с.
5. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь Мир, 2007. 592 с.
6. *Слотердайк П.* Сферы. Макросферология. Т. II Глобусы. СПб.: Наука, 2007. 1023 с.
7. *Вебер М.* История хозяйства. Город. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 576 с.
8. *Паркинсон М., Хардинг А.* Города Европы к 2000 году: новая эра предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: <http://emsu.ru/um/default.asp?c=482&p=1> (дата обращения: 10.05.2019).
9. *Лэндри Ч.* Креативный город. М.: Классика-XXI, 2006. 399 с.
10. *Слотердайк П.* Сферы. Плюральная сферология. Т. III Пена. СПб.: Наука, 2010. 922 с.
11. *Чалмерс Д.* Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с.
12. *Bruno Latour.* An Inquiry into Modes of Existence An Anthropology of the Moderns. Cambridge: Harvard University Press, 2013. 489 p.
13. *Латур Б.* Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // ЛОГОС: Научно-философский журнал. 2017. Т. 27, № 1 (116). С. 173–200.
14. *Латур Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.
15. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
16. *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: поиск метода. М.: Академический Проект, 2004. 368 с.
17. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
18. *Греймас А.-Ж.* Размышления об актантных моделях [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1996. № 1. URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21filologiya/178288-1-algirdas-zhyulen-greymas-razmishleniya-aktantnih-modelyah-1-dva-urovnya-opisaniya-kogda-mifograf-napri.php> (дата обращения: 10.05.2019).
19. *Умберто Эко.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
20. *Латур Б.* Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 2. С. 79–96.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в рецензируемом научном периодическом журнале «Развитие человека в современном мире», отражающем проблемы современной теоретической и практической психологии. Журнал выходит 2 раза в год.

Учредитель журнала – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет».

Журнал адресован преподавателям вузов и средне специальных учебных заведений, научным сотрудникам, практикующим психологам и педагогам, аспирантам, соискателям, магистрантам и студентам в психолого-педагогической области.

Авторами публикаций в журнале являются профессорско-преподавательский состав вузов, докторанты, аспиранты, магистранты, работники системы общего и дополнительного образования.

Требования к статьям и условия публикации в журнале.

1. Общие положения.

1.1. Редакцией не принимаются к рассмотрению материалы публиковавшихся ранее научных статей, а также материалы, не соответствующие изложенным требованиям и рекламные материалы.

1.2. Аспиранты, соискатели и магистранты, публикующиеся самостоятельно (не в соавторстве с научным руководителем) предоставляют отзыв научного руководителя на статью.

1.3. Редакционная коллегия производит отбор поступивших материалов и распределяет их по рубрикам. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей с сохранением авторского варианта научного содержания. В случае необходимости редколлегия вступает в переписку с авторами по электронной почте и может обратиться с просьбой о доработке материалов. Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не публикуются и почтовой пересылкой не возвращаются.

1.4. Вознаграждение (гонорар) за опубликованные научные статьи не выплачивается.

1.5. Автор (соавторы) в соответствии с приведенными ниже требованиями и условиями оформляет необходимые материалы: сопроводительные документы и рукопись статьи в электронном виде. В электронном виде материалы передаются по электронной почте.

1.6. Дополнительные условия публикации высылаются по запросу по электронной почте.

1.7. Редакция имеет право частично или полностью предоставлять материалы научных статей в российские и зарубежные организации, обеспечивающие индекс научного цитирования, а также размещать данные материалы на Интернет-сайте журнала.

2. Требования к материалам и рукописям.

2.1. Автор предоставляет в редакцию текст статьи и заявку в виде отдельных файлов в редакторе Microsoft Word. Аспиранты, соискатели и магистранты, публи-

кующиеся самостоятельно (без соавтора с научным руководителем) также прилагают отзыв научного руководителя на статью.

2.2. Рукопись статьи должна включать в себя текст статьи, а также пристатейные материалы:

- а) УДК (на русском языке);
- б) данные об авторе (на русском и английском языках);
- в) заголовок статьи (на русском и английском языках);
- г) аннотация (на русском и английском языках);
- д) ключевые слова (на русском и английском языках);
- е) список литературы (на русском языке, в алфавитном порядке).

2.3. Объем статьи может составлять до 20 тыс. печ. знаков. Рукописи, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению по согласованию с редакцией. Текст печатается в формате Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5. Поля страницы – по 2,5 см с каждого края.

2.4. Аннотация должна соответствовать содержанию статьи. В тексте аннотации необходимо указывать цель работы, методологию исследования, основные достижения и выводы. Текст должен отличаться содержательностью, компактностью и отсутствием лишней для читателя информацией. Приветствуется следование структуре статьи. Объем аннотации – 1 000 знаков (не менее 100–250 слов и не более 300 слов). Шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1,5, выравнивание по ширине.

2.5. Ключевые слова: 5–10 слов, по которым статьи могут быть найдены в электронных поисковых системах. Шрифт Times New Roman, кегль 11, интервал одинарный, отступа первой строки нет, интервал после абзаца 12 пт.

2.6. Список литературы. Помещается в конце статьи после подзаголовка. В список должны войти научные источники, отражающие современное состояние исследований по проблеме. Список оформляется в алфавитном порядке по ГОСТ Р 7.05-2008. Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках, помещаются после упоминания в тексте соответствующего источника и содержат номер указанного источника в списке, при цитировании – страницы.

2.7. Рисунки и таблицы. Текст статьи может включать таблицы, а также графические материалы (рисунки, графики, фотографии и др.). Данные материалы должны иметь сквозную нумерацию и названия. На все таблицы и графические материалы должны быть сделаны ссылки в тексте статьи. При этом расположены данные объекты должны быть после ссылок на них. Шрифт надписей внутри рисунков, графиков, фотографий и других графических материалов Times New Roman, размер кегля 12, межстрочный интервал 1,0 (одинарный). Рисунки и схемы сохраняются как картинки (они не должны быть редактируемыми в текстовом редакторе Word).

3. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей.

3.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию.

3.2. После получения материалов научной статьи ответственный секретарь проводит оценку правильности оформления и достаточности полученных материалов. В случае отклонений от установленных требований материалы возвращаются автору по электронной почте на доработку.

3.3. Зарегистрированные материалы научной статьи направляются для рассмотрения на рецензию. Рецензирование рукописей статей, представленных для публикации в журнале «Развитие человека в современном мире», организуется редакцион-

ной коллегией. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на редакционную коллегию.

3.4. К рецензированию привлекаются ученые, имеющие признанный авторитет и работающие в области знаний, к которой относится содержание рукописи.

3.5. Рецензенты обращают внимание на следующие вопросы: соответствие названия статьи ее содержанию; соответствие аннотации содержанию статьи; актуальность данной темы; новизна данной темы (данного исследования); теоретическая / методическая направленность данной работы; теоретическая / практическая значимость данной работы; терминологическая база работы, ссылки на другие источники и цитаты; использование научных библиографических источников, индексированных в базах данных (РИНЦ, SCOPUS). При положительной рецензии статья включается в план публикации соответствующего тематического раздела журнала. Автора уведомляют о включении статьи в план публикации. Сроки и очередность опубликования устанавливаются редакцией с учетом количества статей, находящихся в плане публикации соответствующего тематического раздела журнала. При получении рецензии на статью с замечаниями о возможности опубликования ответственный секретарь направляет автору по электронной почте рукопись статьи с формулировкой «На доработку» с замечаниями.

3.6. Редакция оставляет за собой право отклонения статей. В случае отклонения рукописи рецензентом автору направляется мотивированный отказ.

3.7. Статьи аспирантов, соискателей и магистрантов принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя.

3.8. Все статьи должны пройти оценку в системе Антиплагиат. К рецензированию допускаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 90 % (проверяется весь текст статьи, за исключением библиографического списка).

3.9. В связи с размещением журнала в системе РИНЦ с авторами заключаются договоры, предусматривающие передачу авторских прав на конкретную статью издателю журнала. Договор в бумажном виде привозится автором лично, отправляется по почте России, либо сканированный вариант подписанного договора высылается на электронную почту.

Наш адрес: 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская 28, НГПУ, кафедра общей психологии и истории психологии.

Тел./факс: 8 (383) 244-00-95.

E-mail: ngpu2008@mail.ru

